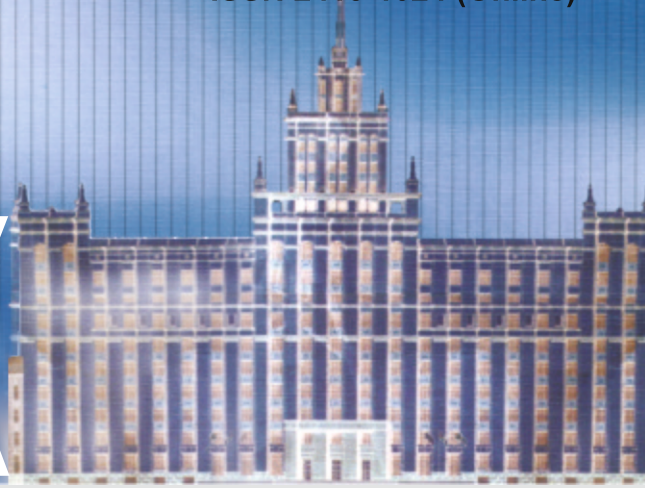

ISSN 1990-8466 (Print)
ISSN 2413-1024 (Online)

ВЕСТНИК

ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

BULLETIN

OF THE SOUTH URAL
STATE UNIVERSITY

СЕРИЯ

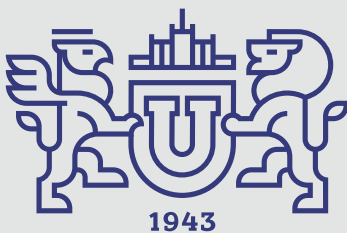
**СОЦИАЛЬНО-
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

2024, том 24, № 3

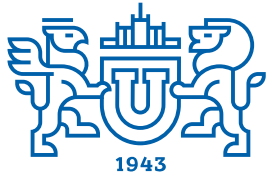
SERIES

**SOCIAL SCIENCES
AND THE HUMANITIES**

2024, volume 24, no. 3

ВЕСТНИК

ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

2024
Т. 24, № 3

ISSN 1990-8466 (Print)
ISSN 2413-1024 (Online)

СЕРИЯ

«СОЦИАЛЬНО- ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»

Решением ВАК России включен в Перечень рецензируемых научных изданий

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)»

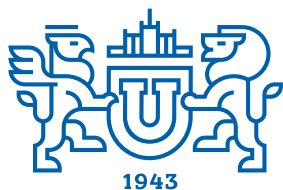
Основной целью журнала является продвижение новейших исследований в области социально-гуманитарных наук: исторических, социологических, филологических (литературоведения и журналистики), искусствоведения. Приоритетное право на публикацию имеют результаты качественных исследований по социологии, истории, историографии, источниковедению, искусствоведению, методологически актуальные исследования в области литературоведения и журналистики, результаты исследований общих методологических вопросов социально-гуманитарных наук.

Редакционная коллегия

д. филол. н., доц. **Шестеркина Л. П.**
(гл. редактор),
д. филол. н., проф. **Семьян Т. Ф.**
(зам. гл. редактора)
д. ист. н., проф. **Сибиряков И. В.**
(зам. гл. редактора),
к. социол. н., доц. **Салганова Е. И.**
(отв. секретарь),
к. филол. н., доц. **Афанасьев А. С.**
д. филол. н., проф. **Варганова Е. Л.**
д. ист. н., проф. **Епимахов А. В.**
д. филол. н., доц. **Лободенко Л. К.**
д. ист. н., доц. **Никонова О. Ю.**
д. ист. н., д. искусств., проф. **Парфентьев Н. П.**
д. искусств., проф. **Парфентьева Н. В.**
к. филол. н. **Смышляев Е. А.**
д. ист. н., проф. **Таиров А. Д.**
Ph. D., проф. **Шенк Б.**

Редакционный совет

академик РАН, д. ист. н., проф. **Алексеев В. В.**
д. ист. н., проф. **Ахметова Л. С.**
Ph. D., проф. **Баберовски Й.**
Ph. D., проф. **Байрау Д.**
Dr. habil **Буренина-Петрова О. Д.**
к. филол. н., доц. **Градюшко А. А.**
Ph. D., проф. **Ичин К.**
Ph. D., проф. **Кайзер Э.**
д. искусств. **Москалюк М. В.**
д. ист. н. **Нарский И. В.**
д. ист. н. **Самашев З. С.**
Ph. D., проф. **Хелльбек Й.**

BULLETIN

OF THE SOUTH URAL
STATE UNIVERSITY

2024

Vol. 24, no. 3

SERIES

“SOCIAL SCIENCES
AND THE HUMANITIES”

ISSN 1990-8466 (Print)
ISSN 2413-1024 (Online)

Vestnik Yuzhno-Ural'skogo Gosudarstvennogo Universiteta.
Seriya “Sotsial'no-gumanitarnye Nauki”

South Ural State University

The main purpose of the journal is to promote the latest research in the field of social and humanities sciences: historical, sociological, philological (literature and journalism), art history. Priority is given to publishing the results of qualitative research in sociology, history, historiography, source studies, art criticism, methodologically relevant research in the field of literary studies and journalism, the results of research on general methodological issues of social and humanities sciences.

Editorial Board

Shesterkina Lyudmila Petrovna, editor-in-chief, D. Sc. (Philology), associate professor
Semyan Tatiana Fedorovna, Deputy Chief Editor, D. Sc. (Philology), professor
Sibiriyakov Igor Vyacheslavovich, Deputy Chief Editor, D. Sc. (History), professor
Salganova Elena Ivanovna, executive secretary, Cand. Sc. (Sociology), associate professor
Afanasiev Anton Sergeevich, Cand. Sc. (Philology), associate professor
Lobodenko Lidia Kamilovna, D. Sc. (Philology), associate professor
Nikonova Olga Yurievna, D. Sc. (History), associate professor
Parfentyeva Natalia Vladimirovna, D. Sc. (Art History), professor
Parfentyev Nikolay Pavlovich, D. Sc. (History), D. Sc. (Art History), professor
Smyshlyaev Evgeny Alexandrovich, Cand. Sc. (Philology)
Schenk Benjamin, Ph. D., professor
Tairov Alexander Dmitrievich, D. Sc. (History), professor
Vartanova Elena Leonidovna, D. Sc. (Philology), professor
Yepimakhov Andrey Vladimirovich, D. Sc. (History), professor

Editorial Council

Alekseev Veniamin Vasilyevich, academician of the Russian Academy of Sciences, D. Sc. (History), professor (Russian Federation)
Akhmetova Laila Seisembekovna, D. Sc. (History), professor (Kazakhstan)
Baberowski Joerg, Ph. D., professor (Germany)
Beyrau Dietrich, PhD, professor, Tübingen University (Tübingen, Germany)
Burenina-Petrova Olga Dmitrievna, Dr. habil (Switzerland)
Gradyushko Alexander Aleksandrovich, Cand. Sc. (Philology), associate professor (Belarus)
Ichin Cornelia, Ph. D., professor (Serbia)
Jochen Hellbek, PhD, professor (USA)
Kaiser Elke, Ph. D., professor (Germany)
Moskalyuk Marina Valentinovna, D. Sc. (Art History), professor (Russian Federation)
Narsky Igor Vladimirovich, D. Sc. (History) (Russian Federation)
Samashev Zainolla Samashevich, D. Sc. (History) (Kazakhstan)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии.....	5
Исторические науки	
АТДАЕВ С. Д. Судьба туркменского военачальника 19 века Говшут-хана в аспекте источниковедческих изысканий.....	6
ЖУРАВЛЕВА В. А., МИРОШНИЧЕНКО М. И., ПАЛЕЦКИХ Н. П., ТОЛСТИКОВ В. С. Конфликт менталитетов в женской уральской провинциальной школьной среде в 1920-е – середине 1930-х гг.....	16
КИРИЛЛОВ В. М. Массовые настроения на Урале в годы НЭПа (1922–1928).....	27
НАЗАРЕНКО Н. Н., КОРШУНОВА Н. В. Естественное движение населения Южного Урала и Зауралья в 1933 году.....	37
СИБИРЯКОВ И. В. Экологическая история России: в поисках своего пути.....	49
Искусствоведение	
АКИЛОВ И. В., АКИЛОВ Н. В. Статуи Перикла и Аполлона Пифийского: к вопросу скульптурного наследия Кресила.....	56
КОВТУН О. А., КОНДАКОВА Е. Н. Пейзаж в творчестве художников Урала 1960–1970-х годов.....	64
Литературоведение. Журналистика	
БАРКОВСКАЯ Н. В., СУНЦОВА Е. А. Рассказ Константина Коровина «Вечер весны»: к вопросу о специфике прозы художника.....	72
БУЗИНА С. В., КОРОЛЕВА В. В. Идиллические образы и мотивы в лирике В. Я. Брюсова.....	82
БУЛАЕВА М. Н. Проблемно-тематические особенности медиапроектов социальной направленности в СМИ Челябинской области.....	88
КАНИЩЕВА Е. В. Жанр религиозного фэнтези в творчестве Д. Урушева.....	97
СЕЛЮТИНА Е. А. А. И. Куприн-огородник: самопрезентация писателя в литературных интервью эпохи модерна.....	103
ЧУМИКОВ А. Н. Государственные медийные конкурсы как форма продвижения патриотических ценностей.....	111

CONTENTS

From the Editorial Board	5
Historical studies	
ATDAEV S. J. The fate of the 19th century Turkmen military commander Koushut Khan in the aspect of source studies.....	6
ZHURAVLEVA V. A., MIROSHNICHENKO M. I., PALETSKIKH N. P., TOLSTIKOV V. S. Conflict in the mentalities of women in the school environment in the Ural province from the 1920s to the mid 1930s.....	16
KIRILLOV V. M. Mass sentiment in the Urals during the NEP years (1922–1928).....	27
NAZARENKO N. N., KORSHUNOVA N. V. The natural movement of the population of the Southern Urals and Trans-Urals in 1933.....	37
SIBIRYAKOV I. V. An environmental history of Russia: in search of its own way.....	49
Art Criticism	
AKILOV I. V., AKILOV N. V. The Pericles and Pythian Apollo statues: on the sculptural legacy of Kresilas.....	56
KOVTUN O. A., KONDAKOVA E. N. Landscape in the artwork of Ural artists of the 1960–70 s.....	64
Literary criticism. Journalism	
BARKOVSKAYA N. V., SUNTSOVA E. A. Konstantin Korovin’s story “Spring Evening”: on the problem of the specifics of the painter’s prose.....	72
BUZINA S. V., KOROLEVA V. V. Idyllic images and motifs in the lyrics of Valery Bryusov.....	82
BULAEVA M. N. The problem-thematic features of social media projects in the Chelyabinsk Region.....	88
KANISHCHEVA E. V. Genre of religious fantasy in the work of D. Urushev.....	97
SELYUTINA E. A. Alexander Kuprin as a gardener: the self-presentation of a writer in literary interviews of Modernism.....	103
CHUMIKOV A. N. State media contests as a form of promoting patriotic value.....	111

От редакционной коллегии

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию предлагается выпуск «Вестника Южно-Уральского государственного университета» в серии «Социально-гуманитарные науки». Цель данной серии – представить научному сообществу новейшие исследования в сфере социально-гуманитарного знания.

Раздел «Исторические науки» открывает статья С. Д. Атнаева «Судьба туркменского военачальника 19 века Говшут-хана в аспекте источниковедческих изысканий», которая посвящена неординарной исторической личности. Коллективная статья В. А. Журавлевой, М. И. Мирошниченко, Н. П. Палецких и В. С. Толстикова «Конфликт менталитетов в женской уральской провинциальной школьной среде в 1920-е – середине 1930-х гг.» также посвящена региональному материалу. Две следующие статьи – В. М. Кириллова «Массовые настроения на Урале в годы НЭПа (1922–1928)» и Н. Н. Назаренко, Н. В. Кориуновой «Естественное движение населения Южного Урала и Зауралья в 1933 году» – продолжают изучение проблем истории Урала. Завершается исторический раздел статьей И. В. Сибирякова «Экологическая история России: в поисках своего пути», в которой предпринята попытка проанализировать процессы становления экологической истории России как самостоятельного направления отечественной исторической науки на рубеже XX–XXI вв.

Раздел «Искусствоведение» представлен двумя статьями. В работе И. В. Акилова и Н. В. Акилова «Статуи Перикла и Аполлона Пифийского: к вопросу скульптурного наследия Кресила» предлагается новое понимание фигуры бородатого воина на Таманской стеле как посмертного образа афинского стратега Перикла. В статье О. А. Ковтун и Е. Н. Кондаковой «Пейзаж в творчестве художников Урала 1960–1970-х годов» посвящена выявлению стилевых особенностей и своеобразия уральской пейзажной живописи.

Раздел «Литературоведение. Журналистика» открывается статьей Н. В. Барковской и Е. А. Сунцовой «Рассказ Константина Коровина “Вечер весны”: к вопросу о специфике прозы художника», в которой предложен анализ синкретичного литературного феномена. С. В. Бузина и В. В. Королева в статье «Идиллические образы и мотивы в лирике В. Я. Брюсова» обращаются к эпохе Серебряного века, возрождавшей мифологические культурные модели. Статья М. Н. Булаевой «Проблемно-тематические особенности медиапроектов социальной направленности в СМИ Челябинской области» посвящена исследованию медиапроектов социальной направленности, реализованных в средствах массовой информации Челябинской области. В статье Е. В. Канищевой «Жанр религиозного фэнтези в творчестве Д. Урушева» описаны особенности жанровой специфики произведений современного автора, опубликовавшего в период с 2017 по 2023 год пять произведений в жанре «старообрядческой сказки». Е. А. Селютина в статье «А. И. Куприн-огородник: самопрезентация писателя в литературных интервью эпохи модерна» исследует жанр «литературное интервью» на примере творческих высказываний в прессе А. И. Куприна в начале XX века. В заключительной статье номера «Государственные медийные конкурсы как форма продвижения патриотических ценностей» А. Н. Чумиков рассматривает теорию и практику государственной политики в области формирования и продвижения патриотических ценностей в увязке с задачами средств массовой информации.

СУДЬБА ТУРКМЕНСКОГО ВОЕНАЧАЛЬНИКА 19 ВЕКА ГОВШУТ-ХАНА В АСПЕКТЕ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИХ ИЗЫСКАНИЙ

С. Д. Амдаев

Институт истории и археологии АН Туркменистана, г. Ашхабад, Туркменистан

Фигура Говшут-хана, столь известная в отечественной общественно-популярной публицистике, должного освещения в специальной научной литературе не получила. В данной работе автор поставился реабилитировать это положение и восстановить в должной мере образ этой неординарной личности. В ходе исследования был применен комплексный метод изучения источниковедческого и историографического и этнографического материала. Использование способа историко-сравнительного анализа позволило выявить некоторые неизвестные подробности из жизни Говшут-хана, а также помогло объективно взглянуть на общественно-политическую ситуацию в Мервском регионе. Критический анализ исследуемых текстов и дальнейший синтез сведений из них дал возможность выделить важные моменты рассматриваемого вопроса. Результатом исследования явилось воссоздание образа Говшут-хана как смелого полководца, умного дипломата, превосходного руководителя и безупречного лидера. Присущие ему дальновидность и терпение помогли одержать ряд блистательных побед над неприятелями и снискать славу опытного военачальника. Говшут-хан, как грамотный хозяйственник, организовал сооружение внушительной крепости Говшут-хан-гала, а также возвел плотину Говшут-бент. Он основал в Мерве сеть образовательных учреждений: мектебы и медресе.

Ключевые слова: Говшут-хан, Мерв, Хива, Иран, Российская империя, теке, военачальник, дипломат.

Введение

Говшут-хан – глава мервских теке, отмечен в истории как опытный военачальник, сумевший объединить вокруг себя не только своих соплеменников, но и остальные племена оазиса. В 1858 г. жители Мерва отбивают нападение хивинского правителя Мухаммет-Эмин-хана, а в 1861 г. разбивают гаджарские войска соседнего Ирана. Опыт тонкого дипломата и характер жесткого лидера помогли Говшут-хану выйти победителем в этих сражениях. Ратные подвиги хана прославили его далеко за пределами родного края. В хрониках той поры его деяниям воздается должная хвала. Имя Говшут-хана не забыто и в современных отечественных учебниках и пособиях. Между тем, соответствующего освещения в специальной научной литературе этот образ не получил. В рамках данной статьи автор пытается в должной мере воссоздать образ этой выдающейся личности.

Обзор литературы

Среди источников, указывающих на детали из биографии Говшут-хана, следует выделить следующие материалы: Абду-с-Саттар Казы «Книга рассказов о битвах текинцев» [1], М. Алиханов-Аварский «Мервский оазис и дороги, ведущие к нему» [2] и «Закаспийские воспоминания» [3]; А. Самойлович «Туркменский поэт-бояк Кор-Молла, и его песня о русских» [4] и «Из туркменской старины. II. Мервские воспоминания» [5]; В. А. Туган-Мирза-Барановский «Русские в Ахал-Теке. 1879 г.» [6]; «Присоединение Туркмении к России (сборник архивных документов)» [7]; «Россия и Туркмения в XIX

веке» [8]; А. А. Семенов «Очерки из истории присоединения вольной Туркмении (1881–1885 гг.)» [9].

Историография рассматриваемого вопроса нашла свое частичное отображение в таких работах, как: Дж. Давлетов, А. Ильясов «Присоединение Туркмении к России» [10]; «Туркменские ханы и сердары» [11], а также недавно вышедшая статья турецкого исследователя Р. Шахси [12].

Методы исследования

В данной работе нами был применен комплексный метод исследования, с подключением всевозможного источниковедческого и историографического материала, бытующей в народе устной информации и этнографических данных. Системный подход в исследовании текстов дал возможность выделить необходимую информацию, рисуящую правдивый образ нашего героя. Историко-сравнительный анализ помог объективно взглянуть на общественно-политическую ситуацию не только в Мерве, но и во всем регионе.

Полученные данные рисуют нам фигуру сильного руководителя. При управлении обществом ему приходилось применять строгие, а порой жесткие меры. Его лидерство не ограничивалось только военными операциями. Возведение огромной по тому времени крепости Говшут-хан-гала, а также постройка плотины Говшут-бент требовали огромных людских ресурсов. Здесь он проявлял себя как превосходный руководитель и грамотный организатор.

Результаты и дискуссия

Говшут-хан родился в 1823 г. в Атеке в селе Говшут. В средневековых источниках часто упоми-

наются туркменские предводители с именем Ки-фшат (Кафшут) [12, с. 78]. Традиционно термином Говшут обозначают места соединения горных хребтов или ущелий (*даг дювюнлери, говшут*). Рядом с селением Говшут расположена местность Душак, название которой в переводе с персидского языка также звучит как «слияние двух (горных) веток» [13, р. 100]. Это обстоятельство и дало название данному селу, где родился Говшут-хан.

Молодой Говшут отличался живым умом, отменной храбростью и твердым характером. С возрастом он стал близким соратником главы текинцев Ораз-Яглы-хана (колени Сычмаз, род Гараахмет). Они оба, а также Гара-Оглан-хан (колени Векиль) активно участвуют в мятеже хорасанского феодала Салара в 1846 г. [14, с. 240–243]. Текинцы, осевшие на берегах Теджена еще в 1780-х гг., со временем переселяются в Сарахс. По причине того, что Ораз-Яглы-хан постарел, в 1853 г. на совете было принято решение о передаче главенства Говшут-хану. Одновременно в Сарахсе возводится новая крепость – Говшут-гала [15, с. 105].

В начале 1855 г. хивинский правитель Мухаммед-Эмин-хан (гг. правл. 1845–1855) выступает с походом на Мерв. Его сорокатысячное войско достигает местности Гара-Яп, а в марте находится у стен сарахского укрепления Говшут-гала. На помощь текинцам приходит поддержка от соплеменников из Ахала [6, с. 68]. Генерал-майор Н. Г. Петрусевиич отмечал, что у предводителей туркмен могли быть разногласия, но в моменты опасности они «... всегда будут на стороне своих, а не чужих» [16, с. 48]. О совместных действиях текинцев Сарахса, Ахала и Гара-Япа против хивинцев говорят и иранские хронисты [14, с. 271]. Туркмены, выйдя за стены крепости, принимают бой и оттесняют неприятеля. 19 марта отбита вторая попытка хивинцев. В бою джигит по имени Гурбан-Кель ударом сабли валит Мухаммед-Эмин-хана с коня, а подоспевший сын Ораз-Яглы-хана Сяхет-Нияз лишает его жизни. В память об этой битве место, известное ранее как Яглы-депе, теперь именуется Ганлы-депе (Кровавый холм). Уничтожена большая часть хивинской армии, часть пленена, а другая бежала. В качестве трофеев было взято 19 пушек, 24 фальконета, четыре знамени, много мушкетов и другого оружия [14, с. 264, 309]. Слава Говшут-хана распространилась до хивинских, бухарских и персидских владений. В этом сражении геройски проявили себя ближайšie соратники Говшут-хана: Аман-Сяхет-сердар (колени Багши), Тяч-Гёк-сердар (колени Сычмаз, род Ак-Сопы), сыновья Ораз-Яглы-хана – Сяхет-Нияз-хан и Берды-Нияз-хан [15, с. 105]. Героизм туркмен был отображен в рассказе Тёре-бая [5, с. 83] и воспет народным поэтом Кёр-Молла [4, с. 219–220].

Вскоре Говшут-хан, обеспокоенный притеснениями со стороны Ирана, намеревается переселиться в Мерв. Для реализации этого сложного мероприятия он обращается за помощью к правителю текинцев Ахала – Нур-Берды-хану. Послед-

ний, однако, вместе с йомутским главою Махмыт-ишаном занят помощью гёкленам, на которых по приказу иранского шаха Насреддина надвигается войско Джапар-Гулы-хана. Тогда направленный ранее Говшут-ханом в Ахал для переговоров Гюльтен-батыр (Гюльтёк-бай, из колена Багши) остается со своим отрядом и сражается против иранцев [1, с. 25–27]. После длительного боя Джапар-Гулы-хан вынужден был отступить в Иран.

В 1858 г. текинцы перебираются из Сарахса в Мерв [3, с. 111]. Сарахское укрепление Говшут-гала остается заброшенным. Д. Н. Логофет, описывая в 1909 г. этот запустевший форт, отмечал, что его стены и башни находились в сильно разрушенном состоянии, где «...призрак грозного Говшут-хана иногда появляется в лунные ночи и носится над развалинами города» [17, с. 199–200].

Шах Ирана Насреддин, недовольный поражением своих войск в битве под Гарри-гала в 1858 г., организовывает новый поход, теперь уже на Мерв [18, с. 62]. В 1861 г. иранская армия численностью в 12 000 конников и 12 000 пехотинцев с 33 пушками выступает в поход. Во главе войска стоит Хамза-Мирза со своим помощником Мирза-Мамедом (Гара-сертип). В арсенале текинцев также имелись пушки [1, с. 0134], захваченные ранее у хивинцев в 1855 г. Говшут-хан собирает войско в 10 000 воинов. Вскоре прибывает помощь от соплеменников из Ахала [6, с. 69]. 6 июля 1861 г. туркмены встречают неприятеля в местечке Гара-Яп и дают ему первый отпор. Затем происходит осада укрепления Ниязмет-гала (Порсы-гала), после чего враг отступает. В местечке Джерен-депе были уничтожены 1 000 гаджарцев и несколько сотен из них взяты в плен. Особый героизм проявили туркменские военачальники: Тяч-Гёк-сердар и Аман-Сяхет-сердар, сыновья Ораз-Яглы-хана – Сахат-Нияз-хан и Берды-Нияз-хан [15, с. 105]. 3 октября 1861 г. начинается полное отступление иранских войск.

Итоги этого сражения нашли свое отражение в народном творчестве. Туркменский поэт Дованшахир пишет: «На голову Говшут-хана птица счастья села» [1, с. 0113]. Героизм Говшут-хана и Аман-Сяхет-сердара были воспеты и народным поэтом Кёр-Молла в стихотворении «Аман-Сяхет-сердар и Говшут-хан хороши!» [4, с. 219–220]. Ценными источниками этого события являются «Рассказ о туркменско-каджарской войне» Мухаммет-Рахима, сына поэта Молланепеса [19, с. 6, 32], а также воспоминания попавшего в плен к текинцам французского топографа и художника Гулибефа де Блоквиля, позже написавшего книгу-воспоминание «Четырнадцатимесячный плен у туркменцев» [20].

Дальнейшие события в регионе связаны с продвижением войск Российской Империи. В октябре 1869 г. российские войска обосновываются на восточном побережье Каспийского моря. Текинцы не замедлили с ответом и вскоре атаковали Михайловский пост. Из донесения управляющего россий-

ским консульством в Астрабаде от 21 ноября 1870 г. следует, что туркменское племя ёмут отправило своих депутатов к Говшут-хану за помощью. Отряд в 2 000 человек под предводительством Говшут-хана, Нур-Гельды-хана (племя Гёклен), Ходжа-Кули-хана (брат Говшут-хана), Ораз-Мухаммет-хана (мервский Теке колена Багши), Сопы-хана (ахалский хан колена Векиль) и Овез-Мурад-сардара (Дыкма-сердар из колена Сычмаз) нападает на русский гарнизон. В последующем донесении от 1 декабря 1870 г. уточняется, что 20 октября 1870 г. на рассвете текинцы осуществили нападение на часть сухопутного отряда полковника Столетова, расположенную у пристани в заливе Кайсесу (Михайловский залив) [7, с. 52, 53]. С. А. Гунаропуло также пишет об участии в данном нападении осенью 1870 г. Говшут-хана и проживавшего в Даш-Арват-гала Дундур-хана [22, с. 1034]. О нападении туркмен на русский пост в Михайловском заливе 20 октября 1870 г. сообщает и Гродеков [23, т. 1, с. 98].

Известно, что Хива всячески поощряла туркменских ханов и старшин на войну против русских. В российских донесениях часто говорилось, что «...эmissары Мерва и Ахала постоянно ездят в Хиву и возвращаются обратно, богато одаренные ханом» [23, т. 1, с. 119]. В Хиве побывал ахалский военачальник Дыкма-сердар, который, получив здесь щедрые подарки, участвовал в организации нападения на Михайловский пост [10, с. 50]. Следует добавить сообщение В. Маркозова о том, что текинский глава Нур-Берды-хан «...получил от хана хивинского 5 000 туманов, обязавшись за это напасть на русских» [24, с. 70]. Хива обещала направить в помощь туркменам своих 3 000 всадников и артиллерию. Нур-Берды-хан уведомил о своей готовности, но только после того, как хивинский хан первым вступит в бой с русскими отрядами [7, с. 62, 82].

В 1875 г. в Гёк-тепе организуется совет – Маслахат, – на котором текинцы колена Тогтамыш стали склоняться к мирному решению вопроса с российскими войсками. Тогда другое текинское колено, Утамыш, посылает своих депутатов в Мерв с жалобами на первых. Говшут-хан отправляет из Мерва в Ахал депутацию во главе с Худай-Берды-ханом [25, с. 46], которая запрещает поддерживать всякие отношения с русскими, пригрозив в противном случае наказанием [23, т. 1, с. 120]. В одних документах Худай-Берды-хан указан как брат Нур-Берды-хана [23, т. 1, с. 120], в других – как дядя [7, с. 187, 245], а в третьих – даже как брат Говшут-хана [25, с. 46]. В мае 1877 г. российские отряды доходят до Кызыл-Арвата. Текинцы Ахала запрашивают помощь у Говшут-хана, который собрал для этой цели до 30 000 ополченцев и артиллерию [7, с. 318, 319, 325].

Первые столкновения с российскими отрядами показали мощь их современного оружия. Говшут-хан готов был к переговорам и даже пытался заключить с Россией мирный договор [26, с. 230]. Однако продвижение русских отрядов в глубь оа-

зиса отбросило все его дипломатические шаги. В сложившейся ситуации Говшут-хан начал искать поддержки у соседей. Он сам ездил в Мешхед, но не нашел понимания со стороны иранских вельмож. В 1876 г. Говшут-хан направляет своего брата в Герат, где получает заверения о поддержке [12, с. 105]. Через год в Герат был отправлен один из его сыновей [27, р. 246]. Поездки мервских делегатов в Мешхед возобновились в 1877 г., но договориться удалось лишь в 1878 г., с уступками иранцам, в их притязаниях на Серахс. Однако вскоре Говшут-хан неожиданно умирает [27, р. 245], и дальнейшая борьба Мерва за независимость ложится на плечи других текинских предводителей.

Говоря о влиянии Говшут-хана, Ч. Стюарт пишет, что «...еще ни одна семья не достигла такой власти, как семья Говшут-хана» [28, р. 542]. Г. Лэнсделл указывал, что Говшут-хан происходил из влиятельной семьи и обладал решительной волей [29, р. 480]. По воспоминанию Гулибефа де-Блоквиля, Говшут-хан «...пользуется некоторыми правами верховной власти, благодаря своей хитрости и политическому смыслу» [20, р. 266]. О влиянии рода Говшут-хана сообщают и архивные материалы [30, л. 9–11].

Говшут-хан обладал превосходными способностями руководителя. М. Алиханов отмечал, что Говшут-хан выказал «...замечательное умение в деле организации и обуздания текинцев» [3, с. 87]. Для поддержания дисциплины в обществе Говшут-хан сформировал стражу, состоявшую из 2 000 преданных ему нукеров. Они неукоснительно выполняли все его приказания, вплоть до смертного приговора [3, с. 87].

Главной крепостью Мерва считалась Говшут-хан-гала. Это укрепление было возведено на восточном берегу Мургаба, в петле реки, и омывалось водой с двух сторон [28, р. 531]. По размерам и толщине крепостных стен это укрепление было намного крупнее Гёк-текинской крепости в Ахале [3, с. 111; 31, р. 179; 32, с. 504].

Работы по строительству крепости Говшут-хан-гала начались еще в 1859 г., накануне похода иранской армии в 1861 г. [18, с. 62; 21, р. 143; 28, р. 531; 32, с. 195]. Работы возобновились в 1868 г. сразу после завоевания Россией Бухары и в 1873 г. с захватом Хивы [32, с. 504; 34, с. 126; 35, с. 191]. В 1881 г. работы с участием 25 000 рабочих продолжались, но так как после взятия Гёк-Тепе русские войска на Мерв не пошли, то строительство вновь остановилось [2, с. 52; 33, с. 192; 31, р. 193]. По другим данным в работах участвовало до 8 000 человек [21, р. 161; 36, р. 66].

В 1881 г. главным распорядителем работ на строительстве крепости был мервский глава Гад-жар-хан (колени Сычмаз, род Топаз) [18, с. 63]. При строительстве крепости каждое из четырех текинских коллен должно было возвести одну из стен, с предоставлением одинакового числа рабочих [32, с. 504; 37, с. 170]. Ко времени нахождения Донована в Мерве, т. е. к 1881 г., крепость выглядела вну-

шительно (рис. 1) [38, с. 1023]. Стены возводили особым приемом, ступень за ступенью, по которым рабочие взбирались вверх, а затем засыпали их землей и утрамбовывали. Внешняя стена с зубчатым бруствером возвышалась на 13 м. в высоту [21, р. 143–144]. По данным же Н. В. Чарыкова, высота стен равнялась 17 м, ширина основания стен была 20 м. Глубина рва достигала 6 м [32, с. 504].

Внутри крепости располагалось несколько глиняных зданий [28, р. 532] и около 300 кибиток аула Анна-Мурад-Чепека [35, с. 192–193]. В бастионе находилось до 30 медных орудий [2, с. 51–54], а рядом пороховой погреб и мазанка, в которой были сложены снаряды и заряды [36, с. 194]. В укреплении содержался постоянный гарнизон, поровну от каждого колена [39, с. 3, 4]. Донован писал о намерении Аман-Нияз-хана и Гаджар-хана наладить производство в Мерве современной артиллерии [21, р. 147, 153–154]. Часть орудий находилась также и в расположенном рядом ауле Солтан-Эзиз [35, с. 194]. В начале XX в. крепость была снесена, а пушки могли быть перенесены в Мургабское имение. Уже в советское время часть этих бронзовых орудий, а также пушки, захваченные у афганцев в 1885 г. в бою под Кушкой, были переплавлены для статуи вождя мирового пролетариата В. И. Ленина, установленной 7 октября 1927 г. в одном из скверов города Ашхабада [40]. Перефразируя известное выражение, можно сказать: «Перековали орудия на памятник».

Говшут-хан был также организатором строительства плотины на Мургабе [3, с. 111]. Объект был возведен в 1858–1860 гг. на месте старой плотины Джанали-бенд. Он поднимал и выводил воды Мургаба двумя магистральными каналами: Утамыш-Яп и Тогтамыш-Яп, от которых отходили сотни оросительных каналов [41, с. 164]. Говшут-хан даже имел замысел переселить жителей к старому Мерву. Для этого он собирался приступить к восстановлению плотины Бенди-Султан, но неожиданная смерть не позволила ему осуществить этот проект [3, с. 87].

Грамотность всегда считалась важной и необходимой частью туркменского общества. Состоятельные люди отправляли своих детей получать знания в престижных учебных заведениях соседних стран. К примеру, внук Ораз-Яглы-хана Майлы-хан получил образование в Бухаре и был хорошо знаком с персидской литературой [31, р. 185]. Хорошее образование имел и сын Говшут-хана Махтум-Кули-хан [23, т. 2, с. 9]. Сам же Говшут-хан считался одним из ученейших людей своего племени [3, с. 87]. Его усилиями в Мерве были возведены несколько учебных заведений (рис. 2) [42, с. 446].

Знатные люди считали честью возвести в ауле начальную школу – мектеб или среднее учебное заведение – медресе [18, с. 64]. Рядом с крепостью располагалась начальная школа с шестью домами для преподающих священников. Школой управлял молла Тёре, главный священнослужитель племени Бег [28, р. 532; 29, р. 479].

Медресе действовало и в ауле Говшут-хана – Гёкче, к северо-западу от крепости. Управлял им старший ишан (улы ишан) Абдулла-шейх [5, с. 222]. Намного позже, в начале XX века, медресе возглавил зять Абдулла-шейха Дыллан-ишан [1, с. 0115, 0127, 0134]. Другое медресе располагалось к северо-востоку от крепости [35, с. 195]. Донован упоминает, что близ крепости находилось медресе весьма прославленного туркменского ученого Хаджи-Непеса [21, р. 115, 366].

Рис. 1. Говшут-хан-гала
[34, с. 1023]
Fig. 1. Koushut khan gala
[34, p. 1023]

Рис. 2. Медресе в селе Говшут-хана
[38, с. 446]
Fig. 2. Madrasah in the village
of Koushut Khan [38, p. 446]

Яркий образ Говшут-хана нашел отображение в литературном творчестве его современников. Классик туркменской литературы Маметвели Кемине (1770–1840 гг.) с молодости хорошо знал Говшут-хана [15, с. 105]. Героизм Говшут-хана был отображен в рассказе Тёре-бая [5, с. 83] и воспет народным поэтом Кёр-Молла в стихотворении «Аман-Сагат сердар и Кошут-хан хороши!» [1, с. 0127; 4, с. 219–220]. О борьбе текинцев во главе с Говшут-ханом против иранских войск в 1861 г. писал и туркменский поэт Дован-шахир [1, с. 0113]. А. Самойловичем была записана песня в честь Говшут-хана [43, л. 58]. Современником Говшут-хана был представитель туркменской народной сатиры – Нияз-Вели-Кары. В коротких рассказах повествуется, как этот остроумный слепец удачно выходит из сложных ситуаций, в которые его ставят хитрый Говшут-хан и начитанный Тёре-ахун [41, с. 240].

Кровное родство долго было основой взаимоотношений в туркменском обществе. Говшут-хан, как и многие лидеры того времени, в своей деятельности опирался на свое близкое окружение. Говшут-хан принадлежал к текинскому колену Бег, которое вместе с коленом Векиль составляло объединение Тогтамыш. В Мерве Тогтамышы проживали на восточной стороне Мургаба, а другая половина текинцев – объединение Утамыш, куда входили Сычмаз и Багши, осели на западной стороне реки (рис. 3) [21, с. 202].

Распределение текинских колен по правую и левую сторонам реки Мургаб символично [15, с. 109]. Подобную разбивку мы наблюдаем и у текинцев, проживающих на реке Теджен, где на правой стороне реки также осели Тогтамышы, а на левой – Утамышы (рис. 4) [44, с. 65].

Аул Говшут-хана располагался к северо-западу от крепости Говшут-хан-гала [32, с. 54]. Хан принадлежал к колену Бег. Его родовая линия выглядит так: Теке – Тогтамыш – Бег – Гёкче –

Исторические науки

Яры-гёкче – Чомалак-чюри [11, р. 32]. На племенной схеме, выполненной по информации Сухан-Берды Анна-Гурбан оглы, эта линия выглядит чуть иначе: Теке – Тогтамыш – Бег – Гёкче – Гара – Чомалак. А. Н. Самойлович в своих комментариях к «Книге рассказов о битве текинцев» приводит интересные данные о мервском лидере. Отцом Говшут-хана был Овез-Дурды-сердар, дедом – Ак-Мамед-сердар, прадедом – Пяльван-хан, прапрадедом – Мирза-хан, прапрапрадедом – Султан-хан, а прапрапрапрадедом – Шангрык-хан [1, с. 0125].

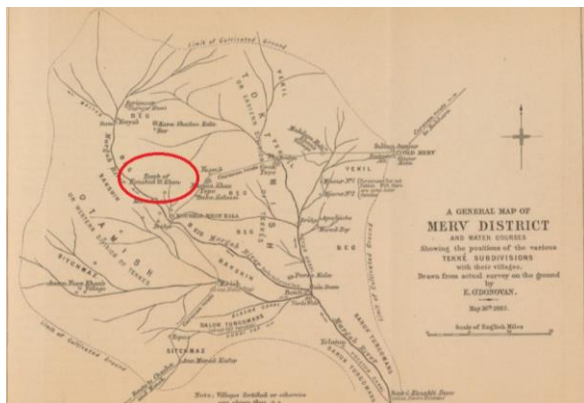

Рис. 3. Расселение колен Утамыш и Тогтамыш на реке Мургаб. Обозначение могилы Говшут-хана [19, с. 202]
 Fig. 3. Settlement of the tribes Utamysh and Togtamysh on the Murgab River. Designation of the grave of Koushut Khan [19, p. 202]

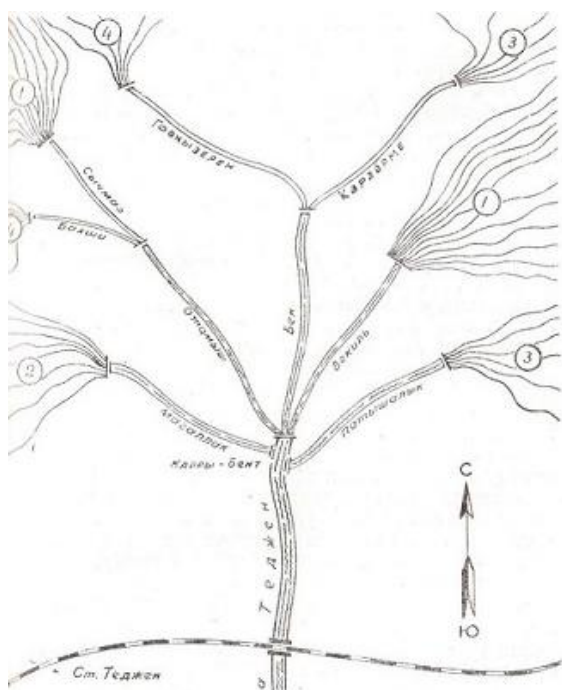

Рис. 4. Расселение колен Утамыш и Тогтамыш на реке Теджен [40, с. 65]
 Fig. 4. Settlement of the tribes Utamysh and Togtamysh on the Tejen River [40, p. 65]

Дед хана Ак-Мамет-сердар являлся предводителем текинцев в Хиве и имел титул беглер-беги при Ильбарс-хане (1728–1740). После захвата Хи-

вы персидским правителем Надир-шахом в 1740 г. Ак-Мамет-сердар уходит в сторону Балханских гор, приютив жену и детей Ильбарс-хана, казненного по приказу шаха. После гибели Надир-шаха в 1747 г. Ак-Мамет-сердар освобождает из мешхедского плена другую жену Ильбарса и его сына Ак-Ходжу. Дочь Ильбарс-хана, на которой в свое время женился Надир-шах, Ак-Мамет-сердар берет себе в жены. Влияние Ак-Мамед-сердара в Хиве особенно усиливается при Гаиб-хане (1746–1757) в середине XVIII в. [41, с. 29].

У Говшут-хана было 5 братьев: Бай-Мурад-хан, Довлет-хан, Ходжа-Кули-хан, Мями-хан, Курбан-Сяхет-хан [1, с. 0125]. Говшут-хан имел 6 сыновей: Баба-хан, Нобат-хан, Худжреп-хан, Халлы-хан, Яйлым-хан и Шир-Али-хан [1, с. 0125]. В другом списке сыновьями хана указаны Байрам-Али-хан и Сары-хан [11, р. 32].

Среди братьев Говшут-хана часто упоминается Ходжа-Кули-хан. Его имя встречается в числе руководителей нападения текинцев на русский лагерь в Михайловском заливе 20 октября 1870 г. [7, с. 52, 53], а также среди ахалских ханов в письме к правителю Хивы [23, т. 3, с. 145]. В марте 1881 г. Ходжа-Кули-хан ведет переписку с русским агентом в Дерегезе Карлом Дефуром, а позже со Скобелевым [23, т. 4, с. 88, 97]. Письма от Ходжа-Кули-хана Скобелеву доставлял Ак-Мурад-батыр, за что получил от генерала в подарок револьвер [3, с. 99]. В феврале 1882 г. Ходжа-Кули-хан вместе с Овез-Дурды-Серче (колено Сычмаз, род Ак-Сопы) в Теджене встречает направляющийся в Мерв коншинский караван [35, с. 178; 31, р. 172].

Среди сыновей Говшут-хана наиболее приметным оказался Баба-хан. По данным Гродекова, Баба-хан правил всем Мервом до 1878 г. [23, т. 4, с. 99], а по утверждению Д. Булджера в 1877 г. [27, р. 246]. По всей видимости, сразу после смерти своего отца в 1878 г. он на короткое время управляет Мервом. Но затем, в том же году, ханом Мерва общим советом провозглашается Нур-Берды-хан. После смерти Нур-Берды-хана в начале 1880 г. руководить Мервом попеременно пытались Баба-хан и Гаджар-хан [31, р. 183]. Притязания Баба-хана на главенство отмечено и в марте 1881 г. [23, т. 4, с. 90, 99]. По сообщению же Донована, основная власть в Мерве тогда была сосредоточена в руках Баба-хана и Аман-Нияз-хана [21, р. 211]. М. Алиханов отмечает, что после смерти Нур-Берды-хана в Мерве возникли разногласия, и власть через каждые несколько месяцев последовательно переходила к Баба-хану, Гаджар-хану, вновь к Баба-хану и затем к Халлы-хану, сыну Говшут-хана [3, с. 16].

В сентябре 1881 г. Баба-хан начинает переписку с российскими чиновниками, а вскоре сам прибывает в Асхабад (нынешний Ашхабад, однако отказывается подписывать предложенные условия, содержащие явные признаки подчинения [7, с. 595]. В конце 1881 г. его сменяет Кара-Кули-хан, кото-

рый и становится ханом колена Бег [34, с. 127]. Позже Баба-хан активно идет на сближение с руководством Закаспийской области [7, с. 737]. В 1883 г. он в составе депутации, куда входили также Махтум-Кули-хан и Сары-хан, приезжает в Москву для участия в торжествах по случаю коронации Александра III [34, с. 127]. В 1909 г. Баба-хан получает чин поручика милиции [9, с. 121].

Другой сын Говшут-хана – Халлы-хан – неоднократно отмечается в архивных документах [7, с. 597, 598]. Он избирался даже главой Мерва, но на сравнительно короткий срок – всего на 5 дней [3, с. 88]. В документах он часто фигурирует как Халли-сердар. Под таким именем он упомянут в числе группы лиц во главе с Дыкма-сердаром, посетивших в мае 1881 г. Санкт-Петербург [45, с. 76–79].

Среди других родственников Говшут-хана необходимо назвать Кара-Кули-хана. Он приходился племянником Говшут-хана и двоюродным братом Баба-хана [34, с. 127]. В отчете за 1891 г. указано, что Кара-Кули-хан являлся сыном Клыч-бая [46, с. 122]. Выходит, что Клыч-бай был братом Говшут-хана, вероятнее всего, двоюродным. По данным П. М. Лессара, Кара-Кули-хан, прежде именовался Кара-сердаром [47, с. 63]. Прозвище-лакам Кара, что означает чёрный, он получил из-за своего смуглого цвета кожи [9, с. 30]. В 1884 г. при приближении российских отрядов к Мерву Кара-Кули-хан удалился в Хиву [3, с. 107, 109]. Умер Кара-Кули-хан в 1905 г., находясь в должности сельского старшины [9, с. 120].

В некоторых материалах указан 1877 г. как дата смерти Говшут-хана. Об этом, к примеру, пишет Ч. Марвин [31, р. 183]. Ту же дату приводит и Д. Булджер [27, р. 245]. Однако большинство источников указывают на 1878 г. Алиханов-Аварский отмечает, что в 1878 г. Говшут-хана постигла «неожиданная смерть» [3, с. 87]. 1878 г. как дата смерти хана указан и в работе Гродекова [23, т. 1, с. 40]. Навестивший Мерв в 1881 г. Донован писал, что Говшут-хан умер «три года назад», т. е. в 1878 г. [21, р. 122, 143]. О смерти хана в 1878 г. писали и другие издания того времени [48, с. 63].

Причиной смерти Говшут-хана считается отравление, однако его детали не ясны и до сих пор окутаны тайной. А. Самойловичем была записана песня туркменского поэта Кёр-Молла, в которой говорилось что у Говшут-хана «...на ноге появилась *болячка*» [4, с. 225]. По убеждению текинцев, хан был отравлен афганско-английским шпионом, известным под именем Сиях-пуш. Взвзвись лечить рану на ноге хана, этот лазутчик якобы впустил в тело хана *яд* при помощи отравленного хирургического инструмента. В песне говорится:

«Неоконченной осталась Коушут-ханова крепость...

Сам он ушел, постигла его черная беда,

Что на острие иглы Сиях-пошевой – пуля!» [4, с. 224].

По информации местного надсмотрщика за плотинной, пенжуара Рамазан-хана, Говшут-хан и местный духовник Абдулла-ишан умерли от лекарств

какого-то англичанина. Размышляя о том факте, что Говшут-хан умер в 1878 г., а Сиях-пуш появился в Мерве намного позже, Самойлович собирался уточнить, мог ли Сиях-пуш в действительности появиться здесь ранее [4, с. 222]. Об отравлении Говшут-хана и Абдулла-ишана неким англичанином Самойлович пишет также в своих комментариях к тексту произведения «Книга рассказов о битвах текинцев» [1, с. 0128]. Мы в свою очередь отметим, что Сиях-Пуш прибыл в Мерв лишь в конце августа 1882 г., но если бы он и мог навестить этот край в 1878 г., то вряд ли осмелился бы появиться здесь вновь после факта отравления им хана.

Народная фантазия порождает различные версии гибели хана. Ходили слухи, что хан был отравлен *ядовитым звездом*, вбитым в сапог, привезенный армянским купцом из Ирана. По другим слухам, его отравил некий человек по имени Алихан (Али-мульхит), который под видом бродяги прибыл в Мерв в 1858 г. Войдя в доверие к текинцам, он умудрился подсыпать *яд* в обувь Говшут-хана, который вскоре умер [11, р. 52–55]. Умер Говшут-хан в 1878 г. в возрасте 55 лет [49, с. 63] и похоронен на кладбище Ходжа Абдулла (рис. 3) [21, р. 202], где покоится и Абдулла-ишан [41, с. 165]. И. Ибрагимов отмечал, что в 1883 г. хану было 50 лет [49, с. 139], выходит, что в 1878 г., в год смерти, хану действительно было 55 лет.

Выводы

На долю Говшут-хана выпала сложная роль военного лидера и хозяйственного организатора. Он проявил себя как превосходный руководитель, сумевший сплотить вокруг себя все туркменские племена Мерва. Объединившись, туркмены смогли отбить хивинский поход 1858 г. и гаджарское нападение 1861 г. Под его строгим руководством была выстроена крепость и возведена плотина. Он организовал в Мерве сеть образовательных учреждений, где местные дети получали добротное образование. Ставшие на стезю духовного совершенства, ученики продолжали свое обучение в высших учебных центрах Хивы и Бухары. Говшут-хан ставил перед собой и другие цели по укреплению и возвышению Мерва, однако ему не суждено было их достичь. Жизнь хана оборвалась внезапно. Но память о его деяниях и свершениях остается главной заслугой перед народом, полной уважения и почтения.

Литература

1. Абду-с-Саттар Казы. Книга рассказов о битвах текинцев: Туркменская историческая поэма XIX в. / Казы Абду-с-Саттар. – СПб.: Императорская АН, 1914. – 82 с.
2. Алиханов-Аварский, М. Мервский оазис и дороги, ведущие к нему / М. Алиханов-Аварский. – СПб, 1883. – 108 с.
3. Алиханов-Аварский, М. Закаспийские воспоминания. 1881–1885 / М. Алиханов-Аварский // Вестник Европы. – 1904. – № 9. – С. 73–125.

4. Самойлович, А. Туркменский поэт-босьяк Кор-Молла, и его песня о русских / А. Самойлович // Живая Старина. – СПб. : Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко), 1907. – Вып. 4. – С. 215–223.
5. Самойлович, А. Из туркменской старины. II. Мервские воспоминания / А. Самойлович // Живая старина. – СПб. : Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко), 1909. – Вып. 4. – С. 78–85.
6. Туган-Мирза-Барановский, В. А. Русские в Ахал-Теке. 1879 г. / В. А. Туган-Мирза-Барановский. – СПб. : Тип. В. В. Комарова, 1881. – 177 с.
7. Присоединение Туркмении к России : сборник архивных документов. – Ашхабад, 1960. – 824 с.
8. Россия и Туркмения в XIX веке. К вхождению Туркмении в состав России. – Ашхабад : Туркменское гос. изд., 1946. – 327 с.
9. Семенов, А. А. Очерки из истории присоединения вольной Туркмении (1881–1885 гг.) / А. А. Семенов. – Ташкент, 1909 (отд. отт. из Туркестанских ведомостей. – 1909. – № 83–184). – 122 с.
10. Давлетов, Дж. Присоединение Туркмении к России / Дж. Давлетов, А.Ильясов. – Ашхабад : Ылым, 1972. – 255 с.
11. Türkmen hanlary we serdarlary : ensiklopediýa. – Aşgabat : Ýlymly, 2020. – 163 s.
12. Şahsi, R. Gowşut Han Liderliğinde Merv Tekeleri'nin Akım Kalan Devletleşme teşebbüsü (1846–1877) / R. Şahsi // Türk Tarihi Araştırmaları Dergisi. – 2020. – Yol. 5, № 2. – S. 73–119.
13. Curzon, G. N. Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian question / G. N. Curzon. – London ; New York : Green and co., 1889. – 477 p.
14. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 2. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1938. – 700 с.
15. Атдаев, С. Д. Из истории текинского рода Гараахмет (по материалам XIX в.) / С. Д. Атдаев // Вестник Томского государственного университета. – 2023. – № 486. – С. 101–113.
16. Петрусевич, Н. Г. Туркмены между старым руслом Аму-Дарьи (Узбоем) и северными окраинами Персии / Н. Г. Петрусевич // Записки кавказского отделения Императорского русского географического общества. Книжка 11. Вып. 1. – Тифлис, 1880. – С. 1–80.
17. Логофет, Д. Н. На границах Средней Азии. Путевые очерки : в 3 кн. Кн. 1. Персидская граница / Д. Н. Логофет. – СПб. : Изд. В. Березовского, 1909. – 245 с.
18. Атдаев, С. Д. Легко ли быть ханом? / С. Д. Атдаев // Традиционные общества: неизвестное прошлое. – Челябинск, 2023. – С. 58–66.
19. Сапаров, М. «Дженг-е-Мерв» как персидский источник по изучению истории Южного Туркменистана середины XIX в. / М. Сапаров. – Ашхабад : Ылым, 1990. – 63 с.
20. Четырнадцать месяцев плена у туркменцев (записки Генриха Гулибефа де-Блоквиля) // Учено-литературное прибавление к Биржевым ведомостям. – 1866. – № 6–7 (июнь–июль). Отд. 2. Гл. 1–2. – С. 51–77; Гл. 3. – С. 258–281. – URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000623499> (дата обращения: 09.03.2022).
21. The Merv Oasis travels and adventures east of the Caspian during the years 1879–80–81, including five months' residence among the Tekkés of Merv by Edmond O'Donovan special correspondent of the 'Daily news. – Vol. II. – G. P. Putnams Sons. – New York. – 1883. – 500 p.
22. Гунаропуло, С. В туркменской степи. (Из записок черноморского офицера) / С. Гунаропуло // Исторический вестник. – 1900. – № 12. – С. 1033–1050.
23. Гродеков, Н. И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг. : в 4 т. / Н. И. Гродеков – СПб. : Тип. В. Балашова, 1883–1884.
24. Маркозов, В. Красноводский отряд. Его жизнь и служба со дня высадки на восточный берег Каспийского моря по 1873 г. включительно / В. Маркозов. – Изд. 2-е, дополненное. – СПб. : В. А. Березовский : Типография Э. Арнольда, 1898. – 309 с.
25. Куропаткин, А. Туркмения и туркмены / А. Куропаткин. – СПб. : Тип. В. А. Полетики, 1879. – 57 с.
26. Огородников, П. И. Страна солнца / П. И. Огородников. – СПб. : Тип. В. Демакова, 1881. – 355 с.
27. Central Asian portraits. The celebrities of the khanates and the neighbouring states by Demetrius Charles Boulger. – London : W. H. Allen & Co., 13 Waterloo Place. Publishers to the India office, 1880. – 309 p.
28. Stewart, C. E. The Country of the Tekke Turkomans, and the Tejend and Murghab Rivers / C. E. Stewart // Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly Record of Geography. – New Monthly Series. – Vol. 3. – № 9 (Sep. 1881). – P. 513–546.
29. Russian Central Asia. Including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv by Henry Landsdell D.D. – Vol. II. – London. Published by Sampson Low, Marston, Searle, and Rivington. – 1885. – 732 p.
30. Центральный Государственный Архив Туркменистана. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 5087. – Л. 9–11.
31. The Russians at Merv and Herat, and their power of invading India. By Charles Marvin. – London, 1883. – 556 p.
32. Чарыков, Н. В. Мирное завоевание Мерва (Из воспоминаний о походе генерала А. В. Комарова в 1885 г.) / Н. В. Чарыков // Исторический вестник. – 1914. – № 11. – С. 486–518.
33. Лессар, П. Заметки о Закаспийском крае и соседних странах (Поездка в Персию, Южную Туркмению, Мерв, Чарджуй и Хиву) / П. Лессар // Записки Кавказского отдела Императорского русского исторического общества. – 1884. – Кн. XIII. – С. 180–211.
34. Записка барона Бенуа-Мешэн о Мервских туркменах 1883 г. // СМА. – Вып. 6. – СПб. : Военная типография, 1883. – С. 122–131.
35. Записка о дороге из Асхабада в Мерв хорунжия 1-й конной батареи Терского казачьего

войска Соколова 1882 г. // СМА. – Вып. 6. – СПб. : Военная типография, 1883. – С. 156–199.

36. Curtis, W. E. Turkestan: “The Heart of Asia” / W. E. Curtis. – New York : George H. Doran Company, 1911. – 342 p.

37. Областное управление. Отчет по ревизии Туркестанского края, проведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом. – СПб. : Сенатская типография, 1910. – 353 с.

38. Всемирная Иллюстрация. – 1888. – № 1023. – С. 156–157.

39. Быков, А. Теке-Мерва. / А Быков. – Ташкент, 1879. – Отдельный оттиск. – 28 с. – URL: <http://ts.manas.edu.kg> (дата обращения: 09.03.2019).

40. Памятник Ленину в Ашхабаде – удивительный образец архитектурного искусства прошлых лет. 15 июня 2023. – URL: <https://turkmenportal.com/compositions/1609> (дата обращения: 09.01.2023).

41. Историко-культурное наследие Туркменистана : энциклопедический словарь. – Стамбул, 2000. – 381 с.

42. Песковский, М. Мерв / М. Песковский // Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значе-

нии. Т. 10. Русская Средняя Азия. – 1885. – С. 441–448.

43. Российская Национальная Библиотека. Архив. – Ф. 671. – Д. 112. – Л. 58.

44. Бабаджанов, Р. Система землеводопользования у туркмен Тедженского оазиса в хозяйства и культуры туркмен: материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. – Ашхабад : Ылым, 1973. – С. 63–75.

45. Атдаев, С. Д. Дыкма-сердар – трагический герой трагического времени / С. Д. Атдаев // Вестник РГГУ. – 2024. – № 1. – С. 60–82.

46. Отчет о состоянии войск Закаспийской области со времени окончания Ахал-Текинской экспедиции до 1-го января 1890 года. – Ашхабад : Тип. штаба Закаспийской области, 1891. – 171 с.

47. Лессар, П. М. Мервские ханы. Положение Мерва и Атека в конце 1882 года / П. М. Лессар // СМА. – Вып. VI. – СПб., 1883. – С. 62–82.

48. Ж. Р. Окраины России. Мерв / Р. Ж. // Во-круг света. – 1886. – № 26. – С. 61–63.

49. Ибрагимов, И. Некоторые заметки о хивинских туркменах и киргизах (Из записной книжки) / И. Ибрагимов // Военный сборник. – 1874. – Т. 98, № 9. – С. 133–163.

Атдаев Сердар Джумаевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии, Академия наук Туркменистана (Ашхабад), e-mail: serdar63atdayev@gmail.com. ORCID 0000-0002-7509-5513

Поступила в редакцию 18 февраля 2024 г.

DOI: 10.14529/ssh240301

THE FATE OF THE 19TH CENTURY TURKMEN MILITARY COMMANDER KOUSHUT KHAN IN THE ASPECT OF SOURCE STUDIES

S. J. Atdaev

Institute of History and Archeology of the Academy of Sciences of Turkmenistan, Ashgabat, Turkmenistan

Koushut Khan (1823–1878) has not received proper coverage in the scientific literature. This work addresses situation and restores the image of this extraordinary personality. The study uses historical and comparative analysis to study historiographical and ethnographic material. Using this method made it possible to identify new details about the life of Koushut Khan, and helped give an objective look at the socio-political situation in the Merv region. The results reconstruct the image of Koushut Khan as a commander, a diplomat, and a leader. His foresight and patience helped him win a number of victories and gain fame as a military leader. Koushut Khan, as a businessman, organized the construction of the impressive fortress of Koushut Khan-Gala, and erected the Koushut Bend dam. He founded a network of maktab and madras in Merv.

Keywords: Koushut Khan, Merv, Khiva, Iran, Russian Empire, teke, military leader, diplomat.

References

1. Abdu-s-Sattar Kazy. Kniga rasskazov o bitvakh tekintsev: Turkmenskaya istoricheskaya poema XIX v. [Book of Stories about the Battles of the Tekins: Turkmen Historical Poem of the 19th Century]. SPb.: Impetratorskaya AN, 1914. 82 s.

2. Alikhanov-Avarskiy M. Mervskiy oazis i dorogi, vedushchiye k nemu [Merv Oasis and Roads Leading to it]. SPb., 1883. 108 s.

3. Alikhanov-Avarskiy M. Zakaspiyskiye vospominaniya. 1881–1885 [Transcaspiian Memories. 1881–1885] // *Vestnik Yevropy*. 1904. № 9. S. 73–125.
4. Samoylovich A. Turkmenskiy poet-bosyak Kor-Molla, i yego pesnya o russkikh [Turkmen Poet-Tramp Kor-Molla, and his Song about Russians] // *Zhivaya Starina*. SPb.: Tip. M.P.S. (T-va I. N. Kushnerev i Ko), 1907. Vyp. 4. S. 215–223.
5. Samoylovich A. Iz turkmenskoy stariny. II. Mervskiye Vospominaniya [From Turkmen Antiquity. II. Merv Memories] // *Zhivaya starina*. SPb.: Tip. M.P.S. (T-va I.N. Kushnerev i Ko), 1909. Vyp. 4. S. 78–85.
6. Tugan-Mirza-Baranovskiy V.A. Russkiye v Akhal-Teke. 1879 g. [Russians in Akhal-Teke. 1879]. SPb.: Tip. V.V. Komarova, 1881. 177 s.
7. Prisoyedineniye Turkmenii k Rossii [Accession of Turkmenistan to Russia]: sbornik arkhivnykh dokumentov. Ashkhabad, 1960. 824 s.
8. Rossiya i Turkmeniya v XIX veke. K vkhozheniyu Turkmenii v sostav Rossii [Russia and Turkmenistan in the 19th century. Towards the Entry of Turkmenistan into Russia]. Ashkhabad: Turkmenskoye gos. izd, 1946. 327 s.
9. Semenov A.A. Ocherki iz istorii prisoyedineniya vol'noy Turkmenii (1881–1885 gg.) [Essays on the History of the Annexation of free Turkmenistan (1881–1885)]. Tashkent, 1909 (otd. ott. iz Turkestanskikh vedomostey. 1909. № 83–184). 122 s.
10. Davletov J., Il'yasov A. Prisoyedineniye Turkmenii k Rossii [Accession of Turkmenistan to Russia]. Ashkhabad: Ylym, 1972. 255 s.
11. Türkmen Hanlary we Serdarlary: ensiklopediýa. Aşgabat: Ylymly, 2020. 163 s.
12. Şahsi R. Gowşut Han Liderliğinde Merv Tekeleri'nin Akim Kalan Devletleşme Teşebbüsü (1846–1877) // *Türk Tarihi Araştırmaları Dergisi*. 2020. Ýol. 5, No. 2. S. 73–119.
13. Curzon G.N. Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian Question. London; New York: Green and co., 1889. 477 p.
14. Materials on the History of the Turkmen and Turkmenistan [Materials on the History of the Turkmen and Turkmenistan]. T. 2. M.; L. Izd-vo AN SSSR, 1938. 700 s.
15. Atdaev S.J. Iz istorii tekinskogo roda Garaakhmet (po materialam XIX v.) [From the History of the Tekin Clan Garaakhmet (Based on Materials of the 19th Century)] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2023. № 486. S. 101–113.
16. Petrusovich N.G. Turkmény mezhdu starym ruslom Amu-Dar'i (Uzboyem) i severnymi okrainami Persii [Turkmens between the Old Channel of the Amu Darya (Uzboy) and the Northern Outskirts of Persia] // *Zapiski kavkazskogo otdeleniya Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva*. Kn. 11. Vyp. 1. Tiflis, 1880. S. 1–80.
17. Logofet D.N. Na granitsakh Sredney Azii [On the Borders of Central Asia]. Putevyye ocherki: v 3 kn. Kn. 1. Persidskaya granitsa. SPb.: Izd. V. Berezovskogo, 1909. 245 c.
18. Atdaev S.J. Legko li byt' khanom? [Is it Easy to be a Khan?] // *Traditsionnyye obshchestva: neizvestnoye proshloye*. Chelyabinsk, 2023. S. 58–66.
19. Saparov M. «Dzheng-ye-Merv» kak persidskiy istochnik po izucheniyu istorii Yuzhnogo Turkmenistana serediny XIX v. [“Jeng-e-Merv” as a Persian Source for Studying the History of Southern Turkmenistan in the Mid-19th Century]. Ashkhabad: Ylym, 1990. 63 s.
20. Chetyrnadtsat' mesyatsev plena u turkmentsev (zapiski Genrikha Gulibefa de-Blokvilya) [Fourteen Months of Captivity among the Turkmen (Notes of Heinrich Gulibef de Blokville)] // *Ucheno-literaturnoye pribavleniye k Birzhevym vedomostyam*. 1866. № 6–7 (iyun'-iyul'). Otd. 2. Gl. 1–2. S. 51–77; Gl. 3. S. 258–281. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000623499> (data obrashcheniya: 09.03.2022).
21. The Merv Oasis Travels and Adventures East of the Caspian during the Years 1879-80-81, Including Five Months' Residence among the Tekkés of Merv by Edmond O'Donovan Special Correspondent of the 'Daily News. Vol. II. G.P. Putnams Sons. New York, 1883. 500 p.
22. Gunaropulo S.V. turkmenskoy stepi (Iz zapisok chernomorskogo ofitsera) [In the Turkmen Steppe. (From the Notes of a Black Sea Officer)] // *Istoricheskiy vestnik*. 1900. № 12. S. 1033–1050.
23. Grodekov N.I. Voyna v Turkmenii. Pokhod Skobeleva v 1880–1881 gg. [War in Turkmenistan. Skobelev's Campaign in 1880–1881]. v 4 t. SPb.: Tip. V. Balashova, 1883–1884.
24. Markozov V. Krasnovodskiy otryad. Yego zhizn' i sluzhba so dnya vysadki na vostochnyy bereg Kaspiyskogo morya po 1873 g. vklyuchitel'no [Krasnovodsk Detachment. His Life and Service from the Day of Landing on the Eastern Shore of the Caspian Sea to 1873 Inclusive]. Izd. 2-ye, dop. SPb.: V.A. Berezovskiy; Tip. E. Arngol'da, 1898. 309 s.
25. Kuropatkin A. Turkmeniya i turkmény [Turkmenia and the Turkmens]. SPb.: Tip. V.A. Poletiki, 1879. 57 s.
26. Ogorodnikov P.I. Strana solntsa [Country of the Sun]. SPb.: Tip. V. Demakova, 1881. 355 s.
27. Central Asian portraits. The Celebrities of the Khanates and the Neighbouring States by Demetrius Charles Boulger. London: W.H. Allen & Co., 13 Waterloo Place. Publishers to the India office, 1880. 309 p.
28. Stewart C.E. The Country of the Tekke Turkomans, and the Tejend and Murghab Rivers // *Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly Record of Geography. New Monthly Series*. 1881. Vol. 3. № 9. P. 513–546.
29. Russian Central Asia. Including Kuldja, Bokhara. Khiva and Merv by Henry Landsdell D.D. Vol. II. London. Published by Sampson Low, Marston, Searle, and Rivington, 1885. 732 p.

30. Tsentral'nyy Gosudarstvennyy Arkhiv Turkmenistana [Central State Archive of Turkmenistan]. F. 1. Op. 2. D. 5087. L. 9–11.
31. The Russians at Merv and Herat, and their Power of Invading India. By Charles Marvin. London, 1883. 556 p.
32. Charykov N. V. Mirnoye zavoyevaniye Merva (Iz vospominaniy o pokhode generala A.V. Komarova v 1885 g.) [Peaceful Conquest of Merv. (From Memories of the Campaign of General A.V. Komarov in 1885)] // *Istoricheskiy vestnik*. 1914. № 11. S. 486–518.
33. Lessar P. Zametki o Zakaspiyskom kraye i sosednikh stranakh (Poyezdka v Persiyu, Yuzhnyuyu Turkmeniyu, Merv, Chardzhuy i Khivu) [Notes about the Transcaspiian Region and Neighboring Countries (Trip to Persia, Southern Turkmenistan, Merv, Chardzhui and Khiva)] // *Zapiski Kavkazskogo otdela Imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva*. 1884. Kn. XIII. S. 180–211.
34. Zapiska barona Benua-Meshen o Mervskikh turkmenakh 1883 g. [Note by Baron Benoit-Meshin about the Merv Turkmen 1883] // *SMA*. Vyp. 6. SPb.: Voyennaya tipografiya, 1883. S. 122–131.
35. Zapiska o doroge iz Askhabada v Merv khorunzhiya 1-y konnoy batarei Terskogo kazach'yego voyska Sokolova 1882 g. [Note on the Road from Askhabad to Merv, Cornet of the 1st Cavalry Battery of the Terek Cossack Army of Sokolov, 1882] // *SMA*. Vyp. 6. SPb.: Voyennaya tipografiya, 1883. S. 156–199.
36. Curtis W. E. Turkestan: "The Heart of Asia". New York: George H. Doran Company, 1911. 342 p.
37. Oblastnoye upravleniye. Otchet po revizii Turkestanskogo kraya, provedennoy po vysochayshemu poveleniyu senatorom gofmeysterom grafom K.K. Palenom [Regional Administration. Report on the Audit of the Turkestan Region, Carried out at the Highest Order by Senator Chamberlain Count K.K. Palen. SPb.: Senatskaya tipografiya, 1910. 353 s.
38. Vsemirnaya Illyustratsiya [World Illustration]. 1888. № 1023. S. 156–157.
39. Bykov A. Teke-Merva [Teke-Merva]. Tashkent, 1879. Otdel'nyy ottisk. 28 s. URL: <http://ts.manas.edu.kg> (data obrashcheniya: 09.03.2019).
40. Pamyatnik Leninu v Ashkhabade – udivitel'nyy obrazets arkhitekturnogo iskusstva proshlykh let [The Monument to Lenin in Ashgabat is an Amazing Example of Architectural Art of Past Years]. 15 iyunya 2023. URL: <https://turkmenportal.com/compositions/1609> (data obrashcheniya: 09.01.2023).
41. Istoriko-kul'turnoye naslediyе Turkmenistana. Entsiklopedicheskiy slovar' [Historical and Cultural Heritage of Turkmenistan. Encyclopedic Dictionary]. Stambul. 2000. 381 s.
42. Peskovskiy M. Merv [Merv] // *Zhivopisnaya Rossiya: Otechestvo nashe v yego zemel'nom, istoricheskom, plemennom, ekonomicheskom i bytovom znachenii*. T. 10: Russkaya Srednyaya Aziya, 1885. S. 441–448.
43. Rossiyskaya Natsional'naya Biblioteka [Russian National Library]. Arkhiv. F. 671. D. 112. L. 58.
44. Babadzhanov R. Sistema zemlevodopol'zovaniya u turkmen Tedzhenskogo oazisa v kontse XIX – nachale XX v. [Land and Water Management System among the Turkmens of the Tedjen oasis at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries] // *Ocherki po istorii khozyaystva i kul'tury turkmen*. Ashkhabad: Ylym, 1973. S. 63–75.
45. Atdayev S.J. Dykma-serdar – tragicheskiy geroy tragicheskogo vremeni [Dykma-Serdar – a Tragic Hero of a Tragic Time] // *Vestnik RGGU*. 2024. № 1. S. 60–82.
46. Report on the State of the Troops of the Trans-Caspian Region from the Time of the End of the Ahal-Tekin Expedition until January 1, 1890. Ashgabat: Printing house of the headquarters of the Transcaspiian region, 1891. 171 p.
47. Lessar P.M. Mervskiye khany. Polozheniye Merva i Ateka v kontse 1882 goda [Merv Khans. The Situation of Merv and Atek at the End of 1882] // *SMA*. Vyp. VI. SPb., 1883. S. 62–82.
48. Zh. R. Okrainy Rossii. Merv [Outskirts of Russia. Merv] // *Vokrug sveta*. 1886. № 26. S. 61–63.
49. Ibragimov I. Some Notes about the Khiva Turkmen and Kyrgyz (From a notebook) // *Military collection*. 1874. T. 98. № 9. S. 133–163.

Serdar J. Atdayev – Cand. Sc. (History), Leading Researcher, the Institute of History and Archeology of the Academy of Sciences of Turkmenistan (Ashgabat), e-mail: serdar63atdayev@gmail.com

Received February 18, 2024

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Атдаев, С. Д. Судьба туркменского военачальника 19 века Говшут-хана в аспекте источниковедческих изысканий / С. Д. Атдаев // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2024. – Т. 24, № 3. – С. 6–15. DOI: 10.14529/ssh240301

FOR CITATION

Atdayev S. J. The fate of the 19th century Turkmen military commander Koushut Khan in the aspect of source studies. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2024, vol. 24, no. 3, pp. 6–15. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh240301

КОНФЛИКТ МЕНТАЛИТЕТОВ В ЖЕНСКОЙ УРАЛЬСКОЙ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ШКОЛЬНОЙ СРЕДЕ В 1920-е – СЕРЕДИНЕ 1930-х гг.

В. А. Журавлева¹, М. И. Мирошниченко², Н. П. Палецких³, В. С. Толстиков⁴

¹ Южно-Уральский государственный университет, филиал в г. Златоусте, Российская Федерация

² Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

³ Южно-Уральский государственный аграрный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

⁴ Челябинский государственный институт культуры, г. Челябинск, Российская Федерация

В статье рассматриваются особенности менталитета различных категорий женщин в уральской провинции, связанных со школьной средой. Установлено, что в самое свободное первое пятнадцатилетие советской власти (в 1917–1932 гг.) на его первом – после окончания Гражданской войны – этапе мирного времени (1921–1927 гг.) наряду с создаваемыми новыми школами продолжали функционировать прежние типы школ (старообрядческие, казачьи, толстовские, мусульманские, меннонитские и т. п.), в которых учебный процесс был организован по-старому. Выявлены несколько групп в среде учительниц, родителей, школьников, представители которых отстаивали свои интересы в условиях проявления тенденции к универсализации образования, включения в учительский труд и школьную жизнь общественной работы, которую они рассматривали либо как средство проведения принципиально неприемлемых идей, либо как излишнее обременение. На втором этапе (с 1928 по 1932 гг.) эти тенденции в образовании усиливались, от учителей все настойчивее требовалось активное участие в агитационной, пропагандистской и другой общественной работе. Делается вывод, что подобные протестные настроения и действия против вмешательства пролетарского государства не были частыми, однако и не составляли исключения, представляя собой несоветский дискурс социально значимого поведения.

Ключевые слова: история ментальностей, менталитет, «красное учительство», «толстовки», «интеллигентки».

Введение

Интересная сама по себе проблематика исторических изменений содержания и структуры ментальностей получает все большую актуальность в связи с тем, что информационно-психологические войны становятся неотъемлемым признаком современной политической жизни. Почти сорок лет, отделяющих нас от времен ортодоксального социализма, принесли с собой не только глубокие социально-экономические и политические преобразования в жизнь советских поколений, но и кардинально изменили представления о мире и базовые ценности молодежи и людей среднего возраста постсоветской эпохи. Поэтому история формирования сознания, история изменения структуры сознания, попыток и результатов воздействия на него все больше привлекает внимание исследователей, и не только философов, филологов, социологов и историков-методологов, но и авторов прикладных исторических исследований.

Мы понимаем менталитет как совокупность фундаментальных (базовых) ценностей и механизмов поведения, воспринятых личностью в процессе воспитания. В настоящее время возвращается интерес к советскому периоду истории России, происходит новая «переоценка ценностей», стоит задача укрепления единства российского общества. В этих условиях важно понять, как форми-

валось единство советского общества, важно проследить, как проявлялась «несоветскость» в противостоянии с «советскостью» в обществе, изначально не бывшем монолитным. Ведь в первое пятнадцатилетие новой власти, власти трудящихся, советское общество именовалось так не столько по числу сторонников, разделявших советские идеи, сколько по ведущей роли пассионариев, а также – в широком смысле – по названию периода, в котором для большинства населения в силу форсе мажор и ряда отдельных причин (различных в каждом конкретном случае) существовавшее положение сложилось именно таким образом, а не иначе.

Обзор литературы

Сознание представителей отдельных слоев населения, живших в 1920-е – начале 1930-х гг., в рамках такого относительно нового направления исторического познания, как история ментальностей, пока еще мало изучено. Историков ментальности привлекал в первую очередь человек Средневековья, и труды корифеев-методологов ментальной истории Марка Блока [1], Люсьена Февра [2], Петера Динцельбахера [3], Р. Sprandel [4], А. Я. Гуревича [5, 6], Л. Н. Пушкарева [7] и др. связаны с реконструкцией сознания и механизмов поведения людей именно этого исторического периода. Историкографических фактов в этой области было накоплено столько, что

уровень исторического познания поднялся до историографических исследований [8].

Как объект когнитивного анализа категория менталитета привлекает широкое внимание филологов. Они изучают сущность и особенности формирования менталитета [9]; содержание и роль ценностных ориентаций в структуре менталитетов этнических общностей [10]; бессознательное в структуре менталитета [11]. Филологи, изучая женский нарратив, реконструируют специфическую модель женского восприятия [12, с. 106].

Выделяя наличие общих мотивов, стабильность композиционных схем наряду с общим характером колористических разработок, к проблемам ментальности обращаются искусствоведы [13, с. 67–68].

Со второй половины 1990-х гг. интерес российских историков, активно включившихся в изучение представлений, структур мышления, коллективного бессознательного, постепенно начинает распространяться и на соотечественников эпохи Нового времени (в первую очередь из среды горожан [14], особенно купечества и предпринимателей [15]; интеллигенции [16, 17]). Прямо называет предмет своего исследования менталитет народных учительниц и учителей в 90-е гг. XIX в. – 1914 г. Н. В. Бандура, он рассматривает эту проблему в региональном аспекте на примере Вятской губернии [18]. Ю. И. Кирьянов изучает особенности менталитета рабочих этого периода [19].

Постепенно в зону исследований попадает не только рубеж XIX – XX вв., но и советский этап, в том числе его первые десятилетия. А. В. Богданов на материалах крупнейших промышленных гигантов Урала (Челябинского тракторного завода и Магнитогорского металлургического комбината) рассматривает особенности восприятия иностранными рабочими и специалистами советской повседневности 1929–1933 гг. [20]. Анализ когнитивной составляющей менталитета, эмоциональных и поведенческих реакций населения Урала в послевоенный период позволяет отнести к группе исследований по истории ментальности работы А. В. Трофимова и А. Н. Сперанской [21, 22].

Переломный период начального этапа советского строительства был отмечен преодолением послевоенного хаоса, развертыванием масштабного промышленного строительства, радикальными преобразованиями в сельском хозяйстве. Советское общество только еще формировалось, оно не было единым, оставались «осколки старого мира», еще не смирившиеся с тем, что они «осколки», ещё отстаивающие свои взгляды, убеждения, право передавать свои убеждения детям из среды единомышленников – и это представляет интерес и с позиций истории ментальности. Кто они, советские и несоветские женщины ранней советской эпохи? Какие они? Как они реагировали на глубокие реформации, резко изменявшие их жизнь? Задача статьи – выявить особенности менталитетов

различных категорий женщин в уральской провинции, связанных со школьной средой; показать на примере относительно узкой, но важной с точки зрения формирования взглядов на мир сферы школьной жизни сложность, многогранность, противоречивость умонастроений, склада мышления участников и свидетелей становления советской эпохи.

Основу источниковой базы статьи составили документы советских органов (материалы исполнительных комитетов и съездов советов; докладные записки и отчеты исполнительных комитетов сельских советов), отложившиеся в ведущих архивохранилищах Урала (Государственном архиве Свердловской области, Центре документации общественных организаций Свердловской области, Объединенном государственном архиве Челябинской области, Государственном архиве Курганской области). Были проанализированы также материалы периодической печати, публицистические труды, воспоминания.

Методы исследования

Теоретико-методологическую основу статьи составили методологический потенциал истории повседневности, истории ментальностей и системный подход, в котором основное внимание уделено связям между элементами, взаимоотношениям между людьми. Это позволяет показать столкновение особенностей склада мышления представительниц различных социальных групп, возникших на основе различных «моделей мира». Мы разделяем мнение А. П. Огурцова о том, что менталитет выражает также умонастроение социальных групп, что определяет его регулируемую роль в поведении индивида [23]. Своеобразие толкований действительности предопределило конфликт ментальностей, ярко выявившийся в процессе формирования единой начальной и средней советской школы.

Результаты и дискуссия

В первые десятилетия советского периода учительство не было единым. Часть учителей, в том числе и на Урале, не приняли советскую власть и отступили с белыми, эмигрировали. К примеру, в Полозовской волости Сарапульского уезда учительский персонал ушел с белыми, на 21 августа 1919 г. в волости осталось всего два учителя [24, с. 199].

Изменилась институциональная среда. Ранее в крупных поселках оренбургских казаков имелись мужская и женская казачьи школы [25]. Женская школа для нагайбаков (полубайкалинцев) была до революции на одном из хуторов в районе их проживания на Южном Урале [26, с. 375]. Позиции учительства зависели во многом от личного опыта. Н. К. Крупская упоминала о встрече летом 1919 г. на Урале с молодой девушкой, мать которой – учительница – была засечена белогвардейцами [27, с. 9].

Среди оставшихся в Советской России учителей наиболее четко выделяются группы «красных учителей», интеллигентов, толстовок. Понимая роль учительства в стране, где, по данным на 1920 г., неграмотными были 52,2 % мужчин и 74,2 % женщин, советская власть через курсовую систему приступила к подготовке «красных учителей». В 1918 г. такие курсы были организованы в селах Уральской области. Выпускники ценились высоко. Например, после окончания подобных курсов в Лопатках (крупном селе Курганского уезда) в 1919 г. Ирина Алексеевна Савишук была направлена окружным отделом народного образования сразу директором начальной школы в деревню Александровка Курганского уезда, где она проработала до 1923 г., одновременно проводя и занятия с детьми [28, л. 1]. Первые четырехмесячные педагогические курсы в г. Кургане прослушала А. С. Белых-Гаврилова (1903 г. р., из села Иковского Белозерского района Курганской области). Она пришла на курсы, не только имея хорошее образование (окончила Иковскую начальную школу, потом Падеринское двухклассное училище, затем семиклассное Курганское смешанное высше-начальное училище), но и свои убеждения. Когда в 1920 г. в селе Иковском организовали комсомольскую ячейку, она не только вступила в нее, но и была секретарем. А. С. Белых-Гаврилова получила диплом первых красных учителей. Ее послали в село Спорное Саломатовской волости. Как вспоминала А. С. Белых-Гаврилова, хозяйка квартиры в Кургане и другие женщины смотрели на нее и смеялись, считали, что из-за одежды (одета не по-городскому) и по возрасту («девчонка») она никакая не учительница [29, л. 3 об.]. Здесь сыграл свою роль образ учительницы-народницы, сложившийся в сознании сельчан к началу XX века. Учительницы-народницы были взрослыми женщинами из интеллигентной среды, с иными манерами, с кружевными платочками в рукаве. И в сознании крестьян они стояли выше, а не наравне или ниже, как могло показаться по первому впечатлению – встречают по одежке – в случае с А. С. Белых-Гавриловой. В октябре 1921 г. был проведен прием слушателей на педагогические курсы в Ирбитском уезде [30, л. 13]. Подобные курсы, а с 1925 г. курсы по переподготовке, стали организовываться и в дальнейшем. Месячные курсы по переподготовке учителей работали с 1 августа по 1 сентября 1926 г в Челябинском округе [31, л. 189 об.].

Просоветски настроенная молодежь работала в сложных условиях, но с огромным энтузиазмом. Так, в первой школе на три класса (для детей от 10 до 15 лет), которая была открыта в селе Спорном в крестьянской избе, не было книг, бумаги, чернил, парты насобирали разновеликие, помещение освещалось коптилкой. Но А. С. Белых-Гаврилова

занималась «упорно и с великим желанием». Работа учителем в уральской провинции в то время была опасной. Во вспыхивавших кулацких восстаниях (как, например, в начале 1920-х гг. в Саломатовской волости) учительницы – как одиночки и как комсомолки и коммунистки – входили в число первых целей [29, л. 3–3 об., 5].

Учителя («очутили»), как их называли некоторые крестьяне) оказались одной из наиболее уязвимых социальных групп в условиях голода начала 1920-х гг. Вопрос о школьном и учительском питании часто решался путем коллективного засева огорода для школьных нужд. Проблемы снабжения продовольствием учителей («учителей») рассматривались на женских собраниях. Так, эту проблему подняло первое же женское собрание в Бакальском поселке 24 декабря 1920 г. с участием 64 женщин [32, л. 11].

В 1921 г. родители школы деревни Катавки Бакальского уезда Саткинской волости в марте 1921 г. были недовольны не только тем, что в школе нет горячей пищи (горячих завтраков), так как не было котлов, но и тем, что детей заставляли мыть пол, что было признано недопустимым и было единжды по болезни технички [33, л. 29 об.].

Особенно тяжелое положение сложилось в первой декаде 1922 г. Традиционно учителей кормило городское или деревенское «общество», хозяева той избы, куда учителя определялись на постой. Но в условиях голода еды не было и у самих хозяев. На Западном Урале – в Верхотурском уезде Екатеринбургской губернии – учителя в уездном центре нищенствовали, вынуждены были побираться, чтобы не умереть с голоду, а в других уездах этой губернии ученики по очереди выходили на улицу просить милостыню для учителей. В годы «военного коммунизма» практиковалось также прикрепление учителей к заводам, но переход на хозрасчет с введением НЭПа с марта 1921 г. затруднял эту практику [30, л. 38]. В октябре–марте 1922 г. в уездах было проведено деление на волости, снятые с государственного снабжения, и волости, находившиеся на государственном снабжении. В 1922 г. в связи с неурожаем в Ирбитском, Красноуфимском, Камышловском уездах, Каменск-Уральске, Надеждинске, Нижнем Тагиле, Шадринске проводилось сокращение учителей. При увольнении был положен паек, но его уволенному персоналу не выдавали. Закрытие школ вызвало недовольство граждан. Во многих местах не был создан фонд для работников просвещения. Такой фонд создавался самообложением. В Екатеринбургском и ряде других уездов самообложение было проведено неправильно, разверстка была разложена не на всех трудящихся, а только на родителей, посылавших своих детей в школу. В Ирбитском уезде фонд, собранный для работников просвещения, был расхищен волисполкомом на другие надобности. Бы-

ли случаи халатности, например, председатель Фоминского волысполкома Ирбитского уезда Буданов сорвал кампанию по самообложению, в этой волости школы закрывались. Неоднократные обращения учителей в уездный отдел народного образования результатов не давали. В конечном итоге одна учительница сошла с ума, остальные нищенствовали, это дело было передано в народный суд Ирбитского уезда [30, л. 42].

25 марта 1923 г. общим собранием женщин поселка Каракульского с участием 60 чел. при обсуждении вопроса о засевах «огорода школьных нужд» было решено отдельного участка не засеивать, а передать для школы часть овощей с собственных огородов [34, л. 43 об.]. В 1926 г. в одной из школ Свердловского округа учительница жаловалась на то, что школе мало отпускалось дров, в классах холодно: форточки не закрываются, двери не обиты и не оклеены [35, с. 13]. Положение учителей еще долго оставалось тяжелым. Так, две учительницы Верхне-Куренской средней школы за неимением другой обуви в ноябре 1935 г. вышли на занятия в одних резиновых калошах [31, л. 49].

«Красным» учителям приходилось преодолевать впечатления о старой школе, оставшиеся разными. Как вспоминала Екатерина Григорьевна Лагун-Неустроева: «Мама насильно тянула меня за руку в школу. Я боялась школы. Сестра сказала, что в школе учитель бьет смьком по голове. Ставит в угол на горох. Что священник очень строгий, если не выучишь молитву, ставит на колени и заставляет молиться, кланяться до пола». В 1923 г. в этой школе она вступила в пионеры [36, л. 8, 9, 13 об.]. Поддержку советской власти оказывали учительницы из среды бывших ссыльных. Такой была Лидия Андреевна Галанова (1876–1956 гг.) родом из села Заинское Мензелинского уезда Уфимской губернии (ныне Сарапульский район Удмуртской Республики). Она работала учительницей в женской гимназии Мензелинска в 1898–1903 гг., в 1903–1905 гг. училась на Высших женских курсах в Москве, в 1905 г. за участие в студенческих волнениях была выслана в Уфу под надзор полиции. С 1918 г. (по 1939 г.) Л. А. Галанова была директором школы № 11 г. Уфы, в 1922 г. она получила нововведенное почетное звание Героя Труда Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики [37, с. 220].

Особыми были настроения в среде «интеллигенток» – так в 1920-е гг. называли аполитично или антисоветски настроенных учительниц, выпускниц гимназий. Некоторые из них не хотели учить сопливых, оборванных, голодных детей рабочих, солдатских сирот [36, л. 8, 9, 13 об.]. К тому же среди школьников были широко распространены инфекционные заболевания, особенно такое опасное, как туберкулез, который, по данным 1923 г., был отмечен медиками у 50 % детей младшего возраста и подростков до пятнадцати лет [38].

На собрании организаторов от губернских отделов профессиональных союзов 4 марта 1921 г., на котором обсуждался вопрос о подготовке губернской конференции 20 марта 1921 г. и выборе на нее 7 делегаток от Союза работников просвещения, отмечалось, что «женщины интеллигентные несерьезно относятся к собраниям» [39, л. 7 об.]. Эти настроения были связаны также и с тем, что дополнительной нагрузкой легла на учителей общественная работа.

Общественной работой стали нагружаться не только учителя, но и врачи и библиотекари. Не всеми это было воспринято однозначно. Вопросы обсуждались на страницах газет, профессиональных журналов, на трибунах региональных съездов. Так, в 1922 г. в Челябинске состоялся очередной губернский съезд учителей. На съезде три делегата от Златоустовского уезда (Т. А. Борисова, Н. С. Жмаев и А. А. Дрочнева) открыто проголосовали против ряда его решений. Эти события были восприняты не как высказывание личного мнения, а как организованное оппозиционное выступление против советской власти, за которое осенью 1922 г. все трое выступавших стали «лишенцами». «Оппозиционеры» не смирились и обратились в Профессиональный союз работников просвещения РСФСР за защитой своих прав. Они выступили и на общем собрании членов профсоюза и опротестовали решение. Дискуссия проходила бурно, большинство участников собрания потребовали удалить «оппозиционеров» с собрания. Во время выдворения Т. А. Борисова, Н. С. Жмаев и А. А. Дрочнева призывали остальных учителей также покинуть собрание в знак протеста. Горячая молодежь расценила эти действия как бесчинства и антисоветские выступления. На своевольных делегатов было заведено уголовное дело. Однако решение для большинства стало неожиданным – по суду в связи с отсутствием общественной опасности деяния избирательные права «оппозиционерам» были возвращены [40, л. 1]. Такие оправдательные приговоры народных судов были типичны для первой половины 1920-х гг., кампания по поиску «врагов народа» еще не развернулась и суды выступали еще объективно.

Но тенденция к загрузке учителей общественной работой усиливалась. Так, в декабре 1923 г. граждане деревни Коутино Бродокалмакской волости на общем собрании, посвященном осуждению самогонщиков, попросили местную учительницу устраивать в школе по воскресеньям чтения [41]. В 1923 г. 8 ноября школьники села Вильгорт под руководством учителей послали телеграмму В. И. Ленину с пожеланием скорейшего выздоровления [42]. Общей практикой становилась подготовка к празднованию 7 Ноября: школы украшались флажками, ветками березы или хвойных деревьев, строились арки, учительницы готовили с детьми стихотворные речовки, монтажи, декламации и проч.

Иногда выявлялись противоречия между женотделом и учительством. К примеру, в Кунгурском окружном отделе по женской работе в феврале 1925 г. высказывались сомнения в возможности вести через учительство работу среди женщин-нацменок в связи с решением духовенства о допущении мусульманок в мечеть, поскольку некоторые коммунистки учителям не доверяли [43, л. 9].

Требование привлечь учительниц к организации делегатской работы, к женской работе было выдвинуто на Первом Верхне-Камском окружном съезде женщин-выдвиженок, избранных депутатами городских и сельских советов, который состоялся в начале октября 1927 г. в окружном центре Верхне-Камского округа г. Усолье [44, л. 15 об.].

В результате учительство оказалось между двух огней. Характерна в этом отношении ситуация, отмеченная в газете «Советская правда»: в станицах Долгодеревенского района население было недовольно учителями за новшества, которые они вводят в школе, а местные власти – за «реакционность». Учителя оказались между двух огней: они вели и учебную работу, и общественную работу, но все равно выслушивали недовольство со всех сторон. Начавшаяся борьба с церковью привела к поискам священников в родне учительниц (половина которых по социальному происхождению были выходцами из семей духовенства), даже встречи с родителями священниками трактовались как «влияние церкви». Любая, даже опосредованная связь с церковью (например, учитель работал псаломщиком в голодный год) считалась «контрреволюционностью». Требование уволить учительниц из семей священников могло привести к оголению школ. В заметке в поддержку учительниц из среды духовенства, опубликованной в газете «Советская правда» в 1923 г., подчеркивалось, что при принятии решений об увольнении учительниц – родственниц духовных лиц исполнительным комитетам сельских и станичных советов и волостным комитетам ВКП(б) следует смотреть по делам, а не по родству, что других, «чистых», учительниц нигде не найти [41]. В Челябинском округе также вставал вопрос о нежелании учителей выполнять общественные поручения. Здесь на первом окружном форуме работниц и крестьянок, который проходил в начале октября 1927 г., отмечалось вновь: «Учителя мало ведут общественную работу, “Хочу работаю, хочу нет”» [45, л. 18].

Многие школы были совсем небольшими. К примеру, на станции Анатольская в школе, открытой в 1924 г., по данным всесоюзной переписи учащихся 1928 г., училось 67 человек [46, с. 93]. Учительские коллективы в таких школах были невелики и формировались в основном уже новыми учителями, прошедшими подготовку через советские учительские курсы. Всегда оставались актуальными проблемы дисциплины. Как указы-

валось на III окружном съезде Советов Свердловского округа, который проходил в 1926 г., трудности в школьной работе, в общении с учащимися нередко испытывали учителя «старой закваски», которые не могли направить учеников «по новому пути» [35, с. 13].

Особую группу населения составляли толстовцы, последователи учения о непротавлении злу насилем Л. Н. Толстого. В созданных по стране, и в том числе на Урале, толстовских коммунах открывались свои, толстовские, школы. Учительницы-толстовки разделяли идеи безгосударственного коммунизма; осуждая войну, поддерживали отказ от несения воинской повинности. Из «непротавленцев злу насилем» они превратились в «протавленцев злу», но «злом» теперь воспринимались идеи классовой борьбы. Толстовские школы работали на Урале до 1930 г., в 1930 г. толстовцы вынуждены были переселиться в Сибирь. Так, группы уральских толстовцев образовали артель «Мирный пахарь», а после 1931 г. пополняли и толстовскую коммуны «Жизнь и труд». В советскую школу своих детей «протавленцы злу» не пускали, обучали их в собственных школах, где был урок этики и морали, но не было обществоведения, советские учебники трактовались по-своему. В декабре 1935 г. была обследована школа (на 111 детей от 9 до 18 лет, которые учились в 7 классах), работавшая при толстовской коммуне «Жизнь и труд». Учительницы-толстовки открыто заявляли проверяющим, что советские учебники требуют воспитывать в учениках классовую ненависть: «Вы сеете вражду среди людей, а мы против всякой ненависти и вражды. От вашего воспитания у детей глаза горят злобой к ближнему, презрением». Дети в семьях толстовцев, как и их родители, были настроены против пионерского и комсомольского движения. Они ясно осознавали свою обособленность, также прямо заявляя об этом проверяющим [47]. В 1930-е гг. школы, не придерживавшиеся общих рекомендаций власти, постепенно закрывались.

В практике работы новой школы наблюдались как дискриминация пролетарскими учителями учащихся из непролетарских слоев, так и случаи унижения «буржуазными учителями» детей из бедных рабочих и крестьянских семей [48, с. 205–208]. Вне какой-либо школьной системы оставались странники детского возраста и дети странниц.

Выводы

Таким образом, в 1921–1927 гг. – на первом этапе наступившего после окончания Гражданской войны мирного времени в самое свободное первое пятнадцатилетие советской власти (1917–1932 гг.), – когда государственного контроля в образовании еще не существовало, наряду с создаваемыми новыми школами продолжали функционировать прежние типы школ. В них учебный процесс был организован по-старому. В таких школах учи-

теля передавали детям мировоззренческое наследие своей религиозной или социальной группы. На Урале наиболее ярко это проявлялось у старообрядцев, казаков, толстовцев, мусульман и менонитов. В этих общностях учительницы, родители, школьники открыто отстаивали свои интересы в условиях проявления тенденции к универсализации образования. В обычных школах выявились группы новых учителей (в основном «красных учительниц») и более консервативно настроенных старых учителей, с дореволюционным образованием и стажем работы. Включение в учительский труд и школьную жизнь общественной работы рассматривалось либо как средство проведения принципиально неприемлемых идей, либо – в большинстве случаев – как излишнее обременение, поскольку она велась в свободное от работы время и не оплачивалась. Подобные протестные настроения и действия против вмешательства пролетарского государства были не часты, однако и не составляли исключения, представляя собой несоветский дискурс социально значимого поведения.

На втором этапе (с 1928 по 1932 гг.) эти тенденции в образовании усиливались, от учителей все настойчивее требовалось активное участие в агитационной, пропагандистской и другой общественной работе. Начавшиеся после 1927 г. новые процессы: поляризация общества (в связи с развертыванием коллективизации сельского хозяйства) и закрытие после 1932 г. обособленных школ, – привели к иным болевым точкам в столкновении менталитетов. Борьба мнений по вопросам о допустимости несоветского школьного образования в этих условиях затухает, ее острота сосредотачивается на кадровых проблемах и вопросах методики обучения в советской школе.

Литература

1. Блок, М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии / М. Блок ; пер. с фр. и коммент. В. А. Мильчиной. – 2-е изд., доп. – М. : Наука, 1986. – 254 с.
2. Febvre, L. Le Problème de l'incroyance au XVIe. La religion de Rabelais / L. Febvre. – Paris : Albin Michel, Coll. L'évolution de l'humanité, 1942. – 548 p.
3. Dinzelbacher, P. Zu Theorie und Praxis der Mentalitätsgeschichte / P. Dinzelbacher // Europäische Mentalitätsgeschichte: Hauptthemen in Einzeldarstellungen ; ed. P. Dinzelbacher. – Stuttgart : Alfred Kroner Verlag, 1993. – S. XXI.
4. Sprandel, R. Mentalitäten und System: neue Zugänge zur mittelalterlichen Geschichte / R. Sprandel. – Stuttgart : Union, 1972. – 177 p.
5. Гуревич, А. Я. От истории ментальности к историческому синтезу / А. Я. Гуревич // Споры о главном. – М. : Наука, 1993. – С. 16–28.
6. Гуревич, А. Я. История в человеческом измерении. (Размышления медиевиста) / А. Я. Гуревич // Новое литературное обозрение. – 2005. – № 5 (75). – URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2005/5/istoriya-v-chelovecheskom-izmerenii.html> (дата обращения: 10.02.2024).
7. Пушкарев, Л. Н. Что такое менталитет? / Л. Н. Пушкарев // Отечественная история. – 1995. – № 3. – С. 158–166.
8. Селезнев, Р. С. Ментальная история классического Средневековья (XI–XV вв.) в отечественной историографии: Вторая половина XIX – начало 90-х гг. XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Р. С. Селезнев. – Кемерово : КГУ, 2006. – 26 с.
9. Шевяков, М. Ю. Менталитет (сущность и особенности формирования) : автореф. дис. ... канд. филос. наук / М. Ю. Шевяков. – Волгоград : ВГУ, 1994. – 23 с.
10. Пальцев, А. И. Менталитет и ценностные ориентации этнических общностей (на примере субэтноса сибиряков) : автореф. дис. ... канд. филос. наук / А. И. Пальцев. – Новосибирск : НГАСУ (Сибстрин), 1998. – 22 с.
11. Катаев, М. В. Бессознательное и менталитет: сущность, структура и взаимодействие : автореф. дис. ... канд. филос. наук / М. В. Катаев. – Пермь : ПГУ, 2000. – 20 с.
12. Семьян, Т. Ф. Особенности нарративной организации романа А. Матвеевой «Каждые сто лет: роман с дневником» / Т. Ф. Семьян, Л. В. Выборнова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2023. – Т. 23, № 4. – С. 106–111.
13. Разуев, А. В. Проявление национальной идентичности в живописи на примере произведений челябинских художников / А. В. Разуев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2022. – Т. 22, № 3. – С. 67–75.
14. Бушмаков, А. В. Изменение ментальности городского населения российской провинции в конце XIX – начале XX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. В. Бушмаков. – Пермь : ПГУ, 2006. – 24 с.
15. Менталитет и культура предпринимателей России XVII–XIX вв. : сборник статей / под ред. Л. Н. Пушкарева. – М. : Институт российской истории РАН, 1996. – 215 с.
16. Гаврилов, Д. В. Менталитет екатеринбургской интеллигенции в 60–70-х годах XIX в. / Д. В. Гаврилов // Екатеринбург в прошлом и настоящем : материалы научной конференции, посвященной 270-летию города. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 1992. – С. 32–35.
17. Змеев, М. В. Жизненный мир русской интеллигенции рубежа XIX–XX вв. На материалах Пермской губернии / М. В. Змеев. – Пермь : Изд-во ПГТУ, 2006. – 266 с.

18. Бандура, Н. В. Политическая и социально-психологическая эволюция народного учительства Вятской губернии: 90-е гг. XIX в. – 1914 г. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н. В. Бандура. – Пермь : ПГУ, 2003. – 15 с.
19. Кирьянов, Ю. И. Менталитет рабочих России на рубеже XIX – XX вв. / Ю. И. Кирьянов // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций: 1861 – февраль 1917 г. – СПб. : Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1997. – С. 55–76.
20. Богданов, А. В. Восприятие иностранными рабочими и специалистами советской повседневности 1929–1933 гг. (на материалах ЧТЗ и ММК) / А. В. Богданов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2020. – Т. 20, № 3. – С. 17–20.
21. Трофимов, А. В. Экономические представления и модели поведения уральского населения (1945–1964 гг.) в историческом дискурсе / А. В. Трофимов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2016. – Т. 16, № 2. – С. 64–68.
22. Сперанская, А. Н. Общественная реакция на «дело врачей» (на материалах Челябинской области) / А. Н. Сперанская // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2019. – Т. 19, № 2. – С. 68–72.
23. Огурцов, А. П. Трудности анализа менталитета / А. П. Огурцов // Вопросы философии. – 1994. – № 1. – С. 51–52.
24. Доклад Политотдела штаба 3-й армии об организации политической работы в батальонах и полках (от 21 августа 1919 г.) // Общество и власть. Российская провинция. 1917–1905: Свердловская область. Документы и материалы. – Т. 1: 1917–1941 / гл. ред. В. В. Алексеев ; сост. Е. Ю. Баранов, Е. В. Вертилецкая, С. В. Воробьев и др. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2005. – С. 197–200.
25. Рыбалко, А. А. Этнокультурная и политическая история Южного Урала в эпоху средневековья и в новое время / А. А. Рыбалко, О. Е. Новикова // Аркаим. По страницам древней истории Южного Урала. – Челябинск : Крокус, 2004. – URL: <https://arkaim-center.ru/index.php/science/nashi-publikacii/etnokulturnaya-i-politicheskaya-istoriya-ujnogo-urala-v-epohu-srednev> (дата обращения: 30.01.2024).
26. Апкаримова, Е. Ю. Православные братства на Южном Урале в конце XIX – начале XX в. / Е. Ю. Апкаримова // Уральские бирюковские чтения. – Вып. 2. – Челябинск : ЧПУ, 2006. – С. 371–379.
27. Крупская, Н. К. В боях за свободу / Н. К. Крупская // Женщина – равноправный гражданин СССР : сборник статей и речей. – М. : Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. – С. 3–9.
28. Государственный архив Курганской области (далее – ГАКО). – Ф. Р-2295. – Оп. 1. – Д. 2.
29. Воспоминания комсомолки 20-х годов Белых-Гавриловой Антонины Сергеевны // ГАКО. – Ф. Р-2275. – Оп. 1. – Д. 279. – Л. 3–5.
30. Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). – Ф. Р-511. – Оп. 1. – Д. 426.
31. Объединенный государственный архив Челябинской области (далее – ОГАЧО). – Ф. П-1036. – Оп. 1. – Д. 5.
32. ОГАЧО. – Ф. П-334. – Оп. 2. – Д. 18.
33. ОГАЧО. – Ф. П-334. – Оп. 2. – Д. 19.
34. ОГАЧО. – Ф. П-267. – Оп. 1. – Д. 11.
35. Бюллетень III окружного съезда советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Свердловского округа. № 2. – Свердловск : Свердловский окрисполком : Уралполиграф, 1926. – 24 с.
36. Лагун-Неустроева, Е. Г. Мои воспоминания о школьных годах, проведенных с 1920 г. по 1925 г. в стенах школы № 30 / Е. Г. Лагун-Неустроева // ГАКО. – Ф. Р-2275. – Оп. 1. – Д. 280. – Л. 3–13 об.
37. Ильтенбаев, А. Ф. Галанова Лидия Андреевна / А. Ф. Ильтенбаев // Башкортостан : краткая энциклопедия. – Уфа : Башкирская энциклопедия, 1996. – С. 220–221.
38. Туберкулезный трехдневник. – 1923. – № 1 (16, 17, 18 февраля).
39. ОГАЧО. – Ф. П-77. – Оп. 1. – Д. 427.
40. ОГАЧО. – Ф. Р-1. – Оп. 3. – Д. 9.
41. Советская правда. – 1923. – 18 декабря.
42. Коми в 1920–1925 гг. : историческая хроника. URL: <http://www.tomovl.ru/komi/chronograph1921.htm> (дата обращения: 17.01.2024).
43. ЦДООСО. – Ф. 4. – Оп. 3. – Д. 598.
44. ГАСО. – Ф. Р-88. – Оп. 1. – Д. 127.
45. ГАСО. – Ф. Р-88. – Оп. 1. – Д. 801.
46. Белавин, Л. Г. История деревни Анатольская-Грань и станции Анатольская горнозаводской железной дороги / Л. Г. Белавин, И. Г. Белавина // XV Уральские бирюковские чтения. Вып. 2: Из истории Южного Урала и российских регионов. – Челябинск : ЧПУ, 2004. – С. 88–95.
47. О результатах обследования сельско-хозяйственного коллектива «Жизнь и труд» Есаульского сельсовета: докладная записка // Возвращение памяти. Историко-публицистический альманах. Вып. 2. Новосибирск. – 1994. – URL: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0390.shtml (дата обращения: 12.12.2023).
48. Смирнова, Т. М. А. Ю. Рожков. В кругу сверстников. Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов : в 2 т. Т. 1. 406 с.; Т. 2. 206 с. Краснодар: ОИПЦ «Перспективы образования», 2002 / Т. М. Смирнова // Отечественная история. – 2005. – № 2. – С. 205–208.

Журавлева Вера Анатольевна – доктор исторических наук, доцент кафедры социально-правовых и гуманитарных наук, Южно-Уральский государственный университет, филиал в г. Златоусте, e-mail: zhuravlvera@yandex.ru. ORCID 0000-0002-1915-913X

Мирошниченко Мария Ильинична – доктор исторических наук, профессор, доцент кафедры отечественной и зарубежной истории, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: mmi74@yandex.ru. ORCID 0000-0003-0545-2359

Палецких Надежда Петровна – доктор исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин и русского языка как иностранного, Южно-Уральский государственный аграрный университет (Челябинск), e-mail: palenad@mail.ru. ORCID 0000-0001-5073-7914

Толстиков Виталий Семенович – доктор исторических наук, профессор истории, музеологии и документоведения, Челябинский государственный институт культуры (Челябинск), e-mail: tolstikov1937@yandex.ru. ORCID 0000-0001-7292-5588

Поступила в редакцию 10 марта 2024 г.

DOI: 10.14529/ssh240302

CONFLICT IN THE MENTALITIES OF WOMEN IN THE SCHOOL ENVIRONMENT IN THE URAL PROVINCE FROM THE 1920s TO THE MID 1930s

V. A. Zhuravleva¹, M. I. Miroshnichenko², N. P. Paletskikh³, V. S. Tolstikov⁴

¹The branch of South Ural State University, Zlatoust, Russian Federation

²South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

³South Ural State Agrarian University, Chelyabinsk, Russian Federation

⁴Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk, Russian Federation

This article discusses the mentalities of different categories of women associated with the school environment in the Ural province. It has been established that during the freest first fifteen years of Soviet power (in 1917–1932) at its first peacetime stage after the end of the Civil War (1921–1927), along with the new schools being created, the previous types of schools continued to function (Old Believer, Cossack, Tolstoyan, Muslim, Mennonite, etc.), in which the old educational process continued. Several groups were identified among teachers, parents, and schoolchildren, whose representatives defended their interests in the face of the tendency towards the universalization of education, the inclusion of social work in teachers' work and school life, which they considered either as a means of carrying out fundamentally unacceptable ideas, or as an unnecessary encumbrance. At the second stage (1928–1932), statist tendencies in education intensified and teachers were increasingly required to actively participate in agitation, propaganda, and other public work. Protest sentiments and actions against the intervention of the proletarian state were not frequent, however they did occur, representing a non-Soviet discourse of socially significant behavior.

Keywords: history of mentalities, mentality, “red teachers”, “sweatshirt”, “intellectuals”.

References

1. Blok M. Koroli-chudotvortsy: Ocherk predstavleniy o sverkh'yestestvennom kharaktere korolevskoy vlasti, rasprostranennykh preimushchestvenno vo Frantsii i v Anglii [Miracle-Working Kings: An Essay on the Ideas of the Supernatural Character of Royal Power, Mainly Prevalent in France and England]; per. s fr. i komment. V.A. Mil'chinoy. 2-e izd., dop. M.: Nauka, 1986. 254 s.
2. Febvre L. Le Problème de l'incroyance au XVIIe. La religion de Rabelais [The Problem of Unbelief in the 16th Century. Rabelais' Religion]. Paris: Albin Michel, Coll. The evolution of humanity, 1942. 548 s.
3. Dinzeltbacher P. Zu Theorie und Praxis der Mentalitätsgeschichte [On the Theory and Practice of the History of Mentalities] // *Istoriya yevropeyskogo mentaliteta: osnovnyye temy v otdel'nykh predstavleniyakh*; ed. P. Dinzeltbacher. Stuttgart: Alfred Kroner Verlag, 1993. P. XXI.
4. Sprandel R. Mentalitäten und System: neue Zungänge zur mittelalterlichen Geschichte [Mentalities and Systems: New Approaches to Medieval History]. Stuttgart: Union, 1972. 177 p.
5. Gurevich A.Y. Ot istorii mental'nosti k istoricheskomu sintezu [From the History of Mentality to Historical Synthesis] // *Spory o glavnom*. M.: Nauka, 1993. S. 16–28.

6. Gurevic A.Y. Istoriya v chelovecheskom izmerenii. (Razmyshleniya mediyevista) [History in the Human Dimension. (Reflections of a Medievalist)] // *Novoye literaturnoye obozreniye*. 2005. № 5 (75). URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2005/5/istoriya-v-chelovecheskom-izmerenii.html> (data obrashcheniya: 10.02.2024).
7. Pushkare L.N. Chto takoye mentalitet? [What is Mentality?] // *Otechestvennaya istoriya*. 1995. № 3. S. 158–166.
8. Seleznev R.S. Mental'naya istoriya klassicheskogo Srednevekov'ya (XI–XV vv.) v otechestvennoy istoriografii: Vtoraya polovina XIX – nachalo 90-kh gg. XX vv. [Mental History of the Classical Middle Ages (XI–XV Centuries) in Domestic Historiography: Second Half of the 19th century to the Early 1990s.]: avtoref. dis. ...kand. ist. nauk. Kemerovo: KGU, 2006. 26 s.
9. Shevyakov M.Y. Mentalitet (sushchnost' i osobennosti formirovaniya) [Mentality (Essence and Features of Formation)]: avtoref. dis. ...kand. fil. nauk. Volgograd: VGU, 1994. 23 s.
10. Pal'tsev A.I. Mentalitet i tsennostnyye oriyentatsii etnicheskikh obshchestv (na primere subetnosa sibiriyakov) [Mentality and Value Orientations of Ethnic Communities (Using the Example of the Siberian Subethnos)]: avtoref. dis. ...kand. fil. nauk. Novosibirsk: NGASU (Sibstrin), 1998. 22 s.
11. Kataev M.V. Bessoznatel'noe i mentalitet: sushchnost', struktura i vzaimodeystvie [The Unconscious and Mentality: Essence, Structure and Interaction]: avtoref. dis. ...kand. fil. nauk. Perm: PGU, 2000. 20 s.
12. Sem'yan T.F., Vybornova L.V. Osobennosti narrativnoy organizatsii romana A. Matveyevoy «Kazhdye sto let roman s dnevnikom» [Features of the Narrative Organization of A. Matveeva's novel "Every Hundred Years, a Romance with a Diary"] // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnyye nauki*. 2023. T. 23, № 4. S. 106–111.
13. Razuyev A.V. Proyavleniye natsional'noy identichnosti v zhivopisi na primere proizvedeniy chelyabinskikh khudozhnikov [Manifestation of National Identity in Painting Using the Example of Works by Chelyabinsk Artists] // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnyye nauki*. 2022. T. 22, № 3. S. 67–75.
14. Bushmakov A.V. Izmeneniye mental'nosti gorodskogo naseleniya rossiyskoy provintsii v kontse XIX – nachale XX veka [Changing the Mentality of the Urban Population of the Russian Province at the End of the 19th – Beginning of the 20th Century]: avtoref. dis. ...kand. ist. nauk. Perm: PGU, 2006. 24 s.
15. Mentalitet i kul'tura predprinimateley Rossii XVII–XIX vv. [Mentality and Culture of Russian Entrepreneurs in the 17th–19th Centuries]: sbornik statey / pod red. L.N. Pushkareva. M.: Institut Rossiyskoy Istorii RAN, 1996. 15 s.
16. Gavrilov D.V. Mentalitet yekaterinburgskoy intelligentsii v 60–70-kh godakh XIX v. [The Mentality of the Yekaterinburg Intelligentsia in the 60–70s of the 19th Century] // *Yekaterinburg v proshlom i nastoyashchem: materialy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 270-letiyu goroda*. Ekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii, 1992. S. 32–35.
17. Zmeyev M.V. Zhiznenny mir russkoy intelligentsii rubezha XIX–XX vv. Na materialakh Permskoy gubernii [The Life World of the Russian Intelligentsia at the Turn of the 19th–20th Centuries. Based on Materials from the Perm Province]. Perm: Izd-vo PGU, 2006. 266 s.
18. Bandura N.V. Politicheskaya i sotsial'no-psikhologicheskaya evolyutsiya narodnogo uchitel'stva Vyatskoy gubernii: 90-e gg. XIX v. – 1914 g. [Political and Socio-psychological Evolution of the People's Teaching in the Vyatka Province: 90s. XIX Century – 1914]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Perm: PGU, 2003. 15 s.
19. Kir'yanov Y.I. Mentalitet rabochikh Rossii na rubezhe XIX–XX vv. [The Mentality of Russian Workers at the Turn of the 19th–20th Centuries] // *Rabochiye i intelligentsiya Rossii v epokhu reform i revolyutsiy: 1861 – fevral' 1917 g.* SPb.: Russko-Baltiyskiy informatsionnyy tsentr BLITS, 1997. S. 55–76.
20. Bogdanov A.V. Vospriyatiye inostrannymi rabochimi i spetsialistami sovetsskoy povsednevnoy zhizni 1929–1933 gg. (na materialakh ChTZ i MMK) [Foreign Workers' and Specialists' Perception of Soviet Everyday life in 1929–1933 (Based on Materials from ChTZ and MMK)] // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnyye nauki*. 2020. T. 20, № 3. S. 17–20.
21. Trofimov A.V. Ekonomicheskiye predstavleniya i modeli povedeniya ural'skogo naseleniya (1945–1964 gg.) v istoricheskom diskurse [Economic Ideas and Models of Behavior of the Ural Population (1945–1964) in Historical Discourse] // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnyye nauki*. 2016. T. 16. № 2. S. 64–68.
22. Speranskaya A.N. Obshchestvennaya reaktsiya na «delo vrachey» (na materialakh Chelyabinskoy oblasti) [Public Reaction to the "Doctors' Case" (Based on Materials From the Chelyabinsk Region)] // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnyye nauki*. 2019. T. 19, № 2. S. 68–72.
23. Ogurtsov A.P. Trudnosti analiza mentaliteta [Difficulties in Analyzing Mentality] // *Voprosy filosofii*. 1994. № 1. S. 51–52.

24. Doklad Politotdela shtaba 3-y armii ob organizatsii politicheskoy raboty v batal'onakh i polkakh (ot 21 avgusta 1919 g.) [Report of the Political Department of the 3rd Army Headquarters on the Organization of Political Work in Battalions and Regiments (Dated August 21, 1919)] // *Obshchestvo i vlast'. Rossiyskaya provintsiya. 1917–1905: Sverdlovskaya oblast'*. Dokumenty i materialy. T. 1: 1917–1941; Gl. red. V. V. Alekseyev; sost. Y.Y. Baranov, Y.V. Vertiletskaya, S.V. Vorob'yev i dr. Ekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii, 2005. S. 197–200.
25. Rybalko A.A., Novikova O.Y. Etnokul'turnaya i politicheskaya istoriya Yuzhnogo Urala v epokhu srednevekov'ya i v novoye vremya [Ethnocultural and Political History of the Southern Urals in the Middle Ages and in Modern Times] // *Arkaim. Po stranitsam drevney istorii Yuzhnogo Urala*. Chelyabinsk: Krokus, 2004. URL: <https://arkaim-center.ru/index.php/science/nashi-publikacii/etnokulturnaya-i-politicheskaya-istoriya-yujnogo-urala-v-epokhu-srednev> (data obrashcheniya: 30.01.2024).
26. Apkarimova Y.Y. Pravoslavnyye bratstva na Yuzhnom Urale v kontse XIX – nachale XX v. [Orthodox Brotherhoods in the Southern Urals at the End of the 19th – Beginning of the 20th Centuries] // *Ural'skiye biryukovskiyeye chteniya*. Vyp. 2. Chelyabinsk: CHSPU, 2006. S. 371–379.
27. Krupskaya N.K. V boyakh za svobodu [In the fights for freedom] // *Zhenshchina – ravnopravnyy grazhdanin SSSR*: Sb. st. i rechey. M.: Partizdat TsK VKP(b), 1937. S. 3–9.
28. Gosudarstvennyy arkhiv Kurganskoy oblasti (GAKO) [State Archives of the Kurgan Region (SAKR)]. F. R-2295. Op. 1. D. 2.
29. Vospominaniya komsomolki 20-kh godov Belykh-Gavrilovoy An-toniny Sergeyevny [Memoirs of Komsomol Member of the 20s Antonina Sergeevna Belykh-Gavrilova] // *GAKO*. F. R-2275. Op. 1. D. 279. L. 3–5.
30. Gosudarstvennyy arkhiv Sverdlovskoy oblasti (GASO) [State Archives of the Sverdlovsk Region (SASR)]. F. R-511. Op. 1. D. 426.
31. Ob'yedinennyy gosudarstvennyy arkhiv Chelyabinskoy oblasti (OGACHO) [United State Archives of the Chelyabinsk Region (USACR)]. F. P-1036. Op. 1. D. 5.
32. OGACHO [USACR]. F. P-334. Op. 2. D. 18.
33. OGACHO [USACR]. F. P-334. Op. 2. D. 19.
34. OGACHO [USACR]. F. P-267. Op. 1. D. 11.
35. Byulleten' III okruzhnogo s'yezda sovetov rabochikh, krest'yanskikh i krasnoarmeyskikh deputatov Sverdlovskogo okruga [Bulletin of the III District Congress of Soviets of Workers, Peasants and Red Army Deputies of the Sverdlovsk District]. № 2. Sverdlovsk: Sverdlovskiy okrispolkom: Uralpoligraf, 1926. 24 s.
36. Lagun-Neustroyeva Y.G. Moi vospominaniya o shkol'nykh godakh, provedennykh s 1920 g. po 1925 g. v stenakh shkoly № 30 [My Memories of my School Years Spent from 1920 to 1925 Within the Walls of School № 30] // *GAKO*. F. R. 2275. Op. 1. D. 280. L. 3–13 ob.
37. Il'tenbayev A.F. Galanova Lidiya Andreyevna [Galanova Lidiya Andreevna] // *Bashkortostan: kratkaya entsiklopediya*. Ufa: Bashkirskaya entsiklopediya, 1996. S. 220–221.
38. Tuberkuleznyy trekhdnevnik [Tuberculosis Three-day Diary]. 1923. № 1 (February 16, 17, 18).
39. OGACHO [USACHR]. F. P-77. Op. 1. D. 427.
40. OGACHO [USACHR]. F. R-1. Op. 3. D. 9.
41. Sovetskaya Pravda [Soviet Truth]. 1923. December 18.
42. Komi v 1920–1925 gg. Istoricheskaya khronika [Komi in 1920–1925 Historical Chronicle]. URL: http://www.tomovl.ru/komi/chrono_graph1921.htm (data obrashcheniya: 17.01.2024).
43. Tsentri dokumentatsii obshchestvennykh organizatsiy Sverdlovskoy oblasti (TSDOOSO) [Documentation Center for Public Organizations of the Sverdlovsk Region (DCPOSR)]. F. 4. Op. 3. D. 598.
44. GASO [SASR]. F. R-88. Op. 1. D. 127.
45. GASO [SASR]. F. R-88. Op. 1. D. 801.
46. Belavin L.G., Belavina I.G. Istoriya derevni Anatol'skaya-Gran' i stantsii Anatol'skaya gornozavodskoy zheleznoy dorogi [History of the Village of Anatolskaya-Gran and the Station of the Anatolskaya Mining Railway] // *XV Ural'skiye biryukovskiyeye chteniya*. Vyp. 2: Iz istorii Yuzhnogo Urala i rossiyskikh regionov. Chelyabinsk: ChSPU, 2004. S. 88–95.
47. O rezul'tatakh obsledovaniya sel'skokhozyaystvennogo kollektiva «Zhizn' i truD» Yesaul'skogo sel'soveta: dokladnaya zapiska [On the Results of a Survey of the Agricultural Collective “Life and Work” of the Esaul Village Council: a Memorandum] // *Datsenko A G. Iz zhizni tolstovskikh kommun v Sibiri // Vozvrashcheniye pamyati. Istoriko-publitsisticheskij al'manakh*. Vyp. 2. Novosibirsk, 1994. URL: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0390.shtml (data obrashcheniya: 12.12.2023).
48. Smirnova T.M. A.Y. Rozhkov V krugu sverstnikov. Zhiznenny mir molodogo cheloveka v Sovetskoy Rossii 1920-kh godov: v 2 t. T. 1. 406 s.; T. 2. 206 s. Krasnodar: Perspektivy obrazovaniya, 2002 [A.Y. Rozhkov. Among Peers. The Life World of a Young Man in Soviet Russia in the 1920s. In 2 Vol. Vol. 1. 406 s.; Vol. 2. 206 s. Krasnodar: OIPTS “Prospects of Education”, 2002] // *Otechestvennaya istoriya*. 2005. № 2. S. 205–208.

Исторические науки

Vera A. Zhuravleva – D. Sc. (History), Associate Professor of the Department of Socio-Legal Sciences and Humanities, the branch of South Ural State University (Zlatoust), e-mail: zhuravlvera@yandex.ru

Maria I. Miroshnichenko – D. Sc. (History), Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign History, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: mmi74@yandex.ru

Nadezhda P. Paletskikh – D. Sc. (History), Associate Professor of the Department of Social Sciences, Humanities and Russian as a Foreign Language, South Ural State Agrarian University (Chelyabinsk), e-mail: palenad@mail.ru

Vitaly S. Tolstikov – D. Sc. (History), Professor of the Department of History, Museology and Documentation, Chelyabinsk State Institute of Culture (Chelyabinsk), e-mail: tolstikov1937@yandex.ru

Received March 10, 2024

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Конфликт менталитетов в женской уральской провинциальной школьной среде в 1920-е – середине 1930-х гг. / В. А. Журавлева, М. И. Мирошниченко, Н. П. Палецких, В. С. Толстиков // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2024. – Т. 24, № 3. – С. 16–26. DOI: 10.14529/ssh240302

FOR CITATION

Zhuravleva V. A., Miroshnichenko M. I., Paletskikh N. P., Tolstikov V. S. Conflict in the mentalities of women in the school environment in the Ural province from the 1920s to the mid 1930s. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2024, vol. 24, no. 3, pp. 16–26. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh240302

МАССОВЫЕ НАСТРОЕНИЯ НА УРАЛЕ В ГОДЫ НЭПа (1922–1928)**В. М. Кириллов***Российский государственный профессионально-педагогический университет (филиал), г. Нижний Тагил, Российская Федерация*

Изучение массовых настроений актуально как попытка понимания менталитета различных социальных слоев населения страны в постреволюционный период. Проблема исследования массовых настроений населения Уральского региона в период НЭПа не получила по настоящее время комплексного историографического дискурса, в то время как состояние опубликованного корпуса источников 1920-х гг. позволяет прийти к новым результатам в ее изучении. Цель публикации – изучение и анализ политических и социально-экономических настроений рабочих, крестьян, красноармейцев, совслужащих, интеллигенции, духовенства, учащихся, представителей антисоветских партий и групп населения Урала в период 1922–1928 гг. Источник исследования – информационные материалы ОГПУ, опубликованные в 2001–2017 гг. Теоретической основой работы избрана междисциплинарная концепция новой социальной истории. В силу высокой степени формализации материалов источника, применен метод контент-анализа. Результатом работы стало количественное и качественное описание массовых настроений восьми социальных групп, которое отражено в диаграммах. Выявлено 1554 единицы высказываний, из которых 199 положительных, 1327 отрицательных, 28 нейтральных. Показана динамика настроений по годам, установлено преобладание социально-экономических настроений (859 единиц) над политическими (404).

Ключевые слова: документы ОГПУ, массовые настроения, политические настроения, социально-экономические настроения, социально-политические группы, контент-анализ, категории анализа, единицы высказываний.

Введение

Изучение массовых настроений актуально как попытка понимания менталитета различных социальных слоев населения страны в постреволюционный период.

Проблема исследования массовых настроений населения Урала в период НЭПа не получила по настоящее время комплексного историографического дискурса, в то время как современное состояние опубликованного корпуса источников 1920-х гг. позволяет прийти к новым результатам в ее изучении.

Цель публикации – изучение и анализ политических и социально-экономических настроений рабочих, крестьян, красноармейцев, совслужащих, интеллигенции, духовенства, представителей антисоветских партий и групп населения Урала в период 1922–1928 гг.

Задачи исследования: проведение выборки из источника материалов, относящихся к Уральскому региону; разработка классификатора контент-анализа (далее – КА) и его применение к корпусу документов с целью выявления количества единиц высказываний (далее – ЕВ), связанных с социально-политическими группами населения Урала; подсчет ЕВ с целью анализа политических и социально-экономических массовых настроений общества.

Объектом исследования являются проблемы взаимоотношений советской власти и общества, предметом – массовые настроения населения Урала.

Базовым источником исследования избраны информационные сводки и обзоры ОГПУ, опубликованные в 2001–2017 гг. [1].

Обзор литературы

В начале XXI в. в историографии начался поворот от исследования экономических аспектов НЭПа к изучению повседневности и массового сознания различных групп общества. Системообразующим проблемным полем изучения социума выступают массовые настроения и бытовые практики выживания [2].

Такой поворот стал возможным с публикацией целого комплекса информационных материалов ВЧК – ОГПУ, отражающих взаимодействия общества и власти [1, 3, 4].

В историографии Уральского региона появился ряд исследований, отразивших движение к изучению нэповского социума с позиций массового сознания [4–12]. К настоящему времени сложились условия для анализа массовых настроений различных социальных групп населения в географических рамках Уральского региона в целом.

Методы исследования

Теоретической основой работы избрана междисциплинарная концепция новой социальной истории, компонентами которой являются история повседневной жизни, массовых настроений социальных групп общества¹. В силу высокой степени формализации материалов источника стало возможным применение метода КА к объемному корпусу документов Лубянки.

¹ Массовые настроения – это сходная для множества людей субъективная аффективно-когнитивная сигнальная реакция, которая отражает их удовлетворенность или неудовлетворенность социально-политическими условиями жизни, а также оценку возможностей реализации своих притязаний при этих условиях [13].

Результаты и дискуссия

В качестве общей формы КА нами был создан символичный классификатор «Настроения социально-политических групп населения Урала», который отражает положительные, отрицательные и нейтральные коннотации массовых настроений.

Рабочим инструментом стала таблица «Маркеры настроений социально-политических групп населения Урала», которая включила в себя общие категории анализа: рабочие, крестьяне (бедняки, середняки, кулаки, казачество), красноармейцы, интеллигенция, совслужащие, духовенство, контрреволюционные партии и группы. В таблице предусмотрено распределение ЕВ вышеуказанных категорий по регионам Урала в пределах Уральской области, существовавшей в 1923–1934 гг.² В качестве предельно обобщающих применены категории «Политические настроения» (далее – ПН) и «Социально-экономические настроения» (СЭН).

Анализ массовых настроений осуществлялся последовательно с 1922 по 1928 г. Нами учитывались основные политико-экономические процессы, служившие стимулом для различных проявлений настроений общества.

В начале 1922 г. в стране продолжали ощущаться последствия гражданской войны и голода, к весне усилился продовольственный кризис. На ухудшение настроения населения оказали влияние быстрый рост рыночных цен, отсутствие твердого прожиточного минимума, денежный кризис, приводящий к задержке зарплаты и жалования. Это вызывало волнения и забастовки рабочих, порой носившие политический характер. Центральными вопросами, волнующими деревню, оставались сбор продналога и приготовления к весенней посевной кампании [14, с. 90].

Недостаток продовольствия привел к увеличению территории, пораженной голодом. На Урале усиливается смертность от голода [14, с. 91]. Почти повсеместно расцвел бандитизм, широко распространялись слухи о готовящемся восстании и падении советской власти. Констатировалась повышенная активность контрреволюционных партий анархистов, меньшевиков, правых эсеров, монархистов и антисоветских групп.

В сводках за декабрь 1922 г. зафиксированы неутешительные для власти изменения в настроениях рабочих и крестьянских масс: их политическое настроение колеблется между «неудовлетворительно» и «удовлетворительно». Кулаки и середняки, как

правило, настроены отрицательно, а бедняки «доброжелательно» [15, с. 501–502, 507, 518, 522].

Итоги подсчета ЕВ по общей категории «ПН» за 1922 г. дали 46 позитивных (далее – П), 21 отрицательный (О) и 9 нейтральных (Н). Распределение ЕВ по категории «СЭН»: 20 – П, 44 – О, 1 – Н. Политические настроения преобладали над социально-экономическими, что свидетельствует, на наш взгляд, о довольно слабых позициях советской власти и РКП (б).

Политико-экономическое состояние СССР весной 1923 г., согласно оценке ОГПУ, определялось «1) ухудшением хозяйственного состояния Республики; 2) тревожным настроением под впечатлением тяжелой болезни тов. Ленина, а затем английским ультиматумом и возможностью близкой войны;... 3) характерным для весеннего периода развитием бандитизма» [15, с. 861].

«Свертывание промышленности» приостанавливало рост зарплаты, усиливало безработицу. Несмотря на усиливающийся промышленный кризис, настроение пролетарских масс признавалось устойчивым.

Отмечено улучшение ПН крестьянства. В то же время голодом были охвачены Челябинская, Тюменская, Пермская губернии Урала, Вотская область и Башкирия. Вопреки такому отягчающему обстоятельству, ОГПУ считало, что отношение крестьян к советской власти, за исключением кулаков, «большой частью благоприятно» [15, с. 870].

В конце 1923 г. в настроениях рабочих наступило «некоторое улучшение», произошло «резкое падение общего недовольства среди рабочих и понижение числа забастовок по СССР». В то же время «настроение крестьянства большинства губерний характеризуется недовольством, обусловливаемым ненормальностями единогоналоговой кампании и состоянием «ножниц» (т. е. разницы в ценах промышленных и сельскохозяйственных товаров)» [15, с. 959].

Подводя итог количества ЕВ за год, констатируем – по категории «ПН»: 68 – П, 68 – О, 6 – Н. Подсчет по категории «СЭН» дает нам 38 – П, 130 – О, 4 – Н. Можно сделать вывод о преобладании СЭН над ПН. Количество ЕВ по рабочим (128) преобладает над количеством по крестьянам (65).

В январе 1924 г. в выводах ОГПУ по положению в стране отмечались: закрытие предприятий и рост безработицы; задержка зарплаты; рост недовольства на почве злоупотреблений администрации; малые масштабы забастовочного движения; «резкий сдвиг в сторону советской власти и РКП (б) настроения рабочих после смерти Ленина» [16, с. 26].

В Уралобласти чрезвычайно распространённым являлось недовольство рабочих «на почве невнимательного отношения администрации к их нуждам». Партийная дискуссия «среди наименее сознательных рабочих» была воспринята как рас-

² Уральская область образована в ноябре 1923 г. из Пермской, Екатеринбургской, Челябинской и Тюменской губерний и существовала до 1934 г. в виде округов и районов. Структура и состав области несколько раз корректировались, изменялось число округов. Для удобства в табличных формах и диаграммах мы использовали названия: Пермский, Екатеринбургский, Челябинский, Тюменский, Оренбургский регионы, Удмуртия и Башкирия, которые совпадают с современным административно-территориальным делением на области и республики.

кол в партии, а смерть Ленина вызвала у рабочих «инстинктивное чувство единства» [16, с. 22–25].

Зафиксировано тяжелое положение крестьянства в Башкирии, Оренбургской губернии³: употребление суррогатов, тяга к переселению и т. п.

Анализ ОГПУ политического состояния СССР в 1924 г. обнаружил «неуклонный рост мелкобуржуазной стихии, как в городе, так и в деревне с явно выраженными враждебными нам политическими тенденциями» [16, с.299].

По итогам 1924 г. в категории «ПН» насчитывается 79 ЕВ, в категории «СЭН» – 129, все с отрицательным значением. Количество ЕВ по рабочим (49) ненамного уступает крестьянам (51), преобладают СЭН: у рабочих все 49, у крестьян СЭН – 29 ЕВ, ПН – 22. Антисоветские группы и партии проявляют повышенную активность: 24 ЕВ в сравнении с 8 в 1922 г. и 16 в 1923 г.

Весной 1925 г. ОГПУ фиксировало определенные изменения в настроении основных социальных групп населения. Применительно к рабочим был выдвинут, как основной, тезис: «Общее настроение рабочих продолжает быть в мае вполне советским. Вместе с тем размеры забастовочного движения и рост конфликтов на экономической почве, ..., говорят о несомненном нарастании активности в рабочей среде. Эта активность в данной стадии не носит... ярко выраженного антисоветского характера, а направлена... против администрации и... ограничивается рамками экономических требований» [17, с. 285].

Выводы по настроению крестьян связаны с ростом политической активности «всех слоев крестьянства и усиливающейся классовой борьбой. Подавляющая часть середнячества держится... пассивно-выжидательно, относясь... с недоверием к провозглашенному партией новому курсу, ..., общий рост политической активности деревни, ..., принимает часто антисоветское направление (требование организации крестьянских союзов, передачи власти беспартийным крестьянским конференциям вместо Советов и т. п.); эти требования преимущественно исходят со стороны середняков и бедноты». Кулацкие и антисоветские элементы в ходе перевыборов Советов проявили стремление «захватить власть, ..., возглавить и направить в антисоветскую сторону выросшую политическую активность деревни» [17, с. 296].

По категории «ПН» за 1925 г. набралось 65 ЕВ, из них только одно позитивное, остальные отрицательные. По категории «СЭН» – 71 отрицательное высказывание. Количество ЕВ по рабочим (58) больше, чем по крестьянам (37). У рабочих преобладают СЭН (56). У крестьян СЭН (8) значительно уступают ПН (29).

Из обзора политического состояния СССР за январь 1926 г. следует, что настроение рабочих

оказалось зависимым от «наметившихся общехозяйственных затруднений»: перебоев в производстве из-за недостатка сырья и топлива, частичного сокращения рабочих, намечающегося сокращения производства, задержек зарплаты, роста рыночных цен на продукты. Выросло число забастовок, сложилось острое положение в снабжении рабочих продуктами питания. Настроение рабочих – «подавленное» [18, с. 23, 25, 33, 59].

В ходе перевыборной кампании в сельсоветы кулачество выдвинуло лозунг «Советы без коммунистов». Сложилось кулацкие группировки на перевыборах. В большинстве мест бедняки и батраки к перевыборам оказались не подготовлены и оказались под влиянием зажиточных [18, с. 35, 37, 67].

В январе отмечено 149 случаев агитации и выступлений за крестьянские союзы по 34 губерниям и округам Союза. Одним из требований инициаторов таких выступлений было создание крестьянской партии [18, с. 37, 38].

В обзоре за март по-прежнему фиксируется влияние на настроение рабочих хозяйственных затруднений – «нервное настроение», рост активности антисоветских элементов на предприятиях. В то же время утверждалось, что «на основную массу рабочих эти выступления влияния не имеют» [18, с. 169].

Политическое настроение деревни характеризовалось как устойчивое, что подтверждалось перевыборами в органы кооперации, в ходе которых сложился в основном блок бедноты и середнячества.

Дестабилизировали ситуацию товарный голод и «ножницы», которые находились «в центре внимания деревни и в известной части ее проявляются в виде недовольства городом, «привилегированным» положением рабочих и т. д. Хозяйственные затруднения Союза и нажим по сбору единого сельхозналога используются антисоветской частью деревни для распространения всевозможных провокационных слухов (о резком падении червонца, войне и т. д.)» [18, с. 240].

В июне новым тревожным моментом стал рост преступности в деревне, который вызвал недовольство крестьян «слабой карательной политикой советской власти», особенно слабостью в деятельности судов, мягкостью наказаний для уголовников, совершивших убийства [18, с. 384].

В сентябре хулиганство среди молодежи стало предметом особого внимания в сводках ОГПУ. Подчеркивалось, что сельская молодежь намеренно втягивается в хулиганство, нацеленное против комсомольских организаций, что определялось как «фашистское лицо хулиганствующей деревенской молодежи». Приводились многочисленные примеры бытового хулиганства в деревне, перерастающего в бандитизм, терроризирования хулиганскими местными населением. Это считалось проявлением «политического хулиганства» [18, с. 635, 684, 687, 689, 822].

³ По декабрь 1924 г. Оренбургская губерния входила в состав Киргизской АССР, в 1925–1928 гг. существовала самостоятельно в составе РСФСР.

К декабрю 1926 г. число конфликтов на промышленных предприятиях СССР и Урала снизилось, что говорило об улучшении настроений рабочих [18, с. 907].

Политнастроение деревни по-прежнему определялось ходом налоговой и хлебозаготовительной кампаний. Почти повсеместно резко обострилось недовольство зажиточных групп деревни. Более «мощная часть крестьянства» все чаще задерживала хлеб в ходе заготовок. Все это в целом обусловило рост активности кулачества и антисоветских элементов села [18, с.913].

Подсчет ЕВ по категории «ПН» за 1926 г. привел нас к следующим результатам – 127 – О, 17 – П, 4 – Н; по категории «СЭН» – 199 – О, 2 – П. С настроениями рабочих связано 154 ЕВ, крестьян – 95. Количество ЕВ по рабочим (160) значительно больше, чем по крестьянам (102). У рабочих преобладают СЭН (56) над ПН (14), у крестьян СЭН (38) значительно уступают ПН (64). Увеличилось число актов бандитизма и террора (19) по сравнению с 1925 г. (10) и 1924 г. (9).

В январе 1927 г. выросло число забастовок рабочих по сравнению с декабрем 1926 г. Снижение зарплаты, невыгодная тарификация, сокращение производства оставались благоприятной почвой для конфликтов. Фиксировалось позитивное отношение рабочих к выборной кампании [19, с. 22]. Наблюдались отдельные антисоветские выступления среди рабочих в ходе выборов горсоветов, хотя подчеркивалось, что «отношение со стороны рабочих к антисоветским выступлениям отрицательное» [19, с. 30].

В информационной сводке отражены разные позиции бедняков, середняков и кулаков на выборах сельсоветов. Бедняки поддерживали линию на блок с середняками, а кулаки агитировали за своих кандидатов, иногда терроризировали крестьян.

Пассивность населения на выборах (Башкирия) компенсировалась большой активностью зажиточных и кулаков, которые объединялись с мусульманским духовенством, стремясь к проведению в сельсоветы своих ставленников и выступая против ограничения избирательных прав [19, с. 39, 40, 41, 44].

В феврале констатировалось: «Рост активности рабочих значительно превышает активность других слоев городского населения. Выступления на рабочих собраниях выявляют как политический, так и культурный рост рабочих масс» [19, с. 114].

В марте 1927 г. сократилось число забастовок в промышленности, но они стали более крупными. Рабочих тревожил вопрос справедливости новых коллективных договоров, сокращение штата, удлинение рабочего дня на железных дорогах, выборы советов [19, с. 236, 240, 241].

В связи с осложнением международной обстановки (кризис англо-советских отношений) в информационных сводках появился новый раздел – «Слухи о войне». Слухи о войне носили мас-

совый характер по всем районам СССР, местами вызывая усиленную закупку предметов первой необходимости (мануфактуры, соли, керосина, спичек, сахара, муки и т. п.). Под их влиянием менялось и политическое настроение. Например, наблюдались случаи выхода из комсомола и пионерских организаций [19, с. 253, 254].

В дополнение к распространению слухов о войне кулачество и антисоветские элементы вели антисоветскую агитацию в форме слухов о приходе белых, конце советской власти и угроз расправы над коммунистами [19, с. 322].

Объектом пристального внимания чекистов являлись национальные республики и автономные образования. На Урале – это Башкирская АССР. Постоянно фиксируется антагонизм между русским, татарским и башкирским населением по вопросам землепользования, а главное, в связи с политикой коренизации, привилегированным положением башкир и татар. В Башкирии также циркулируют слухи о войне, идет антисоветская агитация и агитация за крестьянские союзы [19, с. 330].

Часть середнячества Урала проявила недовольство налоговой политикой советской власти (сельхозналог 1926–1927 гг. был во много раз выше налога предыдущих лет). К этому добавились антигородские настроения середняков под влиянием антисоветской агитации кулачества. Поэтому середняки проявили склонность к антисоветским настроениям [19, с. 431–432].

Беднота, за редкими исключениями, повсеместно высказывалась за поддержку советской власти, обещая в случае войны расправиться с кулачеством, чтобы обезопасить тыл [19, с. 492].

Практически все вышеуказанные тенденции развития политических и социально-экономических массовых настроений на Урале сохраняются на протяжении 1927 г. По категории «ПН» выявлено 119 ЕВ: 110 – О, 5 – П, 4 – Н. По категории «СЭН» – 69 ЕВ: 68 – О, 1 – П. Количество ЕВ по рабочим (72) несколько меньше, чем по крестьянам (91). У рабочих преобладают СЭН (69) над ПН (3). У крестьян СЭН (9) значительно уступают ПН (74). Проявляют низкую активность антисоветские группы и партии (3), невелико количество случаев бандитизма и террора (5).

Характерными темами политических обзоров 1928 г., наряду с традиционными, стали: перезаключение коллективных договоров, переход на 7-часовой рабочий день, перебои в снабжении рабочих районов, распространение оппозиционных листовок, массовые выступления [20, с. 30].

В обзоре за январь фиксировалась неподготовленность задуманной тарифной реформы и поспешное введение укороченного рабочего дня, что вызвало у рабочих «тревожное настроение». Забастовочное движение привело к значительному росту числа участников по СССР за счет основных отраслей промышленности [20, с. 31].

Отрицательным явлением для советской власти оказалось сочувствие середняков и бедняков агитации кулаков, вызванное «извращениями линии партии низовыми совработниками»: «...применение репрессий к бедноте, составляющей главный контингент недоимщиков, к семьям красноармейцев, запугивание арестами, ..., принудительное распространение займа, избияния и угрозы». Все это создавало среди середнячества «тревожное настроение» [20, с. 32, 58].

Борьба с кулачеством была обусловлена значительным ростом антисоветской активности. Участились репрессии: за январь–февраль за контрреволюционную агитацию арестовано по СССР до 1600 человек (большинство арестов падало на Северный Кавказ, Украину, Урал и Сибирь). Кроме того, по Уральской области было предано суду свыше 11000 крестьян, осуждено 5224 [20, с. 104, 125].

Новая стадия борьбы кулачества характеризовалась «агитацией за сокращение ярового клина и против помощи бедноте и маломощному середнячеству». Утверждалось, что «на основные массы середнячества агитация за сокращение посевплощади влияния не оказывает... Данные о подготовке к посевкампании уже говорят об укреплении бедняцко-средняцкого блока на почве взаимной помощи» [20, с. 91].

В деревне одним из острых вопросов остается самообложение. В дополнение к кулакам к протестам против классового принципа самообложения присоединяется наиболее зажиточная часть середнячества [20, с. 213, 223].

В мае обостряется проблема со снабжением мукой, печеным хлебом, мясом и крупами, наиболее резко именно на Урале. Повышение спроса на печеный хлеб приводит к очередям в магазины до 1000–1400 человек. Как следует из обзора ОГПУ, «скопление в очередях значительного числа людей, простаивающих по 6–7 часов, создает благоприятную почву для деятельности уголовных и антисоветских элементов» [20, с. 259].

Обозначился продовольственный кризис в уральской деревне. Обострилось недовольство среди бедняков и маломощных слоев, вынужденных голодать (имеются случаи употребления в пищу падали, отдельные случаи голодной смерти, случаи опухания на почве недоедания и массовое употребление суррогатов). На Урале зафиксировано «значительное количество массовых выступлений крестьянства, иногда резко антисоветских. Участниками выступлений являются в большинстве случаев представители бедноты и маломощного середнячества...» [20, с. 268, 270, 329].

В июне затруднения в снабжении городского населения хлебом охватили значительную часть районов СССР и вызвали забастовочное движение

на Урале. Продолжились продовольственные затруднения и в деревне [20, с. 328].

В июле продовольственный кризис несколько смягчился, количество массовых выступлений на этой почве резко сократилось: в июне – 101, в июле – 15. Всего по СССР зарегистрировано 115 фактов террора, из них по Уралу – 11. В октябре по Уралу наблюдалось 15 случаев кулацкого террора, который был направлен преимущественно против работников низового советского аппарата [20, с. 385, 392, 529].

Один из ключевых выводов ноябрьского обзора – «...данные иллюстрируют наличие значительного обострения классовой борьбы в деревне, объактивление кулачества в этой борьбе и наличие тенденции к дальнейшему росту террора на почве разворачивания перевыборной кампании Советов» [20, с. 584].

По итогам 1928 г. в категории «ПН» насчитывается 74 ЕВ (все отрицательные), в категории «СЭН» – 145 (143 – О, 2 – П). Настроения рабочих выражены: 55 – О ЕВ, крестьян – 155 – О и 2 – П. Количество ЕВ по рабочим (55) значительно меньше, чем по крестьянам (157). У рабочих преобладают СЭН (53) над ПН (2), у крестьян СЭН (133) значительно превосходят ПН (24). Проявляют активность антисоветские группы и партии (14), увеличилось число случаев бандитизма и террора (38).

Выводы

Информационные материалы ОГПУ за 1923–1924 гг. отражают картину медленного восстановления страны после военной разрухи и бедствий голода, достаточно объективно освещают переход от продразверстки к единому сельхозналогу. Насилие в сборе продналога и репрессии продолжались до конца 1924 г. Отмечается неудовлетворительное настроение рабочих и крестьян, их отрицательное отношение к РКП (б) и советской власти. На протяжении 1925 г. – лета 1927 г. НЭП «вошел в силу», сложилось многоукладная экономика и система рыночных отношений, прекратились принудительные хлебозаготовки и налоги. Ограничивалась деятельность ОГПУ, преодолевалась «односторонность» информации сводок, предпринимались попытки понимания истинных настроений населения. Заметно проявление массового политического сознания рабочих и крестьян, которые ориентировались на решение хозяйственных проблем. Крестьянство выступало против однопартийной диктатуры и начинало борьбу за овладение местными советами, за создание крестьянских союзов. Период с осени 1927 г. по осень 1929 г. характеризуется курсом на свертывание НЭПа через нагнетание военного психоза, насильственные хлебозаготовки и переход к репрессивной системе управления. В сводках видна ориентация на политические вопросы в ущерб экономи-

ческим, преувеличивается массовость антисоветских настроений.

В связи с поставленной целью и задачами исследования мы провели анализ материалов источника и произвели количественное и качественное описание массовых настроений. Выявлено 1554 ЕВ, из которых 199 – П, 1327 – О, 28 – Н. Результаты КА отражены нами в нескольких диаграммах. Явные всплески СЭН наблюдаются в 1923, 1924, 1928 гг., ПН – в 1923, 1926, 1927 гг. Налицо преобладание СЭН над ПН (рис. 1).

Например, в категории «СЭН» за 1923 г. насчитывается 38 – П ЕВ, 130 – О и 4 – Н. Этот год стал переходным к стабилизации экономики, когда трудности послереволюционного кризиса сочетались с ожиданиями позитивных изменений. В категории «ПН» 68 – П ЕВ, 68 – О, 6 – Н, что отражает промежуточную ситуацию между кризисом и надеждой на лучшее будущее. Большинство негативных ЕВ напрямую связывают плохую экономическую ситуацию с советской властью. Количество ЕВ по рабочим (128) преобладает над крестьянами (65). У рабочих распределение ПН (34 ЕВ) и СЭН (94) в пользу последних. У крестьян СЭН (37 ЕВ) также преобладают на ПН (28) (рис. 2).

В категории «СЭН» за 1924 г. – 129 ЕВ, в категории «ПН» 79 ЕВ, все с отрицательной коннотацией.

В категории «ПН» за 1926 г. насчитывается 127 – О ЕВ, 17 – П, 4 – Н; в категории «СЭН» – 199 – О ЕВ, 2 – П. Количество ЕВ по рабочим (49) ненамного уступает крестьянам (51). У обеих социальных групп преобладают социально-экономические мотивы настроений.

По итогам 1927 г. в категории «ПН» – 119 ЕВ:

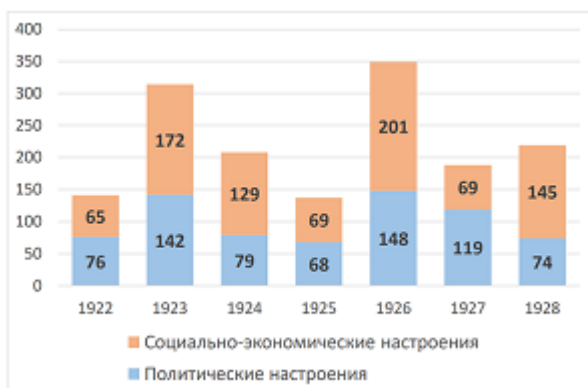

Рис. 1. Социально-экономические и политические настроения. 1922–1928

Fig. 1. The socio-economic and political mood of the population, 1922–1928

110 – О, 5 – П, 4 – Н, в категории «СЭН» – 69 ЕВ: 68 – О, 1 – П. Внимание к рабочим проявилось в 72 ЕВ, к крестьянам – в 91. Количество ЕВ по рабочим (72) меньше, чем по крестьянам (91). У рабочих СЭН (69) преобладают над ПН (3), у крестьян СЭН (9) значительно уступают ПН (74).

По итогам 1928 г. в категории «ПН» насчитывается 74 ЕВ (все отрицательные). По категории «СЭН» – 145 (143 – О, 2 – П). Настроения рабочих выражены в 55 – О ЕВ, крестьян – в 155 – О, 2 – П. Количество ЕВ по рабочим (55) значительно меньше, чем по крестьянам (157). У рабочих преобладают СЭН (53) над ПН (2), у крестьян СЭН (133) значительно превосходят ПН (24).

Нами выявлена коннотация массовых настроений в целом (рис. 3), рабочих и крестьян (рис. 4).

Материалы сводок позволили нам отследить настроения различных социально-политических групп населения: крестьян, рабочих, красноармейцев, советских служащих, интеллигенции, духовенства, учащихся, антисоветских партий и групп (рис. 5). Кроме того, представлено распределение ЕВ по регионам Урала (рис. 6).

Проведенное исследование – первая попытка изучения массовых настроений населения всего Уральского региона в рамках «нэповского» периода. Мы изучили материалы в высшей степени информативного источника, провели его анализ помощью метода, позволяющего сделать объективные выводы. Дальнейшая перспектива решения сложной дискуссионной проблемы состоит в комплексном анализе различного вида источников коллективными усилиями ученых в рамках междисциплинарного подхода.

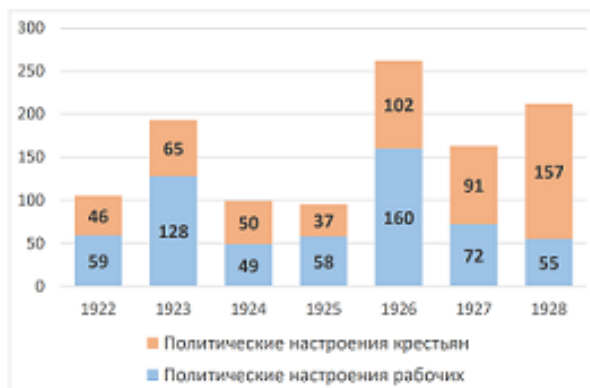

Рис. 2. Социально-экономические и политические настроения крестьян и рабочих. 1922–1928

Fig. 2. The socio-economic and political mood of peasants and workers, 1922–1928

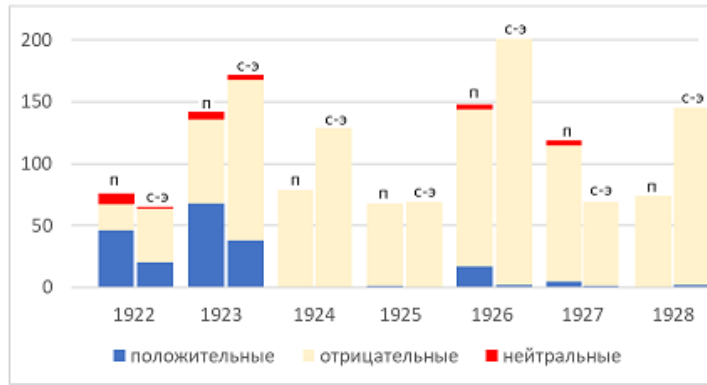

Рис. 3. Коннотация политических и социально-экономических настроений. 1922–1928
Fig. 3. The valence of political and socio-economic sentiments, 1922–1928

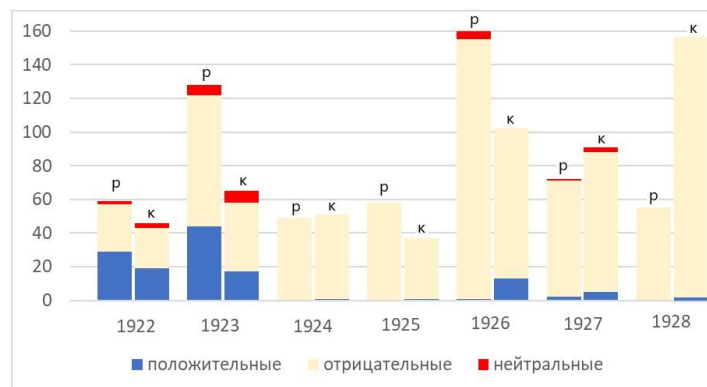

Рис. 4. Коннотация политических настроений рабочих и крестьян. 1922–1928
Fig. 4. The valence of the political sentiments of workers and peasants, 1922–1928

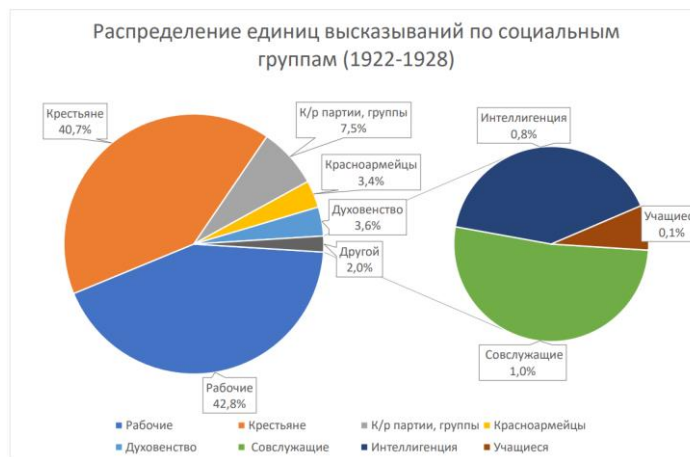

Рис. 5. Распределение единиц высказываний по социальным группам. 1922–1928
Fig. 5. The distribution of units of utterances across social groups, 1922–1928

Рис. 6. Распределение единиц высказываний по регионам Урала. 1922–1928*
Fig. 6. The distribution of units of utterances across the regions of the Urals, 1922–1928

* Примечание: диаграммы составлены канд. ист. наук, доцентом РГППУ С. Л. Разинковым

Литература

1. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) : сборник документов : в 10 т. / Ин-т рос. истории РАН, Центр. архив ФСБ РФ, Науч. совет РАН «История международных отношений и внешней политики России», Науч. совет РАН по истории соц. реформ, движений и революций, Комис. историков России и Финляндии, АН Финляндии, Фонд Дом наук о человеке (Франция) ; отв. ред. А. Н. Сахаров, В. С. Христофоров. – М. : ИРИ РАН, 2001–2017.
2. Орлов, И. Б. НЭП: современные дискуссии и перспективы изучения / И. Б. Орлов // Российская государственность: опыт 1150-летней истории : материалы международной научной конференции. – М. : ИРИ РАН, 2013. – С. 387–395. – URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/ folder/qgm3lpwi7j/direct/117829461.pdf> (дата обращения: 20.02.2024).
3. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД, 1918–1939 : документы и материалы : в 4 т. Т. 2. 1923–1929 / под ред. А. Береловича, В. Данилова. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. – 1168 с.
4. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939 : документы и материалы : в 5 т. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929 ; под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. – М. : Российская политическая энциклопедия, 1999. – 880 с.
5. Фельдман, М. А. Культурный уровень и политические настроения рабочих крупной промышленности Урала в годы НЭПа / М. А. Фельдман. – Отечественная история. – 2003. – № 5. – С. 20–30.
6. Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985 : документы и материалы : в 6 т. Свердловская область. Т. 2. 1942–1985 ; гл. ред. академик РАН В. В. Алексеев ; сост. Е. Ю. Баранов, Е. В. Вертилецкая, С. В. Воробьев и др. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2006. – 776 с.
7. Ильиных, И. В. Взаимоотношения власти и городского населения Урала в ходе мобилизационных кампаний 1928–1932 гг. : дис. ... канд. ист. наук / И. В. Ильиных. – Нижний Тагил, 2007. – 288 с.
8. Воробьев, С. В. Власть и общественные настроения на Урале в начальный период НЭПа (по информационным сводкам ВЧК–ОГПУ) / С. В. Воробьев // Документ. Архив. История. Современность. – Вып. 9. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. – С. 148–154.
9. Сухарев, А. А. Власть и общество зауральского города в условиях НЭПа: 1921–1929 годы (на материалах Тюмени) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. А. Сухарев. – Тюмень, 2014. – 26 с.
10. Каплюков, В. В. Южный Урал 1920-х годов в информационных сводках ОГПУ / В. В. Каплюков, Е. И. Яркова // Урал индустриальный. Бакунские чтения. Индустриальная модернизация России в XVIII–XXI вв. : материалы XIII Всероссийской научной конференции : в 2 т. – Екатеринбург : УрО РАН, 2018. – Т. 1. – С. 355–369.
11. Филатов, В. В. Протестное движение сельских жителей Уральской области во второй половине 1920-х годов / В. В. Филатов, А. В. Томагов. – Тамбов : Грамота, 2019. – Т. 12, Вып. 6. – С. 81–84.
12. Курьшев, И. В. Источники о социально-политических настроениях крестьянства Ишимского округа Уральской области в 1925–1927 гг. По материалам сводок окружного отдела ОГПУ / И. В. Курьшев, А. А. Любимов // Вестник архивиста. – 2021. – № 2. – С. 418–427.
13. Политическая психология : словарь-справочник. – URL: https://political_psychology.academic.ru (дата обращения: 20.02.2024).
14. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) : сборник документов : в 10 т. Т. 1 : в 2 ч. 1922–1923 гг. Ч. 1. 1922 г. – М. : ИРИ РАН, 2001. – 500 с.
15. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) : сборник документов : в 10 т. Т. 1 : в 2 ч. 1922–1923 гг. Ч. 2. 1923 г. – М., 2001. – 630 с.
16. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) : сборник документов : в 10 т. Т. 2. 1924 г. – М., 2001. – 516 с.
17. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) : сборник документов : в 10 т. Т. 3 : в 2 ч. 1925 г. Ч. 1. – М., 2001. – 502 с.
18. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) : сборник документов : в 10 т. Т. 4 : в 2 ч. 1926 г. Ч. 1. – М., 2001. – 710 с.
19. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) : сборник документов : в 10 т. Т. 5. 1927 г. – М., 2003. – 804 с.
20. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) : сборник документов : в 10 т. Т. 6. 1928 г. – М., 2002. – 804 с.

Кириллов Виктор Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических наук, Российский государственный профессионально-педагогический университет (филиал) (Нижний Тагил), e-mail: history_vmk@mail.ru. ORCID 0000-0002-6878-2171

Поступила в редакцию 17 июня 2024 г.

MASS SENTIMENT IN THE URALS DURING THE NEP YEARS (1922–1928)

V. M. Kirillov

Russian State Vocational Pedagogical University (Branch), Nizhny Tagil, Russian Federation

The study of mass sentiment is relevant to understand the mentality of different social strata in the post-revolutionary period. The sentiments of the population of the Ural region during the NEP period has not received a comprehensive historiographical investigation to date. Recently published sources from the 1920s allows us to obtain new results in its study. This paper studies the political and socio-economic sentiments of workers, peasants, Red Army soldiers, civil servants, intellectuals, clergymen, students, and representatives of anti-Soviet parties and groups of the Urals in the period 1922–1928. The source of the study is OGPU information materials published from 2001 to 2017. The interdisciplinary concept of a new social history is the theoretical basis of the work. Due to the formalization of the source materials, content analysis was applied. The results are a quantitative and qualitative description of the mass sentiments of eight social groups. Of the 1,554 utterances were identified, 199 were positive, 1,327 were negative, and 28 were neutral. Changes in sentiment over the years is shown, the predominance of socio-economic moods (859 units) over political ones (404) is established.

Keywords: OGPU documents, mass sentiments, political sentiments, socio-economic sentiments, socio-political groups, content analysis, categories of analysis, units of statements.

References

1. «Sovershenno sekretno»: Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.) [“Top Secret”: Lubyanka to Stalin on the Situation in the Country (1922–1934)]: sbornik dokumentov: v 10 t. / In-t ros. istorii RAN, Centr. arhiv FSB RF, Nauch. sovet RAN «Istoriya mezhdunarodnyh otnoshenij i vneshnej politiki Rossii», Nauch. sovet RAN po istorii soc. reform, dvizhenij i revolyucij, Komis. istorikov Rossii i Finlyandii, AN Finlyandii, Fond Dom nauk o cheloveke (Franciya); otv. red. A.N. Saharov, V.S. Hristoforov. M.: IRI RAN, 2001–2017.
2. Orlov I.B. NEP: sovremennye diskussii i perspektivy izucheniya [NEP: Modern Discussions and Prospects for Studying] // *Rossijskaya gosudarstvennost: opyt 1150-letnej istorii: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. M.: IRI RAN, 2013. S. 387–395. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/qgm3lpwi7j/direct/117829461.pdf> (data obrasheniya: 20.02.2024).
3. Sovetskaya derevnya glazami VChK–OGPU–NKVD. 1918–1939 [Soviet Village through the Eyes of the Cheka–OGPU–NKVD. 1918–1939]: do-kumenty i materialy: v 4 t. T. 2. 1923–1929; pod red. A. Berelovicha, V. Danilova. M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2000. 1168 s.
4. Tragediya sovetsoj derevni. Kollektivizaciya i raskulachivanie. 1927–1939 [The Tragedy of the Soviet Village. Collectivization and Dispossession. 1927–1939]: dokumenty i materialy: v 5 t. T. 1 Maj 1927 – noyabr 1929; pod red. V. Danilova, R. Manning, L. Violy. M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya, 1999. 880 s.
5. Feldman M.A. Kulturnyj uroven i politicheskie nastroyeniya rabochih krupnoj promyshlennosti Urala v gody NEPa [The Cultural Level and Political Sentiments of Workers in Large-Scale Industry in the Urals during the NEP] // *Otechestvennaya istoriya*. 2003. № 5. S. 20–30.
6. Obshestvo i vlast. Rossijskaya provinciya. 1917–1985 [Society and power. Russian province. 1917–1985]: dokumenty i materialy: v 6 t. Sverdlovskaya oblast. T. 2. 1942–1985; gl. red. akademik RAN V.V. Alekseev, sost. E.Y. Baranov, E.V. Vertileckaya, S.V. Vorobev i dr. Ekaterinburg: Bank kulturnoj informacii, 2006. 776 s.
7. Ilinykh I.V. Vzaimootnosheniya vlasti i gorodskogo naseleniya Urala v hode mobilizacionnyh kampanij 1928–1932 gg. [Relationships between the Authorities and the Urban Population of the Urals during the Mobilization Campaigns of 1928–1932]: dis. ... kand. ist. nauk. Nizhny Tagil, 2007. 288 s.
8. Vorobev S.V. Vlast i obshestvennye nastroyeniya na Urale v nachalnyj period NEPa (po informacionnym svodkam VChK–OGPU) [Power and Public Sentiment in the Urals in the Initial Period of the NEP (according to Information Reports from the Cheka–OGPU)] // *Dokument. Arhiv. Istoriya. Sovremennost*. Vyp. 9. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2008. S. 148–154.
9. Suharev A.A. Vlast i obshestvo zauralskogo goroda v usloviyah NEPa: 1921–1929 gody (na materialah Tyumeni) [Power and Society of a Trans-Ural City under the NEP: 1921–1929 (based on Materials from Tyumen)]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Tyumen, 2014. 26 s.

10. Kaplyukov V.V., Yarkova E.I. Yuzhnyj Ural 1920-h godov v informacionnyh svodkah OGPU [Southern Urals of the 1920s in information reports of the OGPU] // *Ural industrialnyj. Bakuninskie chteniya. Industrialnaya modernizaciya Rossii v XVIII–XXI vv.: materialy XIII Vserossijskoj nauchnoj konferencii*: v 2 t. Ekaterinburg: UrO RAN, 2018. T. 1. S. 355–369.
11. Filatov V.V., Tomarov A.V. Protestnoe dvizhenie selskih zhitelej Uralskoj oblasti vo vtoroj polovine 1920-h godov [Protest Movement of Rural Residents of the Ural Region in the Second Half of the 1920s]. Tambov: Gramota, 2019. T. 12. Vyp. 6. C. 81–84.
12. Kuryshev I.V., Lyubimov, A. A. Istochniki o socialno-politicheskikh nastroeniyah krestyanstva Ishimskogo okruga Uralskoj oblasti v 1925–1927 gg. Po materialam svodok okružhnogo otdela OGPU [Sources on the Socio-Political Sentiments of the Peasantry of the Ishim District of the Ural Region in 1925–1927. Based on Reports from the District Department of the OGPU] // *Vestnik arhivista*. 2021. № 2. S. 418–427.
13. Politicheskaya psikhologiya [Political Psychology]: slovar'-spravochnik. URL: https://political_psychology.academic.ru (data obrashcheniya: 20.02.2024).
14. «Sovershenno sekretno»: Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.) [“Top Secret”: Lubyanka to Stalin on the Situation in the Country (1922–1934)]: sbornik dokumentov: v 10 t. T. 1: v 2 ch. 1922–1923 gg. Ch. 1. 1922 g.]. M.: IRI RAN, 2001. 500 s.
15. «Sovershenno sekretno»: Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.) [“Top Secret”: Lubyanka to Stalin on the Situation in the Country (1922–1934)]: sbornik dokumentov: v 10 t. T. 1: v 2 ch. 1922–1923 gg. Ch. 2. 1923 g. M., 2001. 630 s.
16. «Sovershenno sekretno»: Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.) [“Top Secret”: Lubyanka to Stalin on the Situation in the Country (1922–1934)]: sbornik dokumentov: v 10 t. T. 2. 1924 g. M., 2001. 516 s.
17. «Sovershenno sekretno»: Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.) [“Top Secret”: Lubyanka to Stalin on the Situation in the Country (1922–1934)]: sbornik dokumentov: v 10 t. T. 3: v 2 ch. 1925 g. Ch. 1. M., 2001. 502 s.
18. «Sovershenno sekretno»: Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.) [“Top Secret”: Lubyanka to Stalin on the Situation in the Country (1922–1934)]: sbornik dokumentov: v 10 t. T. 4: v 2 ch. 1926 g. Ch. 1. M., 2001. 710 s.
19. «Sovershenno sekretno»: Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.) [“Top Secret”: Lubyanka to Stalin on the Situation in the Country (1922–1934)]: sbornik dokumentov: v 10 t. T. 5. 1927 g. M., 2003. 804 s.
20. «Sovershenno sekretno»: Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.) [“Top Secret”: Lubyanka to Stalin on the Situation in the Country (1922–1934)]: sbornik dokumentov: v 10 t. T. 6. 1928 g. M., 2002. 804 s.

Viktor M. Kirillov – D. Sc. (History), Professor of the Department of Humanities and Social and Economic Sciences, Russian State Vocational Pedagogical University (Branch) (Nizhny Tagil), e-mail: history_vmk@mail.ru

Received June 17, 2024

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Кириллов, В. М. Массовые настроения на Урале в годы НЭПа (1922–1928) / В. М. Кириллов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2024. – Т. 24, № 3. – С. 27–36. DOI: 10.14529/ssh240303

FOR CITATION

Kirillov V. M. Mass sentiment in the Urals during the NEP years (1922–1928). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2024, vol. 24, no. 3, pp. 27–36. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh240303

ЕСТЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО УРАЛА И ЗАУРАЛЬЯ В 1933 ГОДУ

Н. Н. Назаренко^{1,2}, Н. В. Коршунова¹

¹Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск, Российская Федерация

²Южно-Уральский государственный медицинский университет, г. Челябинск, Российская Федерация

В статье рассмотрена историография проблемы голода 1932–1933 гг. и проведена оценка естественного движения населения в этот период на Южном Урале (Республика Башкортостан, Челябинская, Курганская и Оренбургская области). Установлено, что неполнота учета и охвата населения была сравнительно невысокой. Проведен порайонный анализ естественного движения населения Южного Урала, проанализирована динамика рождаемости, смертности и естественного прироста населения в пик голода 1933 г. Показано, что мнение о демографической катастрофе в селах Южного Урала, а также о намеренном уничтожении сельского населения голодом не подтверждается данными демографической статистики. В селах Южного Урала было снижение естественного прироста населения, но без демографического кризиса, а повышение смертности в подавляющем большинстве районов было скомпенсировано высокой рождаемостью. Очаги естественной убыли населения были преимущественно в крупных промышленных центрах. Демографическая катастрофа была в городах Южного Урала (естественная убыль около 26,1 тыс. чел. или 2 % городского населения). Динамика смертности не всегда объясняется голодом, и во многом рост смертности может определяться эпидемическими инфекциями, привезенными трудовыми мигрантами и депортированными. Оценка потерь от голода 1932–1933 гг. на Южном Урале усложнена отсутствием демографических рядов по Челябинской, Курганской и Оренбургской областям до 1934 г.

Ключевые слова: голод 1932–1933 гг.; рождаемость; смертность; естественное движение населения; демографические потери; Южный Урал; Башкирия, Челябинская, Курганская, Оренбургская области.

Введение

К Южному Уралу обычно относят южные хребты Уральских гор, их предгорий и примыкающую равнину, входящие в Оренбургскую и Челябинскую области и Республику Башкирия. В 1933 г. Челябинская область входила в состав Уральской области, а Оренбургская – в Средне-Волжский край. Границы Башкирии и выделенной в 1934 г. Челябинской области претерпели с того времени значительные изменения. Это и обусловило особенности изучения демографии Южного Урала 1930-х гг., которая рассматривалась представителями разных школ на фоне проблемы данных демографической статистики и построения по регионам непрерывных демографических рядов.

В работах использовались доступные сводные данные исходя из административно-территориального устройства рассматриваемого периода, разделенные на несколько групп [1, с. 744–747], например, конъюнктурные оценки на основе ежемесячных отчетов и годовые разработки по результатам годовых отчетов. Последние регулярно пересчитывались и уточнялись при административных переустройствах и в связи с переписями 1937 и 1939 гг. Также использовались данные из докладных записок и сообщений местного партийного, советского и хозяйственного руководства, сводок правоохранительных и контролирующих органов и органов госбезопасности. Эти данные, ука-

зывая на ситуацию в конкретное время в конкретном месте (колхоз, сельсовет, район), могут рассматриваться как характеризующие с одной, чаще негативной, стороны, и не дают возможности сравнения и количественной оценки и обобщения числа пострадавших или умерших.

Соответственно, в историографии по демографии, интенсивности и географии голода 1932–1933 гг. на Южном Урале имеются разночтения.

Обзор литературы

Южный Урал в монографии «Население России в XX веке» указан как регион «голодомора» [2, с. 266] с высокой смертностью от голода в Челябинской области [2, с. 268]. Г. Е. Корнилов определяет 1932–1933 гг. как демографическую катастрофу на Урале [3, с. 492], но пишет о «голодовке», вызванной уменьшением количества и ухудшением качества пищи [4, с. 67–68]. Как территорию голода Р. Дэвис и С. Уиткрофт рассматривают Средне-Волжский край (куда входило Оренбуржье) и Башкирию, а для Урала указывают на проблемы с продовольствием [5, с. 417]. Г. Кесслер рассматривает Урал как территорию за пределами очага голода [6].

М. Н. Денисевич очагом в пик голода 1933 г. полагает южные районы Башкирии, «Челябинский и Оренбургский округа» [7, с. 58], В. Б. Жиромская – часть Челябинской и современную Курганскую область [8, с. 651], Г. Е. Корнилов – южные

и юго-восточные хлебопроизводящие районы Урала [3, с. 494] и сельскохозяйственные районы Центрального и Южного Зауралья [4, с. 69]. Е. Ю. Баранов включает в очаг и Башкирию [9, с. 158, 160; 10], а А. И. Ажигулова указывает Оренбургскую и Челябинскую области [11, с. 383–386].

В подавляющем большинстве публикаций указаны такие районы, где в 1933 г. документально отмечались проблемы с продовольствием, голодные смерти или голодные проявления:

– Башкирия: Мелеузовский, Мраковский (ныне не существует), Хайбуллинский, Стерлитамакский, Дуван-Мечетлинский, Белебеевский, Карагушевский (ныне Стерлибашевский), Давлекановский, Карадельский, Белокатайский, Зианчуринский и Аргаяшский и Кунашакский районы, вошедшие позднее в Челябинскую область [7, с. 58; 12, с. 119; 13, с. 233; 14, с. 279; 15, с. 564–568];

– Челябинская область: Челябинский, Троицкий, Багарякский (ныне не существует, частично в составе Свердловской области), Бродокалмакский (не существует), Брединский, Уфалейский, Варненский и вошедшие позднее в Курганскую область – Усть-Уйский, Шадринский, Ольховский (ныне не существует) и Ялано-Катайский (ныне не существует) [4, с. 68; 7, с. 58–59; 9, с. 159; 10; 13, с. 231, 277; 16, с. 662–663; 17, с. 221–222; 18, с. 185–186, 193].

Это более десятка районов по каждому региону, но картографическое представление случаев [6, р. 257] и рождаемости, и смертности по районам [19, с. 13] указывает на локальные очаги, а не на сплошной ареал катастрофы.

Е. М. Андреев с соавторами указывает на отрицательный естественный прирост населения в 1933 г. в Челябинской области (без указания в каких границах) [20, с. 47]. Е. А. Осокина приводит данные Центрального управления народнохозяйственного учета (ЦУНХУ) СССР по Башкирии и Уральской области, где естественная убыль населения в 1933 г. была в городах, а на селе был естественный прирост [21, с. 19–20]. По данным Р. Дэвиса и С. Уиткрофта, в Башкирии в 1932–1933 гг. рождаемость превышала смертность, по Уралу показатели сопоставимы с данными Е. Н. Осокиной [22]. С. Уиткрофт пишет, что смертность в Башкирии в 1933 г. была на уровне севера РСФСР вне ареала голода [1, с. 752]. Естественная убыль городского и прирост сельского населения в 1933 г. в Челябинской области приведены в приложении к статье В. Б. Жиромской [8, с. 665–666]. Это прямо противоречит мнению о демографическом кризисе на селе на Южном Урале.

Уральские историки приводят данные естественного движения населения в 1932–1933 гг. по Уральской области и Башкирии [3, с. 495; 9, с. 159–160; 10; 17, с. 222–224; 18, с. 257–258]. Естественную убыль населения в селах Челябинской области с мая по август 1933 г. отмечает А. И. Ажи-

гулова [23, с. 96–98, 126–130], на это же и на сокращение численности сельского населения в 1933 г. указывает Е. Ю. Баранов [17, с. 223, 225]. Однако используемые в этих работах показатели за 1933 г. – доисчисленные по неполным конъюнктурным данным, что указано в примечании к таблице [24, л. 15]. При этом не всегда указывается размерность данных, имеются ошибки в указании архива и источников.

Опубликованы порайонные и обобщенные данные естественного движения населения Башкирии [19] и оценки рождаемости и смертности населения территории современной Оренбургской области [25]. Однако они требуют сопоставления с другими районами Южного Урала и Зауралья.

Оценки потерь населения базируются на сводной демографической статистике по Уралу в целом. Р. Дэвис и С. Уиткрофт «избыточную» смертность за 1932–1933 гг. оценивают в сравнении со средней за 1927–29 гг. как 19878 человек [22]. С. А. Нефедов – в сравнении со средней смертностью 1930–31 гг. на основе тех же данных как 41 тыс. человек (0,6 % населения) [26, с. 269–270]. Е. Г. Корнилов определяет их в более чем 100 тыс. человек без указания методики оценки [3, с. 495; 4, с. 69]. Около 300 тыс. человеческих потерь для Поволжья и Южного Урала приводит В. В. Кондрашин [27, с. 324–325], однако из южноуральских регионов фактически рассмотрено только Оренбуржье, входившее в 1933 г. в Средне-Волжский край.

Историки и демографы из Института демографии Национальной академии наук Украины им. М. В. Птухи и США предлагают оценки демографических потерь по «субрегионам» [28, р. 8]. «Ural oblast» отнесена к третьей группе «потерь» от голода за 1932–1934 гг. (35,2 на 1000 населения), а Bashkortostan ASSR – к четвертой (12,9) [28, р. 6–7]. Однако число «избыточно» умерших за три года (1932–1934 гг.) отнесено к «среднегодовой» численности населения за 1933 г. [28, р. 5]. В демографии же корректно относить годовые величины, соответственно, относительные «потери» искусственно завышены. Не указано, как восстанавливали демографические ряды на Урале после 1934 г., когда часть восточных районов вошла в Омскую область, выделенную из Западно-Сибирского края (на карте он в границах 1933 г.), и учитывали ли передачу районов из Башкирии в Челябинскую область (на карте анклав есть). В связи с этим рассчитанные «потери» выглядят неадекватно.

В. Б. Жиромская рассчитывает потери сельского населения Челябинской области (в каких границах не указано) между переписями 1926 и 1937 гг. в 27,7 % [8, с. 652], а убыль населения в 1933 г. указывается в 5 % [8, с. 653] (также не указано, в каких границах). Как эти данные соотносятся между собой и с естественным приро-

стом на селе в Челябинской области, приведенным в приложении к статье [8, с. 665–666], не обсуждается.

Рассматривается снижение численности сельского населения Оренбургской области с 1933 г. по 1936 г. на 8,4 % [11, с. 388; 29, с. 107; 30, с. 95], его доли между переписями 1926 и 1939 гг. на 8,5 %, и невысокий его прирост (0,8 %) [29, с. 106]. Также сравнивается численность населения регионов Южного Урала между переписями 1926 и 1939 гг. без выделения сельского населения [11, с. 387]. Но исходя из данных численность населения на селе уменьшилась только в Челябинской области, что может объясняться «отпадением» восточных, не урбанизированных районов после изменения границ и активной миграцией в города при индустриализации. Последняя причина отмечена [29, с. 106], вероятно, она и была главной, поскольку статистические данные указывают на положительный естественный прирост на селе в Оренбуржье в 1933 г. [25, с. 184].

По Башкирии прямые потери от превышения смертности в 1933 г. оцениваются как 19,5 тыс. человек, а от снижения рождаемости в 1933–34 гг. – 50 тыс. человек, хотя и оговаривается, что сюда могут входить потери, не связанные с голодом [19].

Отдельной оценки требует демография городского населения Южного Урала. Г. Е. Корнилов пишет, что к началу 1930-х годов изменился удельный вес детородного населения – в этот возраст вошла малочисленная из-за Первой мировой и Гражданской войн молодая возрастная группа, а более многочисленная старшая вышла из него [31, с. 126]. Поэтому рождаемость падала и росла смертность, что совпало с голодовкой и эпидемиями начала 1930-х и обусловило естественную убыль населения в городах, которая с 1930 г. была в г. Челябинске, а с 1931 г. – и в Магнитогорске [31, с. 127–128].

Динамика возрастных групп может объяснять данные Н. Н. Макаровой, указывающей на пик смертности в Магнитогорске в 1930 г., после чего смертность стала падать, а естественная убыль населения города в 1933 г. связана с резким падением рождаемости [32, с. 97]. Размерность коэффициентов не приведена, они корректны в промилле. Катастрофическая ситуация объясняется ужасающими бытовыми условиями, плохим медицинским обслуживанием, перебоями в продовольственном снабжении и эпидемиями инфекционных болезней, пик которых был в 1932–1933 гг. Указан «латентный голод» в Магнитогорске [32, с. 98], но в анализе причин нет упоминания о голоде или заболеваниях, вызываемых недоеданием [32, с. 99].

В. А. Журавлева приводит данные естественной убыли населения гг. Челябинска, Магнитогорска и Златоуста в 1933 г. [33, с. 34], эпидемии тифа в 1932–1933 гг. в городах Южного Урала [34, с. 13], голодания рабочих в поселках Аше, Миньяре и Симе (Челябинская область) и заболевания

цингой в Магнитогорске [35, с. 1866] из-за перебоев в продовольственном снабжении и проблем постановки на рабочее снабжение. Катастрофическая ситуация определялась болезнями, вызванными факторами внешней среды, усугубленными проблемами продовольственного снабжения из-за резкого роста городского населения [35, с. 1869], ужасными бытовыми условиями, антисанитарией, а также особенностями быта национальных групп населения, приводивших к антисанитарии и вспышкам заболеваемости, и потоком спецпереселенцев, «привозивших» в города инфекционные болезни [36, с. 352]. При этом «удельный вес» смертей от «неполноты питания» в Магнитогорске составлял 2 % [34, с. 13].

Для городов Башкирии естественная убыль населения в 1933 г. определяется г. Уфой, в том числе приводится число умерших неместных лиц. «Избыточная» смертность городского населения оценивается в 2,5 тыс. чел., но указывается, что она может быть обусловлена не голодом [19, с. 11].

По городам Оренбургской области представлены только обобщенные данные с естественной убылью более 8 тыс. человек и более 3 тыс. умерших в городах мигрантов [25, с. 184].

Таким образом, вопрос естественного движения населения на Южном Урале рассмотрен в первом приближении на уровне отдельных административно-территориальных единиц 1933–1934 гг., часто по предварительным оценочным данным ЦУНХУ СССР, которые вызывают вопросы.

Приводимые в исследованиях одни и те же факты и данные по одним и тем же районам переходят из публикации в публикацию и экстраполируются на всю территорию Южного Урала. Сами данные указывают не на сплошную голодную катастрофу на Южном Урале (используется термин «голодовка»), а на отдельные локальные голодания и смерти в отдельных районах. Вопрос региональной оценки естественного движения населения Южного Урала в период голода 1932–1933 гг. и региональной специфики рождаемости и смертности в историографии рассмотрен фрагментарно. Предлагаемые оценки потерь населения характеризуются разночтениями и вызывают вопросы о методике и сомнения в объективности.

Практически во всех исследованиях 1933 г. указывается как наиболее катастрофический, в связи с этим задачей данной работы является сравнительная оценка региональных особенностей естественного движения населения Южного Урала и Зауралья в 1933 г.

Методы исследования

В исследовании использованы общенаучные методы историзма, научного сравнения, анализа, синтеза и типологизации, демографо-статистические методы и методы геоинформационного картографирования [37] с оценкой демографических показателей, принятых по Башкирии [19, с. 10, 13].

Источниковой базой исследования являлись отчеты по форме 1-а из фонда ЦУНХУ СССР Российского государственного архива экономики (РГАЭ), содержащие порайонные итоги годовой разработки отчетов загсов о естественном движении населения по городам и сельской местности Башкирской АССР [38, л. 91–92], Челябинской области (отчет был в 1934 г.) [38, л. 84–87 об] и Средне-Волжского края [39, л. 45–46 об].

Отчеты – промежуточное звено статистической документации между книгами учета, которые велись в загсах при местных советах, отчетами загсов и сводными данными ЦУНХУ СССР. В формах указаны число рожденных и умерших, количество загсов и присланных отчетов (загомесяцев), среднегодовые численности обслуживаемого населения и населения, попавшего в отчеты. Отдельно учтены родившиеся от родителей, не являющихся постоянными жителями области (края, республики), и такие же умершие граждане. Данные позволяют проводить порайонную корректировку недоучета рождений и смертей, исходя из обслуживаемого и фактически отчетного населения, и учитывать рождения и смерти мигрантов и неизвестных лиц.

Полнота учета оценивалась как отношение численности населения, попавшего в годовые разработки, и всего обслуживаемого загсами населения. Недоучет – разница между единицей (полный учет) и полнотой учета. Количество рожденных и умерших корректировалось по районам – прибавлялись «недоучтенные» родившиеся и умершие как произведение величины недоучета и обслуживаемого населения. Для проверки сопоставлялись рождаемость и смертность на 1000 населения по фактическим данным и по результатам оценки. По Башкирской АССР учтена оценка родившихся и умерших в Баймакском районе [19, с. 11].

Результаты и дискуссия

Картографическое представление данных позволяет сопоставлять районы из отчетов с современным административно-территориальным устройством, что дает оценку в административных границах, близких современным (точная оценка возможна после анализа первичных данных пограничных сельсоветов по административным границам) (табл.).

В регионах Южного Урала в 1933 г. на селе была высокая рождаемость (табл.), которая превышала среднюю сельскую рождаемость европейской части РСФСР (31,2 на 1000 населения) [39, л. 9], самой высокой она была в Оренбуржье, которое включается в Поволжский очаг демографической катастрофы [27]. Такая высокая рождаемость считается «удивительной» с возможным искажением данных [1, с. 755], однако высокая величина скорее указывает на благополучный предыдущий 1932 г., зачатия в котором дали высокую рождаемость в следующем 1933 г.

Порайонная рождаемость (рис. 1) показывает,

что на Южном Урале были отдельные районы с низкой рождаемостью, но в большинстве районов рождаемость выше, чем сельская средневропейская в РСФСР. В распределении районов с рождаемостью ниже средней нет зональности, по-видимому, это была местная специфика, требующая оценки по местным данным. Таким образом, величины рождаемости в южноуральских селах в 1933 г. не показывают какую-либо демографическую катастрофу или кризис.

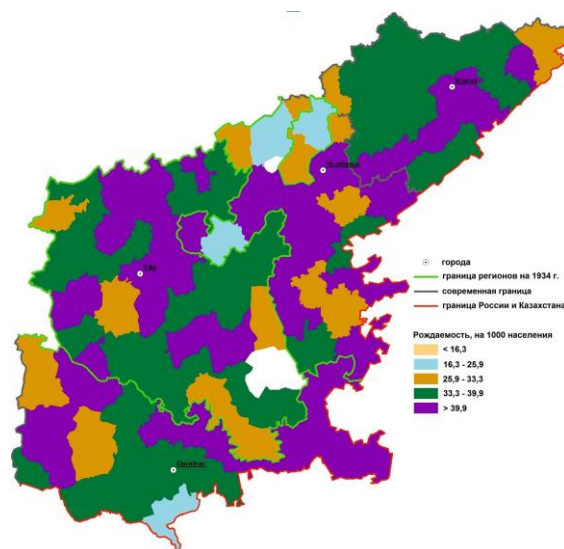

Рис. 1. Рождаемость сельского населения Южного Урала и Зауралья в 1933 г.

Fig. 1. The birth rate of the rural population of the Southern Urals and Trans-Urals in 1933

Величины смертности зональные (табл.). Смертность в башкирских селах значительно ниже средней смертности на селе в европейской части РСФСР (32,3 на 1000) [39, л. 9]. В селах территории современных Челябинской и Курганской областей она незначительно превышала это значение, и еще несколько выше она была в селах современного Оренбуржья. Величины смертности также не подтверждают мнение о демографической катастрофе на селе Южного Урала. Это видно и при порайонном анализе (рис. 2) – в около 40 % районов территории современной Курганской области и на юге современной Челябинской области смертность была ниже средней по РСФСР, а подавляющее большинство южноуральских районов попадает в разряд средней смертности европейской части РСФСР.

В 13 из 21 района территории современной Курганской области на селе в 1933 г. было превышение над средней смертностью по РСФСР, однако оно незначительное, только в двух смертность высокая – Ялано-Катайском (ныне Альменевский и Сафакулевский муниципальные округа) (50,6 на 1000) и Далматовском (47,0).

Районов со смертностью на селе выше средней по РСФСР в границах современной Челябин-

ской области 10 из 23 (в основном у г. Челябинска) (рис. 2). Высочайшая смертность была в селах Копейского района (ныне городской округ) – 98,8 (в районе активно развивалась добыча каменного угля), Саткинском (55,1, очень высокая рождаемость, компенсировала смертность), Челябинском (51,4, промышленно развивающийся областной с 1934 г. центр), Миньярском (ныне Ашинский) (45,0), Бродокалмакском (41,8) и Кыштымском (41,0) районах. Это районы не аграрные, а связанные с промышленностью.

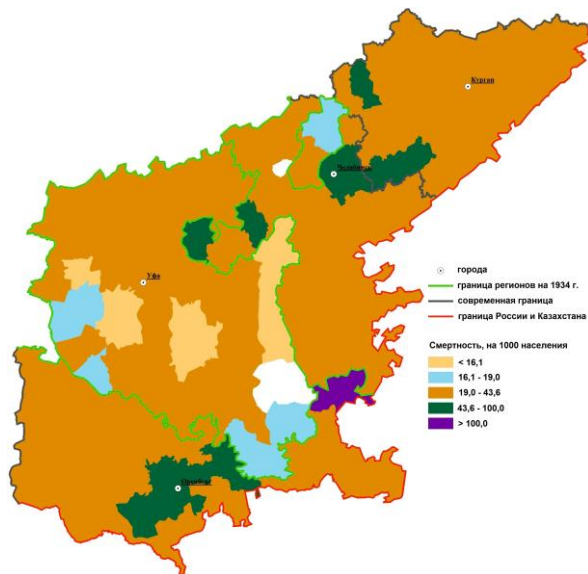

Рис. 2. Смертность сельского населения Южного Урала и Зауралья в 1933 г.
Fig. 2. The mortality of the rural population of the Southern Urals and Trans-Urals in 1933

В Башкирии только три района с самой высокой смертностью – Бирский (38,7), Мечетлинский (37,4) и Карманскалинский (35,9), но превышение смертности над сельской среднеевропейской РСФСР небольшое.

На территории Оренбуржья определяется участок очень высокой смертности на селе у г. Оренбурга и катастрофической смертности на крайнем востоке (Кваркенский район). При этом в большей части этих районов также отмечалась и высокая рождаемость. Районы высокой смертности локальные и не образуют сплошной ареал.

Естественный прирост на селе Южного Урала был положительный (табл.), а территория – практически сплошной ареал положительного естественного прироста (рис. 3) с локальными участками естественной убыли населения.

Районы с естественной убылью населения: Челябинская область – Копейский (-20,6 на 1000 населения), Кыштымский (-20,5), Бродокалмакский (-15,6), Уфалейский (-5,9), Челябинский (-5,8), Багарякский (-4,6), Катавский (-3,9), Миньярский (-3,3); Курганская – Далматовский (-11,7), Катайский (-5,4), Шумихинский (-2,2), Ольховский

(-0,9), Звериноголовский (-0,6) и Ялано-Катайский (-0,2). Почти все они расположены в «треугольнике» железнодорожных веток: Уфа – Челябинск – Шумиха – Курган; Челябинск – Кыштым – Свердловск; Курган – Шадринск – Свердловск. В. В. Кондрашин увязывает районы высокой смертности в Поволжье с близостью к транспортным магистралям [40, с. 104], полагая, что из таких районов наиболее интенсивно вывозилось продовольствие. Однако южноуральские районы по большей части не аграрные, в них продовольствие должно было ввозиться, а железнодорожные станции – места концентрации грузопотока, в том числе и продовольствия.

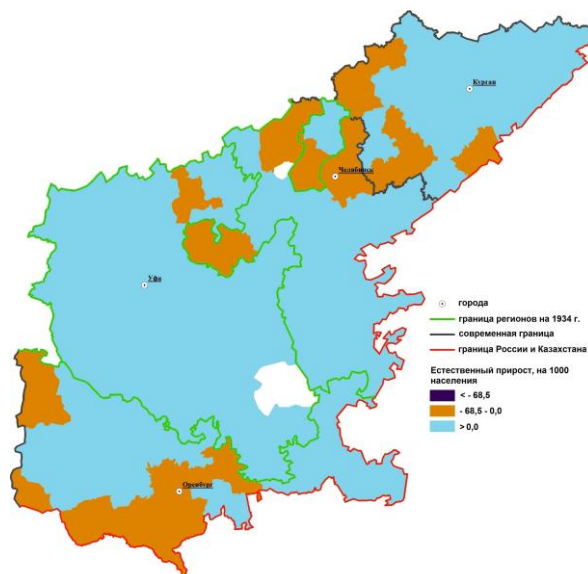

Рис. 3. Естественный прирост сельского населения Южного Урала и Зауралья в 1933 г.
Fig. 3. The natural population increase of the rural population of the Southern Urals and Trans-Urals in 1933

Г. Кесслер связывает очаги смертности Урала с перемещающимися по железным дорогам потоками мигрантов, в том числе казахов, перегрузивших наличные продовольственные ресурсы и «привозивших» болезни, вызывая рост смертности среди местного населения [6, с. 255–259]. На подтверждение этого предположения указывает большое число умерших в селах Челябинской области неизвестных (табл.), половина из них – в Копейском районе.

Также в 1933 г. шла массовая операция по депортации нелояльного Советской власти населения на Урал и через Урал в Сибирь, в ходе которой депортируемые «привозили» по железной дороге инфекционные болезни, вызывавшие вспышки эпидемических заболеваний [41]. В связи с этим Челябинско-Курганский очаг естественной убыли населения на селе в «треугольнике» железнодорожных веток может быть связан не с «голодовой», а с инфекционными заболеваниями, привезенными по железной дороге. Ситуация с «привезенными» болезнями объясняет высокую рождае-

мость при высокой смертности – такое может быть при внезапной «завезенной» эпидемии.

На территории Оренбуржья районы с естественной убылью населения на селе расположены у Оренбурга – Оренбургский (-17,5 на 1000) и Саракташский (-0,1), на границе с Казахстаном – Соль-Илецкий (-6,5), Илекский (-5,7) и Андреевский (-0,3), и на северо-западе – Бугурусланский (-2,7) и Боклинский (-1,4). Это тоже локальные очаги, при этом ситуация в Оренбургско-Казахстанском пограничье также может объясняться «занесенными» мигрантами из Казахстана эпидемическими болезнями. Косвенно указывает на это ситуация в Кваркенском районе, где катастрофическая смертность (130,6) сопровождалась огромнейшей рождаемостью (131,7) с положительным естественным приростом населения. Вероятно, в этом районе учли вместе с местным населением и мигрантов, что и дало такие величины. Вероятность этого подтверждается указанием М. Н. Денисевич на голодание и смертность казах-мигрантов в соседних Варненском и Брединском районах Челябинской области [7, с. 58].

На причину, не связанную с голодом, указывают данные помесечной динамики смертности в 1933 г. на селе в Башкирии и Челябинской области [42, л. 86], где наибольший пик умерших пришелся на август. По Оренбургской области данных за этот год нет, но в Средне-Волжском крае, куда она входила, пик смертности на селе в 1933 г. также в августе [42, л. 87]. Смертность от голода в конце лета представляется маловероятной, поскольку на Средней Волге и в Башкирии обмолоты зерновых шли уже с июля, а в Уральской области – с августа 1933 г. [43, с. 140–141], и в это время уже были местные биоресурсы.

Естественная убыль сельского населения в 1933 г. на территории современной Башкирии была только в Дуванском районе – двадцать два человека. В Челябинской области в современных границах убыль на селе была в 9 районах – 1541 чел., и 855 чел. – в 6 районах современной Курганской области. В Оренбуржье в 1933 г. она была в 7 районах – 2372 чел., (1565 чел. – кризисный Оренбургский район). В целом – 4,8 тыс., или 0,2 %, на 2500 тыс. сельского населения (без Башкирии). Общий естественный прирост сельского населения положительный. Все это не указывает на демографическую катастрофу. Рождаемость и смертность неместного населения в южноуральских селах не меняет общую картину, поскольку они в сравнении с местным населением значительно меньше, а прирост населения по этой категории положительный (табл.).

В южноуральских городах в 1933 г. рождаемость (табл.) была гораздо ниже сельской, но выше средней городской европейской РСФСР (19,9 на 1000) [39, л. 9]. Городская смертность на Южном Урале в целом была гораздо выше, чем

на селе и значительно превышала рождаемость, что и обусловило высочайшую естественную убыль городского населения. Таким образом, на Урале в 1933 г. был демографический кризис городского населения, что противоречит мнению об уничтожении голодом сельского населения.

Высочайшая естественная убыль населения была в гг. Челябинске (6635 чел.), Магнитогорске (2758), Златоусте (1282), Копях (1184), Троицке (689), Карабаше (305), Сатке (268), Кургане (631) и Шадринске (227), Оренбурге (6493), Уфе (2654), Белебее (105) и Стерлитамаке (117) [38, л. 84–87 об., 91–92; 39, л. 45–46 об.]. В этих же городах зарегистрировано наибольшее число умерших неизвестных. Положительный естественный прирост населения был в 12 городских поселениях Башкирии, в п. Юдино и Шумихе будущей Курганской и в 6 городских поселениях будущей Челябинской области, еще в 2 он был нулевой и близкий к нему.

Демографический кризис городов связан с действием властей на местах, которые не справились со снабжением растущего населения, наплывом мигрантов и выросшей заболеваемостью. Естественная убыль городского населения Южного Урала в 1933 г. в Башкирии составила 2949 чел. (90 % – г. Уфа), Челябинской области – 14113 чел. (89 % – гг. Челябинск, Магнитогорск, Златоуст, Копи и Троицк), Оренбургской области – 8212 чел. (79 % – г. Оренбург), всего – 26,1 тыс. чел. (около 2 % городского населения). Таким образом, в 1933 г. на Южном Урале была демографическая катастрофа в крупных промышленных центрах и на транспортных узлах.

В городах учитывались рождаемость и смертность мигрантов, которые попали в региональные отчеты (табл.), но не всегда учитывались центральными органами (ЦУНХУ) в отчетной документации [44, л. 21].

Всего в городских поселениях учтено 1797 рождений детей мигрантов, из которых 482 (26,8 %) – дети с установленным местом жительства родителей. Учтена смерть 15885 неместных граждан, из которых установлено место жительства 1410 (8,9 %). Подавляющее большинство смертей (79,4 %) – гг. Челябинск (4313), Магнитогорск (3813), Оренбург (2455), Уфа (2032). С одной стороны, понятно решение ЦУНХУ не учитывать эти смерти в статистике городского населения, поскольку они вносят чудовищные искажения в демографический ряд, добавляя 25,7 % к умершим в городах (61758 чел.). С другой – не снимает вопроса к центральным статистическим органам СССР, почему мигранты не всегда попадали в итоги естественного движения населения.

На местах эти смерти были учтены, соответственно, мнение о недоучете смертности неизвестных, которым объясняют высокие потери населения от голода, не обосновано. На Южном Урале учтено 17173 умерших неизвестных или 8 % к умершим

из числа местного населения (209004 чел.). В рамках статистического учета величина значимая, но не обобщающая встречающиеся в историографии высочайшие демографические оценки смертности «из-за недоучета неизвестных».

Есть мнение, что умершие в городах мигранты – местные сельские жители, которые выезжали в города, спасаясь от голода. Однако выше показано, что на селе ситуация была сравнительно благополучная. Подтверждает это и положительная разница рождений и смертей среди мигрантов в селах Южного Урала (табл.). А в городах Урала, как отмечалось в обзоре, кризис начался в предыдущие годы. Поэтому активная миграция местного населения (осведомленного о ситуации в округе) из сравнительно благополучных сел в неблагополучные города представляется маловероятной. Большинство умерших мигрантов – неизвестные, в то время как установить место жительства местных умерших мигрантов гораздо проще, так как в 1933 г. в СССР уже была введена система регистрации, требующая снятия с учета в месте отбытия и разрешения регистрации в месте прибытия. По нашему мнению, наиболее вероятно, что умершие в южноуральских городах неизвестные – это мигранты из соседних неблагополучных регионов (Поволжье и Казахстан), прибывающие железнодорожным транспортом, несмотря на введенные миграционные ограничения, описываемые в историографии. Либо данные об ограничениях были преувеличены, либо власти не справились со стихийной миграцией в 1933 г.

Выводы

На Южном Урале в период самого кризисного 1933 г. система учета населения работала достаточно эффективно и ее точность с учетом природно-географической сложности региона была достаточно высокой. Имеющиеся отчетные данные региональной статистики позволяют корректно давать оценку естественному движению населения в регионе.

Сельское население Южного Урала пережило общесоюзный пик голода 1933 г. сравнительно благополучно с локальными голодными проявлениями, снижением естественного прироста, но без демографического кризиса. Повышение смертности на селе в подавляющем большинстве районов было компенсировано высокой рождаемостью, в результате чего естественный прирост на селе в целом был положительный. Определяется несколько локаль-

ных очагов естественной убыли населения. Челябинско-Курганский в «треугольнике» железнодорожных веток связан с неаграрными промышленными и транспортными центрами Южного Урала и может объясняться не только «голодовкой» в связи с продовольственным кризисом, но и «привозимыми» мигрантами инфекционными заболеваниями. В Оренбургском районе и районах Оренбургско-Казахстанского пограничья естественная убыль населения также может быть связана с привезенными мигрантами болезнями.

В связи с тем, что в настоящий момент для Челябинской, Курганской и Оренбургской областей нет восстановленных демографических рядов рождаемости и смертности 1920–30-х гг., оценить демографические потери в этих регионах от голода 1932–1933 г. пока нет возможности. Однако естественная убыль на селе в отдельных районах – 4,8 тыс. – и итоговый положительный естественный прирост 9,0 тыс. чел. и более 40 тыс. чел. естественного прироста в башкирских селах не указывают на демографический кризис на селе Южного Урала.

Демографическая катастрофа в 1933 г. была в городах Южного Урала, где отмечалась катастрофическая смертность как местного населения, так и мигрантов, и катастрофическая естественная убыль городского населения (около 26,1 тыс. чел. или 2 %). Она ударила по гг. Челябинску, Оренбургу, Магнитогорску, Уфе, Златоусту, Копейску, Троицку и Кургану. При этом высочайшая смертность городского населения также может быть во многом связана не с «голодовкой», а с привезенными мигрантами инфекционными заболеваниями, что требует дополнительных исследований по данным медицинской статистики.

На Южном Урале зафиксировано более 17 тыс. умерших мигрантов. Вероятнее всего, это переселенцы из других регионов, которые должны быть учтены в балансе потерь в 1933 г. населения России и СССР.

Данные региональной демографической статистики как по местному населению, так и по мигрантам не подтверждают мнение о голодной демографической катастрофе и направленном уничтожении голодом сельского населения Южного Урала.

Благодарности

Авторы благодарят уважаемого Башкина Анатолия Викторовича (Проект «Исторические материалы» <https://istmat.org>) за помощь в работе с документальными источниками.

Естественное движение населения Южного Урала и Зауралья в 1933 г. в современных границах

Таблица

Table

The vital statistics of the population of the Southern Urals and Trans-Urals in 1933 within the modern borders

Регион		Рождаемость, чел.		Смертность, чел.		Прирост, чел. (‰)
		местные (‰)	неместные ⁴	местные (‰)	неместные ⁴	
Республика Башкортостан ¹	город	8617 (26,9)	417 (239)	11181 (34,9)	2376 (1195)	-2564 (-8,0)
	село	96396 (39,1)	1015 (951)	56247 (22,8)	460 (444)	40149 (16,3)
Челябинская область ²	город	20520 (26,1)	1111 (868)	34374 (43,7)	9956 (9800)	-13854 (-17,6)
	село	19094 (36,3)	336 (277)	16987 (32,3)	573 (514)	2107 (4,0)
Курганская область ²	город	1596 (19,3)	60 (16)	2364 (28,7)	336 (288)	-768 (-9,3)
	село	33089 (37,4)	220 (102)	29147 (33,0)	132 (66)	3942 (4,5)
Оренбургская область ³	город	5627 (22,4)	209 (192)	13839 (55,1)	3217 (3192)	-8212 (-32,7)
	село	47793 (40,9)	149 (19)	44865 (38,4)	123 (13)	2928 (2,5)

Примечание. Составлено и рассчитано по [38, л. 84–87 об., 91–92; 39, л. 45–46 об.].

¹ – Аргаяшский и Кунашакский районы учтены в Челябинской области; ² – показатели завышены из-за невозможности точно учесть данные по северным районам, часть которых включена в современную Свердловскую область; ³ – оценка неточная, поскольку некоторые числа плохо читаемы в копии документа, ⁴ – в скобках – из них лица с неустановленным местом жительства.

Литература

1. Уиткрофт, С. Показатели демографического кризиса в период голода / С. Уиткрофт // Голод в СССР. 1929–1934 : в 3 т. – Т. 3: Лето 1933–1934. – М. : МФД, 2013. – С. 719–771.
2. Население России в XX веке : в 3 т. – Т. 1. – М. : РОССПЭН, 2000. – 463 с.
3. Корнилов, Г. Е. Демографические катастрофы в XX веке на Урале / Г. Е. Корнилов // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – 2016. – № 1. – С. 490–502.
4. Корнилов, Г. Е. Голод 1932–1933 гг. на Урале: факторы и масштабы / Г. Е. Корнилов // Гуманитарные науки в Сибири. – 2010. – № 2. – С. 65–69.
5. Дэвис, Р. Годы голода: Сельское хозяйство СССР, 1931–1933 / Р. Дэвис, С. Уиткрофт. – М. : РОССПЭН, 2011. – 543 с.
6. Kessler, G. The 1932–1933 Crisis and Its Aftermath beyond the Epicenters of Famine: The Urals Region / G. Kessler // Harvard Ukrainian Studies. – 2001. – Vol. 25, № 3/4 – P. 253–265.
7. Денисевич, М. Н. Индивидуальные хозяйства на Урале (1930–1985 гг.) / М. Н. Денисевич. – Екатеринбург : УрО АН СССР, 1991. – 195 с.
8. Жиромская, В. Б. Голод 1932–1933 гг.: Людские потери / В. Б. Жиромская // Голод в СССР. 1929–1934 : в 3 т. – Т. 3 : Лето 1933–1934. – М. : МФД, 2013. – С. 651–662.
9. Баранов, Е. Ю. Голод начала 1930-х годов в Уральской области: возникновение и эскалация / Е. Ю. Баранов // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития : материалы Всероссийской научной

конференции, посвящ. 20-летию Института истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург, 2008. – С. 156–161.

10. Баранов, Е. Ю. Крестьянство, социальные трансформации и голод в начале 1930-х гг. в СССР (на материалах Урала) / Е. Ю. Баранов // Genesis: исторические исследования. – 2019. – № 1. – С. 1–16.

11. Ажигулова, А. И. Голод 1932–1933 года на Южном Урале как один из факторов изменения численности населения / А. И. Ажигулова // Современные исследования социальных проблем. – 2017. – Т. 9, № 4. – С. 377–393.

12. Давлетшин, Р. А. «Великий перелом» и трагедия крестьянства Башкортостана / Р. А. Давлетшин. – Уфа : Китап, 1993. – 160 с.

13. Ивницкий, Н. А. Голод 1932–1933 годов в СССР: Украина, Казахстан, Северный Кавказ, Поволжье, Центрально-Черноземная область, Западная Сибирь, Урал / Н. А. Ивницкий. – М. : Собрание, 2009. – 288 с.

14. История башкирского народа : в 7 т. – Т. 5. – Уфа : Гилем, 2010. – 468 с.

15. Голод в СССР. 1929–1934 : в 3 т. – Т. 2. : Июль 1932 – июль 1933. – М. : МФД, 2012. – 912 с.

16. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939 : документы и материалы : в 5 т. – Т. 3. Конец 1930 – 1933. – М. : РОССПЭН, 2001. – 701 с.

17. Баранов, Е. Ю. Население и общественные трансформации в СССР: демографические кризисы в условиях «социалистических» преобразований 1930-х гг.: (на материалах Урала) / Е. Ю. Баранов // Известия Уральского федерального уни-

верситета. Серия 1 «Проблемы образования, науки и культуры». – 2012. – № 3 (104). – С. 219–227.

18. Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала в 1928–1934 гг. : сборник документов и материалов. – Оренбург : Оренбургское литературное агентство, 2005. – Т. 1. – 285 с.

19. Назаренко, Н. Н. Естественное движение населения Башкирии в период голода 1932–1933 годов / Н. Н. Назаренко, Н. В. Коршунова // Проблемы востоковедения. – 2023. – № 2 (100). – С. 8–16.

20. Андреев, Е. М. Население Советского Союза, 1922–1991 гг. / Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский, Т. Д. Харьковская. – М. : Наука, 1993. – 139 с.

21. Осокина, Е. А. Жертвы голода 1933 года: сколько их? (Анализ демографической статистики ЦГАНХ СССР) / Е. А. Осокина. // История СССР. – 1991. – № 5. – С. 18–26.

22. Davies, R. W. The years of hunger: Soviet agriculture, 1931–1933. Registered excess deaths by regions, 1932–1933 / R. W. Davies, S. G. Wheatcroft. – URL: <https://warwick.ac.uk/fac/soc/economics/staff/mharrison/archive/hunger> (дата обращения: 08.02.2024).

23. Ажигулова, А. И. Демографические процессы на Южном Урале во второй половине 1920-х – 1930-е гг. : дис. ... канд. ист. наук / А. И. Ажигулова. – Оренбург, 2019. – 223 с.

24. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 20. Д. 41.

25. Назаренко, Н. Н. Региональные особенности рождаемости и смертности населения Волго-Вятского региона, Средней Волги и Оренбуржья в период голода 1932–1933 годов / Н. Н. Назаренко, А. В. Башкин // Самарский научный вестник. – 2021. – Т. 10, № 4. – С. 177–192.

26. Нефедов, С. А. Уровень жизни населения и аграрное развитие России в 1900–1940 годах / С. А. Нефедов. – М. : Дело, 2017. – 432 с.

27. Кондрашин, В. В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни / В. В. Кондрашин. – 2-е изд., доп. и перераб. – М. : РОССПЭН, 2018. – 566 с.

28. Levchuk, N. Regional 1932–1933 famine losses: a comparative analysis of Ukraine and Russia / N. Levchuk, O. Wolowyna, O. Rudnytskyi, A. Kovbasiuk, N. Kulyk // Nationalities Papers. – 2020. – P. 1–21.

29. Хисамутдинова, Р. Р. Численность и состав сельского населения Оренбургского края в 1930-е годы / Р. Р. Хисамутдинова, А. И. Ажигулова // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный журнал. – 2014. – № 1 (9). – С. 105–111.

30. Ажигулова, А. И. Смертность на Южном Урале в 1930-е годы / А. И. Ажигулова // Клио. – 2017. – № 1 (121). – С. 94–98.

31. Корнилов, Г. Е. Трансформация демографических структур в городских поселениях (на материалах Уральской области в 1923–1934 годах) / Г. Е. Корнилов // Исторический курьер. – 2021. – № 4 (18). – С. 121–132.

32. Макарова, Н. Н. Демографическая характеристика Магнитогорска: анализ причин смертности и рождаемости (1930–1935) / Н. Н. Макарова // Социум и власть. – 2009. – № 3 (23) – С. 96–100.

33. Журавлева, В. А. Естественное воспроизводство городского населения Урала в 20–30-е годы XX века / В. А. Журавлева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2006. – № 17 (72). – С. 33–37.

34. Журавлева, В. А. Причины смерти городского населения Урала в 1920–1930-е гг. / В. А. Журавлева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2009. – № 32 (165). – С. 10–15.

35. Журавлева, В. А. Голод 1932–1933 гг. как причина повышенной смертности горожан Урала в годы промышленной модернизации края / В. А. Журавлева // Наука ЮУрГУ. Секции социально-гуманитарных наук : материалы 67-й научной конференции. – Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 2015. – С. 1865–1870.

36. Журавлева, В. А. Причины повышенной смертности горожан Урала в 1929–1933 гг. / В. А. Журавлева // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII—XXI вв. : материалы XII Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию Засл. деятеля науки России, д-ра ист. наук, проф. А. В. Бакунина : в 2 т. – Екатеринбург : УрФУ, 2014. – Т. 1. – С. 348–353.

37. Wheatcroft, S. G. Mapping and evaluating the major famines of modern times / S. G. Wheatcroft, A. Garnaut, C. O'Grada, I. Bishop // Nazarbayev University Repository. Humanities and Social Sciences. – 2013. – P. 11–12. – URL: <http://nur.nu.edu.kz/handle/123456789/463> (дата обращения: 08.02.2024).

38. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 329. – Д. 18.

39. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 329. – Д. 19.

40. Кондрашин, В. В. Голод 1932–1933 гг. в Поволжье и на Южном Урале / В. В. Кондрашин // Центр и периферия. – 2009. – № 3. – С. 102–109.

41. Исупов, В. А. Социальные и природные факторы демографической катастрофы в Западной Сибири (начало 1930-х гг.) / В. А. Исупов // Исторический курьер. – 2018. – № 1. – С. 138–150.

42. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 329. – Д. 16.

43. РГАЭ. – Ф. 4372. – Оп. 32. – Д. 617А.

44. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 329. – Д. 256.

Назаренко Назар Николаевич – доктор биологических наук, доцент, профессор кафедры химии, экологии и методики обучения химии, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Челябинск); профессор кафедры биохимии им. Р. И. Лифшица, Южно-Уральский государственный медицинский университет (Челябинск), e-mail: 1000nnn@rambler.ru. ORCID 0000-0002-2425-3649

Коршунова Надежда Владимировна – доктор исторических наук, декан исторического факультета, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Челябинск), e-mail: korshunovanv@cspu.ru. ORCID 0000-0002-4648-0893

Поступила в редакцию 3 марта 2024 г.

DOI: 10.14529/ssh240304

THE NATURAL MOVEMENT OF THE POPULATION OF THE SOUTHERN URALS AND TRANS-URALS IN 1933

N. N. Nazarenko^{1,2}, N. V. Korshunova¹

¹South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russian Federation

²South Ural State Medical University, Chelyabinsk, Russian Federation

This paper examines the historiography of the 1932–1933 famine and assesses the natural movement of the population in the Southern Urals (Bashkortostan Republic, and Chelyabinsk, Kurgan and Orenburg Regions). It has been ascertained that the underestimation of the number of residents was relatively low. The analysis of the vital statistics of the population of the Urals has been examined at the level of the administrative district and the dynamics of birth rate, mortality, and natural population increase at the peak of the famine of 1933 is considered. Opinions about the demographic catastrophe in the countryside of the Southern Urals, and the intentional homicide of the rural population by famine are not confirmed by demographic statistics. There was a decrease in natural population growth in the Southern Ural rural population but without a demographic crisis, and the increase in mortality in the overwhelming majority of districts was compensated for by a high birth rate. The sites of natural population losses were mainly in and around large industrial centers. The demographic catastrophe was in the cities of the Urals (natural population losses 26,100 people or 2% of the urban population). The dynamics of mortality in the Urals is not always explained by hunger, and in many instances the increase in mortality of the population was caused by epidemic infections imported by migrant workers and deportees. The assessment of losses from the famine of 1932–1933 in the Southern Urals is complicated by the lack of demographic series in the Chelyabinsk, Kurgan and Orenburg Regions before 1934.

Keywords: 1932–1933 famine; birth rate; mortality; vital statistics; population data; demographic losses; Southern Urals; Chelyabinsk, Kurgan and Orenburg regions.

References

1. Wheatcroft S.G. Pokazateli demograficheskogo krizisa v period goloda [Indicators of the Demographic Crisis in the Period of Famine] // *Golod v SSSR. 1929–1934: v 3 t. T. 3: Leto 1933–1934*. M.: MFD, 2013. S. 719–771.
2. Naselenie Rossii v XX veke [The Population of Russia in the 20th Century]: v 3 t. M.: ROSSPEN, 2000. Vol. 1. 463 s.
3. Kornilov G.E. Demograficheskie katastrofy v XX veke na Urale [The Demographic Catastrophes of the 20th Century in the Urals Region] // *Ezhegodnik po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy*. 2016. № 1. S. 490–502.
4. Kornilov G.E. Golod 1932–1933 gg. na Urale: faktory i masshtaby [Famine in 1932–1933 in the Ural Region: Factors and Scale] // *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2010. № 2. S. 65–69.
5. Devis R., Uitkroft S. Gody goloda: Sel'skoe khozyaystvo SSSR, 1931–1933 [The Years of Hunger: Soviet Agriculture, 1931–1933]. M.: ROSSPEN, 2011. 543 s.
6. Kessler G. The 1932–1933 Crisis and Its Aftermath beyond the Epicenters of Famine: The Urals Region // *Harvard Ukrainian Studies*. 2001. Vol. 25, № 3/4 P. 253–265.
7. Denisevich M.N. *Individual'nye khozyaystva na Urale (1930–1985 gg.)* [Individual Farms in the Urals (1930–1985)]. Ekaterinburg: UrO AN SSSR, 1991. 195 s.
8. Zhiromskaya V. B. Golod 1932–1933 gg.: Lyudskie poteri [Famine of 1932–1933: Human losses] // *Golod v SSSR. 1929–1934: v 3 t. T. 3: Leto 1933–1934 [Famine in the USSR. 1929–1934. Documents. Vol. 3: Summer 1933–1934]*. M.: MFD, 2013. S. 651–662.

9. Baranov E.Y. Golod nachala 1930-kh godov v Ural'skoi oblasti: vznikovnenie i eskalatsiia [Famine of the Early 1930s in the Ural Region: Emergence and Escalation] // *Rossiiia mezhdru proshlym i budushchim: istoricheskii opyt natsional'nogo razvitiia: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashch. 20-letiyu Instituta istorii i arkheologii UrO RAN. Ekaterinburg, 2008. S. 156–161.*
10. Baranov E.Y. Krest'yanstvo, sotsial'nye transformatsii i golod v nachale 1930-kh gg. v SSSR (na materialakh Urals) [Peasantry, Social Transformations and Famine in the Early 1930s in the USSR (based on materials from the Urals)] // *Genesis: istoricheskie issledovaniia. 2019. № 1. S. 1–16. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=28498.*
11. Azhigulova A.I. Golod 1932–1933 goda na Yuzhnom Urals kak odin iz faktorov izmeneniya chislennosti naseleniya [The Famine of 1932–1933. in the Southern Urals as One of the Factors of Change in Population] // *Society of Russia: historical space, linguistic structures and philosophical values. 2017. Vol. 9, № 4. S. 377–393.*
12. Davletshin P.A. «Velikiy perelom» i tragediya krest'yanstva Bashkortostana [The “Great Turning Point” and the Tragedy of the Bashkortostan Peasantry]. Ufa: Kitap. 1993. 160 s.
13. Ivnitskiy N.A. Golod 1932–1933 godov v SSSR: Ukraina, Kazakhstan, Severnyy Kavkaz, Povolzh'e, Tsentral'no-Chernozemnaya oblast', Zapadnaya Sibir', Ural [Famine of 1932–1933 in the USSR: Ukraine, Kazakhstan, North Caucasus, Volga Region, Central-Chernozem Oblast, Western Siberia, Ural]. M.: Sobranie, 2009. 288 s.
14. Istoriya bashkirskogo naroda [History of the Bashkir People]: v 7 t. Ufa: Gilem, 2010. Vol. 5. 468 s.
15. Golod v SSSR. 1929–1934 [Famine in the USSR. 1929–1934]: v 3 t. T. 2.: Iyul' 1932 – iyul' 1933. M.: MFD, 2012. 912 s.
16. Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. 1927–1939 [The Tragedy of the Soviet Village. Collectivization and Dispossession. 1927–1939]: dokumenty i materialy: v 5 t. T. 3. Konets 1930 – 1933. M.: ROSSPEN, 2001. 701 s.
17. Baranov E.Y. Naselenie i obshchestvennye transformatsii v SSSR: demograficheskie krizisy v usloviyakh «sotsialisticheskikh» preobrazovaniy 1930-kh gg. (na materialakh Urals) [Population and Social Transformations in the USSR: Demographic Crises during the “Socialist” Transformations of the 1930s (on Materials of the Urals Region)] // *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury. 2012. № 3 (104). S. 219–227.*
18. Agrarnoe razvitiie i prodovol'stvennoe obespechenie naseleniya Urals v 1928 – 1934 gg. [Agrarian Development and Food Supply of the Population of the Urals in 1928–1934: Collection of Documents and Materials]: Sbornik dokumentov i materialov. Orenburg: Orenburgskoe literaturnoe agentstvo, 2005. Vol. 1. 285 s.
19. Nazarenko N.N., Korshunova N.V. Estestvennoe dvizhenie naseleniya Bashkirii v period goloda 1932–1933 godov [Natural Movement of the Population of Bashkiria in the Period of Famine of 1932–1933] // *Problemy vostokovedeniya. 2023. № 2 (100). S. 8–16.*
20. Andreev E.M., Darskiy L.E., Khar'kova T.L. Naselenie Sovetskogo Soyuza, 1922–1991 gg. [Population of the Soviet Union: 1922–1991]. M.: Nauka, 1993. 139 s.
21. Osokina E.A. Zhertvy goloda 1933 goda: skol'ko ikh? (Analiz demograficheskoy statistiki TsGANKh SSSR) [Victims of the Famine of 1933: How Many of Them? (Analysis of Demographic Statistics of the CGANH USSR)] // *Istoriya SSSR. 1991. № 5. S. 18–26.*
22. Davies R.W., Wheatcroft S.G. The Years of Hunger: Soviet Agriculture, 1931–1933. Registered Excess Deaths by Regions, 1932–1933. URL: <https://warwick.ac.uk/fac/soc/economics/staff/mharrison/archive/hunger> (08.02.2024).
23. Azhigulova A.I. Demograficheskie protsessy na Yuzhnom Urals vo vtoroi polovine 1920-kh – 1930-e gg. [Demographic Processes in the Southern Urals in the Second Half of the 1920s – 1930s.]: dis. ... kand. ist. nauk. Orenburg, 2019. 223 s.
24. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki (RGAE) [Russian State Archive of Economics (RSAE)]. F. 1562. Op. 20. D. 41.
25. Nazarenko N.N., Bashkin A.V. Regional'nye osobennosti rozhdaemosti i smertnosti naseleniya Volgo-Viatskogo regiona, Srednei Volgi i Orenburzh'ia v period goloda 1932–1933 godov [Regional Features of Birth and Mortality Rate in the Volga-Vyatka, Middle Volga and Orenburg Regions during the Famine of 1932–1933] // *Samarskiy nauchnyy vestnik. 2021. T. 10. № 4. S. 177–192.*
26. Nefedov S.A. Uroven' zhizni naseleniya i agrarnoe razvitiie Rossii v 1900–1940 godakh [The Standard of Living of the Population and the Agrarian Development of Russia in 1900–1940]. M.: Delo, 2017. 432 s.
27. Kondrashin V.V. Golod 1932–1933 godov: tragediya rossiyskoy derevni. [Famine of 1932–1933 Years: the Tragedy of the Russian Village]. 2-e izd., dop. i pererab. M.: ROSSPEN, 2018. 566 s.
28. Levchuk N., Wolowyna O., Rudnytskiy O., Kovbasiuk A., Kulyk N. Regional 1932–1933 Famine Losses: a Comparative Analysis of Ukraine and Russia // *Nationalities Papers. 2020. P. 1–21.*
29. Khisamutdinova R.R., Azhigulova A.I. Chislennost' i sostav sel'skogo naseleniya Orenburgskogo kraia v 1930-e gody [Size and Composition of Rural Population of the Orenburg Region in 1930s] // *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2014. № 1 (9). S. 105–111.*

30. Azhigulova A.I. Smertnost' na Yuzhnom Urale v 1930-e gody [The Mortality Rate in the Southern Urals in the 1930s] // *Klio*. 2017. № 1 (121). S. 94–98.
31. Kornilov G.E. Transformatsiya demograficheskikh struktur v gorodskikh poseleniyakh (na materialakh Ural'skoy oblasti v 1923–1934 godakh) [Transformation of Demographic Structures into Urban Settlements (Based on the Materials of the Ural Region in 1923–1934)] // *Istoricheskiy kur'er*. 2021. № 4 (18). S. 121–132.
32. Makarova N.N. Demograficheskaya kharakteristika Magnitogorska: analiz prichin smertnosti i rozhdavemosti (1930–1935) [Demographic Characteristic of Magnitogorsk: Analysis of the Reasons of Mortality and Birth-Rate (1930–1935)]. *Sotsium i vlast'*. 2009. № 3 (23). S. 96–100.
33. Zhuravleva V.A. Estestvennoe vosproizvodstvo gorodskogo naseleniya Urala v 20-30-e gody XX veka [Natural Reproduction of the Urban Population of the Urals in the 20–30s of the 20th Century] // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Sotsial'no-gumanitarnye nauki»*. 2006. № 17 (72). S. 33–37.
34. Zhuravleva V.A. Prichiny smerti gorodskogo naseleniya Urala v 1920–1930-e gg. [Reasons of Mortality of Ural Urban Population in 1920–1930s] // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Sotsial'no-gumanitarnye nauki»*. 2009. № 32 (165). S. 10–15.
35. Zhuravleva V.A. Golod 1932–1933 gg. kak prichina povyshennoi smertnosti gorozhan Urala v gody promyshlennoi modernizatsii kraia [Famine of 1932–1933 as a Cause of Increased Mortality of Ural Citizens during the years of Industrial Modernization of the Region] // *Nauka YuUrGU. Sektsii sotsial'no-gumanitarnykh nauk: materialy 67-i nauch. konf.*. Cheliabinsk: Izd. tsentr IuUrGU, 2015. S. 1865–1870.
36. Zhuravleva V.A. Prichiny povyshennoi smertnosti gorozhan Urala v 1929–1933 gg. [Causes of Increased Mortality Urban Population of the Urals in 1929–1933] // *Ural industrial'nyi. Bakuninskie chteniia: Industrial'naia modernizatsiia Urala v XVIII–XXI vv.: materialy XII Vserossiiskoy nauchnoy konferentsii, posviashchennaoy 90-letiiu Zasl. deiatelia nauki Rossii, d-ra ist. nauk, prof. A. V. Bakunina*. Ekaterinburg: UR-FU, 2014. Vol. 1. S. 348–353.
37. Wheatcroft S.G., Garnaut A., O'Grada C., Bishop I. Mapping and Evaluating the Major Famines of Modern Times // *Nazarbayev University Repository. Humanities and Social Sciences*. 2013. P. 11–12. URL: <http://nur.nu.edu.kz/handle/123456789/463> (08.02.2024).
38. RGAE (RSAE). F. 1562. Op. 329. D. 18.
39. RGAE (RSAE). F. 1562. Op. 329. D. 19.
40. Kondrashin V.V. Golod 1932–1933 gg. v Povolzh'e i na Iuzhnom Urale [Famine of 1932–1933 in the Volga Region and the Southern Urals] // *Tsentri periferiia*. 2009. № 3. S. 102–109.
41. Isupov V.A. Sotsial'nye i prirodnye faktory demograficheskoy katastrofy v Zapadnoy Sibiri (nachalo 1930-kh gg.) [Social and Natural Factors of Demographical Catastrophe in Western Siberia (Early 1930s)] // *Historical Courier*. 2018. № 1. S. 138–150.
42. RGAE (RSAE). F. 1562. O. 329. D. 16.
43. RGAE (RSAE). F. 4372. Op. 32. D. 617A.
44. RGAE (RSAE). F. 1562. Op. 329. D. 256.

Nazar N. Nazarenko – D. Sc. (Biology), Associate Professor, Chair of Chemistry, Ecology and Chemical Methodology, South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk); Professor of the Lifshits Biochemistry Department, South Ural State Medical University (Chelyabinsk), e-mail: 1000nnn@rambler.ru

Nadezhda V. Korshunova – D. Sc. (History), Dean of the History Faculty, South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk), e-mail: korshunovanv@cspu.ru

Received March 3, 2024

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Назаренко, Н. Н. Естественное движение населения Южного Урала и Зауралья в 1933 году / Н. Н. Назаренко, В. Н. Коршунова // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки»*. – 2024. – Т. 24, № 3. – С. 37–48. DOI: 10.14529/ssh240304

FOR CITATION

Nazarenko N. N., Korshunova N. V. The natural movement of the population of the Southern Urals and Trans-Urals in 1933. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2024, vol. 24, no. 3, pp. 37–48. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh240304

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ: В ПОИСКАХ СВОЕГО ПУТИ**И. В. Сибиряков***Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация*

В статье предпринята попытка проанализировать процессы становления экологической истории России как самостоятельного направления отечественной исторической науки на рубеже XX–XXI вв. Отмечена тесная взаимосвязь в развитии отечественной и зарубежной экологической истории. В результате анализа работ зарубежных исследователей, посвященных экологической истории нашей страны, созданных за последние годы, выделено несколько важных особенностей развития этого направления науки, оказавших в дальнейшем существенное воздействие на становление отечественной экологической истории. Выявлены основные проблемы (методологического, источниковедческого, историографического плана), с которыми столкнулись ученые, работающие в этом направлении. В качестве одной из наиболее важных проблем названа проблема особой локализации научных школ, исследующих экологическую историю России. Определены наиболее перспективные сюжеты для дальнейших исследований с учетом достижений отечественной исторической науки и международного опыта. В их числе: экология индустриального и постиндустриального обществ, последствия интенсивного освоения природных ресурсов и др. Подчеркнута необходимость более осторожного подхода к междисциплинарным исследованиям, таким как «экологическая гуманитаристика», и важность продолжения поиска наиболее эффективных научных инструментов для исследования проблем экологической истории.

Ключевые слова: историография, история окружающей среды, междисциплинарные исследования, экологическая история.

Введение

Понятие «экологическая история» вошло в отечественный научный дискурс относительно недавно. Его появление исследователи связывают с целым рядом причин, среди которых чаще других упоминаются заметно ускорившиеся в последние годы (в первую очередь, под воздействием различного рода «поворотов») процессы дифференциации исторической науки, рост интереса социума к проблемам экологии, сотрудничество с представителями различных зарубежных научных школ и т. д. О необходимости объединения усилий историков и экологов много раз говорили представители отечественных и международных общественных организаций. Не случайно уже первые исследования в области экологической истории, выполненные в России, были проведены как междисциплинарные. На сегодняшний день существует острая потребность в критическом анализе того пути, что прошла отечественная экологическая история на рубеже веков, который позволит лучше оценить возможные направления и перспективы ее дальнейшего развития.

Обзор литературы

Становление экологической истории как самостоятельного научного направления началось в европейских странах и в США во второй половине XX в. В зарубежной исторической науке сложились собственные традиции оценки неудач и достижений исследователей, «разрабатывавших» проблемы экологической истории. Важно подчеркнуть, что для характеристики этого направления «...уже много лет активно используется термин “environmental history”, который в дословном переводе означает “история окружающей среды”» [1, с. 10].

Российская историография экологической истории еще только формируется [2, 3].

Методы исследования

В рамках данной статьи с учетом ее ярко выраженного историографического характера активно используются такие методы исследования, как дискурс-анализ, биографический метод, сравнительно-исторический метод.

Результаты и дискуссия

По признанию британского ученого Д. Мун, «...экологическая история как наука интенсивно стала развиваться на Западе с 1970-х годов» [4]. В 1977 г. в США было организовано Американское общество истории окружающей среды, миссия которого заключалась в углублении понимания экологических проблем путем анализа «их исторической подоплеку». В 1999 г. было основано Европейское общество экологической истории с целью развития сравнительных исследований и образования в области экологической истории, а также стимулирования коммуникации ученых из разных стран.

По мнению китайского ученого Б. Маохонга, особое значение для развития экологической истории имеет тот факт, что она «...изначально придавала большое значение изучению исторической динамики взаимодействия человека и остальной природы» [5, с. 6]. Он считает важным выделить четыре аспекта этого процесса: «Во-первых, процесс изменения окружающей среды. Здесь подразумевается не естественная трансформация, обусловленная естественными причинами, а изменение окружающей среды в результате человеческой деятельности. Второй аспект – это материальная или экономическая экологическая история. Основ-

ное внимание здесь уделяется взаимодействию экономической деятельности, хозяйственной активности человека и физической среды. Третий аспект – политическая экологическая история. Ее фокус – экологические последствия политической власти и политические последствия экологических изменений. Четвертый аспект – культурная или интеллектуальная экологическая история. Она сосредоточена на том, как человек воспринимает окружающую среду и как это восприятие влияет на его отношение к окружающей среде и ее последующее использование» [5, с. 7].

В начале XXI в. в целом ряде стран мира начался процесс подведения первых итогов развития экологической истории и обновления ее исследовательского инструментария. «Важным шагом на этом пути стали работы Дж. Хьюза, Ф. Укеттера, В. Винивартер, М. Кнолля и др., публикации в таких изданиях, как “History and Theory” и “Environment and History”» [5, с. 8].

При этом еще в 2010 г. один из ведущих американских экологических историков Д. МакНилл заявлял, что Россия является одной из тех «...географических областей, которые в настоящее время менее всего представлены в литературе по истории окружающей среды» [4].

При анализе работ зарубежных исследователей, посвященных экологической истории нашей страны, созданных на рубеже прошлого и нынешнего веков, можно увидеть несколько важных особенностей развития этого направления науки, оказавших существенное воздействие на становление отечественной экологической истории.

Во-первых, большинство сюжетов экологической истории СССР, вызывающих интерес у западных ученых, связано с так называемой «деградацией» окружающей среды в Советском Союзе. Показательно название книги американских специалистов М. Фешбах и А. Фрэндли, опубликованной в 1992 г., «Экоцид в СССР: здоровье и природа на осадном положении». В книге были представлены картины катастрофического воздействия «...расточительности и загрязнения на окружающую среду и здоровье человека» [4]. Авторы видели происхождение проблемы в первую очередь «...в сталинских пятилетних планах и массивных инженерных проектах, которые определяли приоритеты производственных целей по отношению к состоянию окружающей среды и здоровью населения» [4]. В 2013 г. международная группа исследователей во главе с П. Джозефсоном издала книгу, посвященную экологической истории России XX века [6]. Описав множество реальных проблем развития советского государства, они пришли к такому же выводу «...о расточительном использовании природных ресурсов, которую пропагандируют государственные чиновники во имя неэффективной советской практики» [6, с. 236]. В том же году началась реализация проекта

«Exploring Russia’s Environmental History and Natural Resources», который поддержал Фонд Ливерпуль (The Leverhulme Trust). Его активными участниками были исследователи из университетов России, Великобритании, США. По признанию К. Евтуховой, участники проекта «...пришли в экологическую историю из разных дисциплин и направлений: истории крестьянства, истории российской провинции и социальной истории, исторической географии и биологии» [7, с. 161]. Они сумели уйти «...от апокалипсического видения экологического развития и от взгляда на советскую историю исключительно как на движение к экологической катастрофе, признавая важной роль науки и российской традиции изучения природы и природных ресурсов» [7, с. 161]. Проект был реализован в 2013–2016 гг. По его итогам появилась коллективная монография «Место и природа: эссе по экологической истории России» (Place and Nature: Essays in Russian Environmental History), изданная в 2021 г. в Великобритании.

Во-вторых, западные ученые очень внимательно исследовали советский опыт охраны природы, в том числе опыт работы «Всероссийского общества охраны природы (ВООП), Московского общества натуралистов (МОН), Московского отделения Географического общества (МГО)» [4] и др. Большой вклад в изучение этой проблемы внес Д. Вайнер.

В-третьих, интерес целой группы западных специалистов сосредоточен на изучении советского / российского опыта взаимодействия между человеком и природой. Наиболее интересные результаты в этом направлении получили С. Брейн [8] и Д. Мун [9]. Как признавал сам Д. Мун: «Западная наука об экологической истории территорий бывшей Российской империи и Советского Союза распространила свой интерес на Казахстан и Центральную Азию [4]. В целом ряде зарубежных университетов появились специальные образовательные программы по экологической истории.

В-четвертых, в западной исторической науке успешно развивается культурная история окружающей среды. Российские сюжеты этой школы первыми «проработали» К. Эли в книге «Эта скудная природа. Пейзаж и национальная идентичность в имперской России» и Дж. Костлоу в книге «Прогулки в лесу XIX века» [4].

Примечательно, что некоторые проблемы экологической истории СССР изучались и в самом Советском Союзе. Показателен призыв профессора В. И. Дурновцева не «лишать экологическую историю своего генезиса, своих истоков», своего «детства» и выводить истоки российской экологической истории исключительно из зарубежных стран [10, с. 144]. Он утверждал, что фактически «...уже в начале и середине XX столетия многие исторические аспекты взаимодействия человека и природы находили всестороннее освещение

в работах С. М. Середонина, А. В. Дулова, С. В. Кирикова и других учёных» [10, с. 144]. Последним крупным советским проектом в области экологической истории стала книга И. В. Круть и И. М. Забелина «Очерки истории представлений о взаимоотношении природы и общества. Общонаучные и геолого-географические аспекты», которая вышла в Москве в 1988 г.

В современной российской исторической науке процесс институционализации экологической истории «стартовал» в начале XXI в. и идет очень противоречиво. Интерес к экологической проблематике позволил создать тематические научные лаборатории и центры, например, «Центр экологической истории Елабужского института ФГАОУ ВО КФУ», «Центр экологической и технологической истории при Европейском университете в Санкт-Петербурге», лаборатория «Экологической и технологической истории» НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге и др.

В России стали чаще организовывать научные конференции по экологической истории, такие как, например, международная конференция «Экологическая история в России: этапы становления и перспективные направления исследований» (Елабуга, 2014 г.) [11], международная конференция «Человек и природа: история взаимодействия, источники и информационные ресурсы, визуальные образы и исследовательские практики» (Москва, 2017 г.) [12], всероссийская (с международным участием) научная конференция «Экологическая история России: локальные измерения и перспективы интегральных исследований» (Череповец, 2017 г.) [13] и др.

Российские специалисты стали принимать активное участие в научных мероприятиях, организованных Европейским обществом экологической истории. С 2011 г. вице-президентом Европейского общества экологической истории стал доцент Санкт-Петербургской школы социальных и гуманитарных наук НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, ведущий научный сотрудник, руководитель Лаборатории экологической и технологической истории Ю. А. Лайус. А уже в 2012 г. в Санкт-Петербурге прошла летняя школа Европейского общества экологической истории «Природные ресурсы: исторические идеи, изучение и эксплуатация». Ее участники представляли разные регионы и имели различное основное образование, но все в своих научных интересах пришли к изучению истории природных ресурсов [14, с. 122].

В 2019 г. российские ученые внесли большой вклад в подготовку и проведение конференции «Границы (в) экологической истории», которая состоялась в университете Таллинна (Эстония) 21–25 августа. «Отличительной чертой конференции в Таллинне, по сравнению с предыдущими конференциями Общества, – по признанию Е. И. Гололобова и А. В. Виноградова, – стало то, что отече-

ственные экоиистики стремились к созданию совместных мероприятий со своими иностранными коллегами: их доклады были, в основном, распределены среди секций, собранных по тематическому, а не географическому принципу» [16, с. 207]. Например, работу секции «Промышленность, наука и рождение экологического законодательства в Европе (1800–1950)» организовали Андрей Виноградов и Анна Мазаник (Центр Рэйчел Карсон, Мюнхен, Германия) [16, с. 207].

По мере развития интереса к экологической истории в России в русскоязычном сегменте интернета появились специализированные интернет-ресурсы, такие как веб-сайт «Экологическая история» [17] или научный блог «Пульс экоиистики», созданный кандидатом исторических наук, ведущим специалистов Российского государственного исторического архива Г. Афанасьевым [18]. Началась подготовка специалистов по экологической истории в рамках магистерских программ. В стране стали издаваться учебные пособия, призванные помочь студентам в изучении проблем экологической истории страны. Например, в 2018 г. в Сургутском государственном педагогическом университете профессор Е. И. Гололобов издал пособие «Экологическая история Сибирского Севера. XX век: поиск и анализ источников» [19].

При поддержке различных фондов российским ученым удалось реализовать целый ряд интересных региональных и общероссийских проектов. Один из таких проектов «Природные ресурсы в истории: экономические институты, экспертные сообщества и инфраструктуры» был реализован «Лабораторией экологической и технологической истории при поддержке Российского Научного Фонда» [20].

В сознании многих исследователей постепенно утвердилась мысль о том, что «...последовательно антропологически ориентированное научное историческое познание не может быть исчерпывающим и полноценным вне постоянного учета взаимодействия человека с природой» [1, с. 10].

В последние годы в центре внимания отечественных специалистов по экологической истории оказались именно проблемы локальной экологической истории: история освоения разнообразных природных ресурсов; история развития сельскохозяйственных технологий, экологическая политика и т. п. Для глубокого научного изучения этих проблем исследователям пришлось существенно расширить круг источников, которые использовались в рамках реализации различных научных проектов.

С другой стороны, в силу «...локализации научных школ данного направления на Северо-Западе, Урале, в Поволжье и Сибири в российской экологической истории остается много лагун и “белых пятен”» [21, с. 100–101], устранение которых невозможно без комплексных масштабных исследований проблем экологической истории России в целом.

Продолжается поиск наиболее эффективного (с точки зрения решения проблем экологической истории) исследовательского инструментария. Первые шаги в этом направлении, сделанные Ю. С. Приходько и Е. И. Гололобовым, показали, что выработка новых методологических подходов в рамках экологической истории на региональном материале будет очень непростым процессом [22]. Конечно, выбранный данными авторами «...теоретико-методологический инструментарий (энвайроментализм, регионализм, теории модернизации, фронта, историко-правовой метод) дает возможность расширить предмет исследований по истории Севера Западной Сибири и получить новое историческое знание об истоках и эволюции противоречий между человеком и природой в регионе» [22, с. 199], но при этом вряд ли носит универсальный характер. Не случайно он не получил широкого распространения среди специалистов, занимающихся экологической историей, которые, по-прежнему пытаются найти теоретико-методологическую модель исследования, рационально и эффективно совмещающую количественные и качественные методы исследования, допускающие возможность оправданного использования искусственного интеллекта.

Выводы

К числу главных проблем, с которыми столкнулись российские специалисты по экологической истории в последние годы, на наш взгляд, можно отнести следующие проблемы:

Во-первых, трудности в выработке таких собственных исследовательских инструментов и методологических подходов, которые бы соответствовали междисциплинарному характеру исследований в области экологической истории. Кроме того, сейчас в связи с серьезными переменами, происходящими в самых разных группах населения разных стран мира в отношении к экологическим проблемам, быстрыми темпами формируется новая дисциплина, оказавшаяся на стыке экологии, истории, социологии, антропологии, филологии, получившая предварительное название *environmental humanities* или «экологическая гуманитаристика» (англ.). Ее дальнейшее развитие, на наш взгляд, может «ослабить» позиции отечественных специалистов по экологической истории в научном сообществе. Как справедливо заметила однажды Ю. А. Лайус: «Когда мы говорим про междисциплинарность как таковую, вне контекста развития исследовательских дисциплин, мы теряем почву под ногами» [10, с. 142–143].

Во-вторых, недостаточное количество общероссийских исследовательских проектов, которые позволили бы создать целостную картину экологической истории страны в исторически продолжительной перспективе, что позволило бы выявить сложную систему взаимоотношений отдельных регионов и союзного или федерального центра. Существует множество объективных и субъективных факторов, осложняющих организацию таких исследований.

Среди наиболее важных: отсутствие единого научного центра, в рамках которого была бы осуществлена координация деятельности региональных исследователей, выстроены новые исследовательские модели, решены проблемы финансирования.

В-третьих, высокий уровень политизации многих сюжетов экологической истории России, который ограничивает исследовательские возможности профессиональных историков, осложняет контакты российских ученых с зарубежными коллегами, хотя именно экологическая история потенциально могла бы стать основой для объединения ученых самых разных стран, школ и направлений.

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 23-18-20090, <https://rscf.ru/project/23-18-20090/>).

Литература

1. Дурновцев, В. И. «Environmental history» как экологическая история (историографические заметки) / В. И. Дурновцев // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2017. – № 6. – С. 10–19.
2. Дурновцев, В. И. Экологическая история в координатах отечественной историографии и исторического образования / В. И. Дурновцев // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2018. – № 4 (37). – С. 9–16.
3. Лайус, Ю. А. Экологическая история в России и о России / Ю. А. Лайус. – URL: <https://spb.hse.ru/news/210966879.html> (дата обращения: 26.03.2024).
4. Мун, Д. Российская и советская экологическая история в современной западной науке / Д. Мун. – URL: <https://environmentalhistory.ru/moon/> (дата обращения: 26.03.2024).
5. Маохонг, Б. Экологическая история и мировая история / Б. Маохонг // Журнал региональной истории. – 2018. – Т. 2, № 1. – С. 6–18.
6. Josephson, P. An Environmental History of Russia / P. Josephson, N. Dronin, R. Mnatsakanian, A. Cherp, D. Efremenko, V. Larin. – New York : Cambridge University Press, 2013. – 347 p.
7. Евтухова, К. Международная конференция «Природные ресурсы, ландшафты и климат в истории России и сопредельных стран», посвящённая 200-летию академика А. Ф. Миддендорфа / К. Евтухова, Е. Кочеткова, Ю. Лайус, Д. Мун // Историко-биологические исследования. – 2016. – № 2. – С. 160–168.
8. Brain, S. Song of the Forest: Russian Forestry and Stalinist Environmentalism, 1905–1953 / S. Brain. – Pittsburgh : University of Pittsburgh Press, 2011. – 240 p.
9. Moon, D. The Plough that Broke the Steppes: Agriculture and Environment on Russia's Grasslands, 1700–1914 / D. Moon. – Oxford : Oxford University Press, 2013. – 319 p.

10. Калимуллин, А. Л. Экологическая история в России: этапы становления и перспективные направления исследований / А. Л. Калимуллин, А. В. Виноградов // Историко-биологические исследования. – 2015. – Т. 7, № 2. – С. 140–145.

11. Экологическая история в России: этапы становления и перспективные направления исследований: материалы международной научной конференции. – Елабуга: Изд-во Елабужского института КФУ, 2014. – 384 с.

12. Человек и природа. История взаимодействия, источники и информационные ресурсы, визуальные образы и исследовательские практики: материалы XXX Международной научной конференции. – М.: РГГУ, 2017. – 251 с.

13. Экологическая история России: локальные изменения и перспективы интегральных исследований: материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. – Череповец: Череповецкий гос. ун-т, 2017. – 275 с.

14. Кочеткова, Е. А. Природные ресурсы: исторические идеи, изучение и эксплуатация: летняя школа по экологической истории / Е. А. Кочеткова, Ю. А. Лайус // Историко-биологические исследования. – 2012. – № 4. – С. 118–122.

15. Лайус, Ю. А. Экологическая история в России и о России / Ю. А. Лайус. – URL: <https://spb.hse.ru/news/210966879.html> (дата обращения: 26.03.2024).

16. Гололобов, Е. И. Экологическая история в России и о России в 2019 году / Е. И. Гололобов, А. В. Виноградов // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2019. – № 6. – С. 20–209.

17. Экологическая история. – URL: <https://environmentalhistory.ru/about-2/> (дата обращения: 26.03.2024).

18. «Пульс экологической истории»: новый научный блог. – URL: <https://environmentalhistory.ru/klioecorus/> (дата обращения: 26.03.2024).

19. Гололобов, Е. И. Экологическая история Сибирского Севера. XX век: поиск и анализ источников: учебное пособие / Е. И. Гололобов – Сургут: СурГПУ, 2018. – 155 с.

20. Экологическая история в России и о России. – URL: <https://spb.hse.ru/ba/hist/news/210966985.html> (дата обращения: 26.03.2024).

21. Юрьева, О. Хроника научной жизни // Журнал региональной истории. – 2018. – Т. 2, № 1. – С. 100–108.

22. Приходько, Ю. С. Методологические аспекты исторического исследования экологической политики государства (на примере Севера Западной Сибири во второй половине XX – начале XXI вв.) / Ю. С. Приходько, Е. И. Гололобов // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2015. – № 4 (37). – С. 195–200.

Сибиряков Игорь Вячеславович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной и зарубежной истории, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: sibiriakoviv@susu.ru. ORCID 0000-0003-0984-4333

Поступила в редакцию 17 июня 2024 г.

DOI: 10.14529/ssh240305

AN ENVIRONMENTAL HISTORY OF RUSSIA: IN SEARCH OF ITS OWN WAY

I. V. Sibiriyakov

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

This article analyzes the ecological history of Russia as an independent direction of national historical science at the turn of the 20th and 21st centuries. The close relationship between the development of domestic and foreign environmental history is noted. Recent foreign research devoted to the environmental history of Russia identifies several important features which had a significant impact on Russian environmental history. The main methodological, source-based, and historiographical issues faced by researchers are identified; one of the most important is the localization of scientific schools researching the ecological history of Russia. The most promising areas for further research are identified, taking into account the achievements of Russian historical science and international experience. Among them are the ecology of industrial and post-industrial societies and the consequences of intensive development of natural resources. The need for a more cautious approach to interdisciplinary research, such as “environmental humanitie” and the importance of continuing to search for the most effective tools for studying environmental history are emphasized.

Keywords: historiography, environmental history, interdisciplinary studies.

References

1. Durnovcev V.I. «Environmental history» kak ekologicheskaya istoriya (istoriograficheskie zametki) [“Environmental History” as an Ecological History (Historiographical Notes)] // *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2017. № 6. S. 10–19.
2. Durnovcev V.I. Ekologicheskaya istoriya v koordinatah otechestvennoj istoriografii i istoricheskogo obrazovaniya [Ecological History in the Coordinates of National Historiography and Historical Education] // *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya*. 2018. № 4 (37). S. 9–16.
3. Lajus Y.A. Ekologicheskaya istoriya v Rossii i o Rossii [Environmental History in Russia and about Russia]. URL: <https://spb.hse.ru/news/210966879.html> (data obrashcheniya: 26.03.2024).
4. Mun D. Rossijskaya i sovetskaya ekologicheskaya istoriya v sovremennoj zapadnoj nauke [Russian and Soviet Environmental History in Modern Western Science]. URL: <https://environmentalhistory.ru/moon/> (data obrashcheniya: 26.03.2024).
5. Maohong B. Ekologicheskaya istoriya i mirovaya istoriya [Environmental History and World History] // *Zhurnal regional'noj istorii*. 2018. T. 2, № 1. S. 6–18.
6. Josephson P., Dronin N., Mnatsakanian R., Cherp A., Efremenko D., Larin V. An Environmental History of Russia. New York: Cambridge University Press, 2013. 347 p.
7. Evtuhova K., Kochetkova E., Lajus Y., Mun D. Mezhdunarodnaya konferenciya «Prirodnye resursy, landshafty i klimat v istorii Rossii i sopredel'nyh stran», posvyashchyonnaya 200-letiyu akademika A.F. Middendorfa [International Conference “Natural Resources, Landscapes and Climate in the History of Russia and Neighboring Countries” Dedicated to the 200th Anniversary of Academician A.F. Middendorf] // *Istoriko-biologicheskie issledovaniya*. 2016. № 2. S. 160–168.
8. Brain S. Song of the Forest: Russian Forestry and Stalinist Environmentalism, 1905–1953. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2011. 240 p.
9. Moon D. Song of the Forest: Russian Forestry and Stalinist Environmentalism, 1905–1953. Oxford: Oxford University Press, 2013. 319 p.
10. Kalimullin A.L., Vinogradov A.V. Ekologicheskaya istoriya v Rossii: etapy stanovleniya i perspektivnye napravleniya issledovanij [Environmental History in Russia: Stages of Formation and Promising Areas of Research] // *Istoriko-biologicheskie issledovaniya*. 2015. T. 7, № 2. S. 140–145.
11. Ekologicheskaya istoriya v Rossii: etapy stanovleniya i perspektivnye napravleniya issledovanij [Environmental History in Russia: the Stages of Formation and Promising Areas of Research]: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Elabuga: Izd-vo Elabuzhskogo instituta KFU, 2014. 384 s.
12. Chelovek i priroda. Istoriya vzaimodejstviya, istochniki i informacionnye resursy, vizual'nye obrazy i issledovatel'skie praktiki [Man and Nature. The History of Interaction, Sources and Information Resources, Visual Images and Research Practices]: materialy XXX Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. M.: RGGU, 2017. 251 s.
13. Ekologicheskaya istoriya Rossii: lokal'nye izmeneniya i perspektivy integral'nyh issledovanij: materialy Vserossijskoj (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoj konferencii [Ecological History of Russia: Local Changes and Prospects of Integral Research]. Cherepovec: Cherepoveckij gos. un-t, 2017. 275 s.
14. Kochetkova E.A., Lajus Y.A. Prirodnye resursy: istoricheskie idei, izuchenie i ekspluatatsiya: letnyaya shkola po ekologicheskoy istorii [Natural Resources: Historical Ideas, Study and Exploitation: Summer School on Environmental History] // *Istoriko-biologicheskie issledovaniya*. 2012. № 4. S. 118–122.
15. Lajus Y.A. Ekologicheskaya istoriya v Rossii i o Rossii [Environmental History in Russia and about Russia]. URL: <https://spb.hse.ru/news/210966879.html> (data obrashcheniya: 26.03.2024).
16. Gololobov E.I., Vinogradov A.V. Ekologicheskaya istoriya v Rossii i o Rossii v 2019 godu [Environmental History in Russia and about Russia in 2019] // *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2019. № 6. S. 206–209.
17. Ekologicheskaya istoriya [Environmental History]. URL: <https://environmentalhistory.ru/about-2/> (data obrashcheniya: 26.03.2024).
18. «Pul's ekologicheskoy istorii»: novyj nauchnyj blog. URL: <https://environmentalhistory.ru/klioecorus/> (data obrashcheniya: 26.03.2024).
19. Gololobov E.I. Ekologicheskaya istoriya Sibirskogo Severa. XX vek: poisk i analiz istochnikov [Ecological History of the Siberian North. The Twentieth Century: Search and Analysis of Sources]: uchebnoe posobie. Surgut: SurGPU, 2018. 155 s.
20. Ekologicheskaya istoriya v Rossii i o Rossii [Environmental History in Russia and about Russia]. URL: <https://spb.hse.ru/ba/hist/news/210966985.html> (data obrashcheniya: 26.03.2024).
21. Yur'eva O. Hronika nauchnoj zhizni [Chronicle of Scientific Life] // *Zhurnal regional'noj istorii*. 2018. T. 2, № 1. S. 100–108.

22. Prihod'ko Y.S., Gololobov E.I. Metodologicheskie aspekty istoricheskogo issledovaniya ekologicheskoy politiki gosudarstva (na primere Severa Zapadnoj Sibiri vo vtoroj polovine XX – nachale XXI v.) [Methodological Aspects of the Historical Study of the Environmental Policy of the State (on the Example of the North of Western Siberia in the Second Half of the XX - Early XXI Centuries)] // *Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2015. №4 (37). S. 195–200.

Igor V. Sibiryakov – D. Sc. (History), Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign History, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: sibiryaikoviv@susu.ru

Received June 17, 2024

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Сибиряков, И. В. Экологическая история России: в поисках своего пути / И. В. Сибиряков // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2024. – Т. 24, № 3. – С. 49–55. DOI: 10.14529/ssh240305

FOR CITATION

Sibirya

kov I. V. An environmental history of Russia: in search of its own way. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2024, vol. 24, no. 3, pp. 49–55. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh240305

СТАТУИ ПЕРИКЛА И АПОЛЛОНА ПИФИЙСКОГО: К ВОПРОСУ СКУЛЬПТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КРЕСИЛА

И. В. Акилов, Н. В. Акилов

*Российский государственный художественно-промышленный университет
имени С. Г. Строганова, г. Москва, Российская Федерация*

В статье предлагается новое понимание фигуры бородатого воина на Таманской стеле как по-смертного образа афинского стратега Перикла в иконографии его статуи работы Кресиля. Стилистическая разница двух воинов на рельефе объясняется тем, что мастер копировал старшего воина с аттического образца, а младшего создавал полностью сам, находясь вне традиций афинской скульптурной школы. Образ Перикла на стеле позволяет реконструировать внешний вид утраченного памятника. На основании пластического сходства лицевых частей Аполлона из Касселя и головы стратега на ватиканской герме, а также близости позы статуи бога с изображением Перикла на стеле, можно говорить о вероятности того, что статуя Аполлона из Касселя отображает еще одно утраченное произведение Кресиля. Бог стоит почти в той же позе, что и стратег, отличаясь только поворотом головы и зеркальным отражением композиции ног. Кресил использовал положение рук Аполлона в статуе Перикла: пальцы уложены на щит Афины Парфенос Фидия и копье Дорифора Поликлета. Этими цитатами он связал ключевые произведения скульптуры довоенного времени, тем самым создав не только памятник выдающемуся стратегу, но и памятник целой эпохе.

Ключевые слова: греческая скульптура эпохи классики, Кресил, статуя Перикла, Таманская стела с воинами, Аполлон из Касселя.

Введение

Кресил из критской Кидонии [1, с. 119–125] являлся одним из самых выдающихся мастеров бронзовой скульптуры Эллады последней трети V в. до н. э. Благодаря сохранившимся на постаментах сигнатурам мастера известно, что он работал в Дельфах [2, р. 169–170], Гермione [3, р. 91] и в Афинах, где обрел наивысшую славу, став ведущим скульптором города во времена Пелопоннесских войн и Никиева мира. Наибольшее историческое значение имел исполненный им в бронзе памятник афинскому стратегу Периклу, руководившему полисом в 442–429 гг. до н. э.

Творческое наследие Кресиля до сих пор находится в тени наследия его более прославленных современников – Фидия и Поликлета. В связи с этим круг реплик утраченных произведений кидонского скульптора не обрел окончательной ясности. За всю историю искусствознания было предпринято лишь несколько серьезных попыток его определения путем анализа стилистических особенностей пластического языка мастера.

Обзор литературы

Основой всех рассуждений о статуарном наследии Кресиля служит фундаментальный труд выдающегося археолога и историка искусства А. Фуртвенглера, изданный в 1895 г. и посвященный скульптурному творчеству выдающихся мастеров Древней Греции. Именно он впервые наиболее полно попытался обобщить художественные характеристики предполагаемых произведений Кресиля [4, р. 115–165], но, к сожалению, в своих

рассуждениях об утраченной статуе Перикла Фуртвенглер так и не вышел за рамки анализа ее головы, известной по поздним гермам [4, р. 117–122].

В 1901 г. Р. Кекуле фон Штрадониц опубликовал свое исследование статуи стратега, где изучил предполагаемые фрагменты ее базы [5, с. 16–17], что позволило расширить представление о возможной композиции утраченного произведения.

В 1949 г. А. Е. Раубитчеком было показано, что оригиналом т. н. «Протесилая» из собрания в Нью-Йорке (Metropolitan Museum of Art, инв. № 25.116) послужила статуя Диитрефа работы Кресиля. Ученый сопоставил размеры сохранившегося постамента с базой музейной реплики и определил их как подходящие друг другу [6, р. 143–144].

В 1952 г. увидел свет труд П. Орландини «Кресил», изданный после смерти археолога. В нем автор еще раз обобщил все данные о найденных сигнатурах скульптора и попытался выявить круг мраморных реплик, восходящих к его наследию. Также он добавил к копиям голов неизвестную широкую общественности лицевую маску статуи или гермы Перикла [7, tav. III], ныне хранящуюся в музее университета Принстона (США).

В 1970 г. И. Фрел при изучении статуи «Протесилая» (Диитрефа) в музее Метрополитен предположил, что она является репликой Раненого воина, созданного Кресилом, поскольку нашел вполне убедительным сходство кудрявых локонов под основанием шлема на голове статуи с завитками волос на гермах Перикла [8, р. 176].

В 1991 г. Б. Коэн сравнила известные реплики голов герм Перикла с Воинами из Риаче (Museo Nazionale Archeologico di Reggio Calabria, инв. № 12801, 12802), постаравшись выявить иконографическую основу портретной статуи в коринфском шлеме [9, p. 479–490].

Стоит подчеркнуть, что за все время исследований так и не была обозначена предполагаемая иконография статуи Перикла, поскольку сведений об особенностях памятника у античных авторов почти не сохранилось. Известно, что статуя была бронзовой, поскольку Плиний Старший упомянул ее в перечне выдающихся бронзовых творений Кресида (Naturalis Historia, XXXIV, 74), указав название – «Перикл Олимпиец». Павсаний во II в. н. э. видел ее на афинском акрополе рядом с Афиной Лемнией Фидия у спуска через Пропилеи (Περικλῆς τῆς Ἑλλάδος, I, 28, 2). Плутарх же знал несколько созданных разными скульпторами статуй, большинство из них были увенчаны шлемами (Πλούταρχος, Περικλῆς, 3), вполне вероятно, что это могли быть гермы. Одна из них украшала термы Зевксиппа в Константинополе в начале VI в. н. э. (Ἑλληνικὴ Ἀνθολογία, II, 26).

Методы исследования

Исследование проведено с использованием традиционных для искусствознания методов. С помощью историко-культурного метода удалось выявить те политические реалии Афин второй половины V в. до н. э., которые повлияли на сложение иконографии портретного образа Перикла, и предположить причины, сделавшие искусство кидонского мастера востребованным в главном полисе Аттики. Применение формально-стилевого анализа помогло проследить и объяснить разницу стилистических характеристик изображений воинов на Таманском рельефе, а также обозначить единство пластических особенностей статуй Перикла и Аполлона Пифийского, репликой которого является Аполлон из Касселя. Иконографический метод позволил показать связь этих двух статуй, а также подтвердить цитирование Кресилом в композиции образа стратега самых прославленных произведений Фидия и Поликлета. Путем иконологического метода был показан художественный замысел скульптора, легший в основу образного решения созданного для акрополя Афин памятника.

Результаты и дискуссия

От произведений Кресида сохранились только их постаменты. К счастью, есть основания предполагать, что и от статуи Перикла до нашего времени дошла часть ее базы. Этот фрагмент, 28 x 12,5 см и высотой 18 см (рис. 1 f), извлеченный в 1888 г. из кладки южной стены афинского акрополя, к сожалению, сохранил только окончания имен Перикла и Кресида (Epigraphical Museum, Athens, инв. № EM 6358). При этом имя стратега стоит в родительном падеже, обозначая отчество жертвователя – Перикла Младшего, сына Перикла.

Таким образом, памятник был создан Кресилом как приношение городу после смерти стратега в 429 г. до н. э. и до казни его сына в 406 г. до н. э. [3, p. 89].

Другой возможный фрагмент этой базы, 40 x 30 см и высотой 25 см (Epigraphical Museum, Athens, инв. № EM 6362), схожий разновидностью мрамора и размером букв, имеет отверстие у ближнего правого угла края верхней поверхности, которое могло служить основанием копыя в левой руке статуи [6, p. 140–141]. Однако по содержанию надписи и по принципу разделения слов троеточиями, он не согласуется с предыдущим фрагментом и поэтому принадлежит другому памятнику. Следовательно, нет объективных оснований полагать, что копые в левой руке стратега опиралось о постамент. Да и сам цилиндрический характер отверстия не согласуется с копьем гоплита, снабженного наконечниками с обоих концов древка.

Скорее всего, фронтальная ширина постамента памятника Периклу была около 60 см, что вполне достаточно для статуи, чуть превышающей натуральный размер портретируемого. На наш взгляд, наиболее вероятно следующая реконструкция надписи на базе:

[ΠΕΡΙΚΛΕΣ ΠΕΡ]ΙΚΛΕΟΣ

[ΑΠΑΡΧΕ ΚΡΕΣ]ΙΔΑΣ ΕΠΟΙΕ[ΣΕ]

Перикл, сын Перикла,

учредил установить. Кресил сделал.

В отношении же самого утраченного бронзового образа Перикла ясное представление мы имеем только о голове статуи, благодаря ее античным воспроизведениям на гермах во II в. н. э.

Наиболее близкий к оригиналу экземпляр (рис. 1 c) хранится в собрании Ватикана (Museo Pio-Clementino, инв. № 269). На нем сохранилась надпись ΠΕΡΙΚΛΗΣ ΞΑΝΘΙΠΠΟΥ ΑΘΗΝΑΙΟΥΣ – Перикл, сын Ксантиппа, афинянин. Эта герма, выполненная в полный человеческий рост, была найдена в 1779 г. на вилле Кассия в Тиволи. Она наиболее точно передает детали утраченного оригинала, а также показывает, что увенчанная коринфским шлемом голова статуи была повернута в сторону левого плеча.

При раскопках в другом месте виллы Кассия в 1781 г. была обнаружена верхняя часть еще одной гермы стратега (рис. 1 b), на которой читается имя ΠΕΡΙΚΛΗΣ. Теперь она украшает коллекцию Британского музея (British Museum, инв. № GR 1805.7-3.91). Эта реплика, хоть и уступает в проработке деталей предыдущему экземпляру, но более точно передает положение головы бронзового оригинала, которая была повернута влево, слегка обратив лицо к небу.

Часть третьей гермы Перикла (рис. 1 a) хранится в музее Барракко в Риме, куда поступила в 1884 г. из собрания семьи Кастеллани (Museo Barracco di Scultura Antica, инв. № MB 96). Это античная голова плохой сохранности с частью шеи, поставленная реставраторами на новый бюст.

Ее поверхность во многих местах повреждена, и она, к сожалению, не добавляет ничего нового к нашим знаниям об утраченном памятнике.

В 1901 г. к предыдущим трем экземплярам добавился четвертый (рис. 1 е), обнаруженный на Лесбосе и подаренный берлинскому музею античной скульптуры человеком, скрывшим свое имя и обстоятельства приобретения (Altes Museum, инв. № Sk 1530) [5, с. 1–6]. Это мраморная голова с воротниковой зоной, предназначенная для гермы из другого камня. Как и ватиканская реплика, она хорошо передает особенности бронзового оригинала.

Также стоит упомянуть, подаренный Э. Сампсоном музею Принстона мраморный осколок лицевой маски (рис. 1 d), который не определен в экспозиции как портрет Перикла, но, скорее всего, тоже принадлежал когда-то его герме (Princeton university Art Museum, инв. № Y1962-132).

Рис. 1. а) Герма Перикла. II в. н. э. Музей Барракко, Рим. Инв. № MB 96
 б) Герма Перикла. II в. н. э. Британский музей, Лондон. Инв. № 1805, 0703.91
 в) Герма Перикла. II в. н. э. Музей Пио-Клементино, Ватикан. Инв. № 269
 д) Лицевая маска гермы Перикла. II в. н. э. Музей искусства, Принстон. Инв. № 1962-132
 е) Герма Перикла. II в. н. э. Старый музей, Берлин. Инв. № Sk 1530
 ф) Фрагмент базы статуи Перикла. V в. до н. э. Эпиграфический музей, Афины. Инв. № EM 6258

Fig. 1. a) Herm of Pericles. 2nd century CE. Barrasso Museum, Rome. Inv. № MB 96
 b) Herm of Pericles. 2nd century CE. British Museum, London. Inv. № 1805,0703.91
 c) Herm of Pericles. 2nd century CE. Pio Clementino Museum, Vatican. Inv. № 269
 d) Face mask of Pericles. 2nd century CE. University Art Museum, Princeton. Inv. № 1962-132
 e) Bust of Pericles. 2nd century CE. Altes Museum, Berlin. Inv. № Sk 1530
 f) Base fragment of the Pericles statue. 5th century BCE. Epigraphic Museum, Athens. Inv. № EM 6258

Если художественные особенности головы статуи Перикла вполне понятны, то в отношении прочих деталей памятника ничего не известно, поскольку мраморные реплики статуи так и не были выявлены. Однако, на наш взгляд, есть все основания предполагать, что статуя стратега послужила иконографическим прообразом для изображения Перикла на стеле с двумя воинами IV в. до н. э., найденной на Таманском полуострове (рис. 2 с).

Этот монументальный рельеф был обнаружен при раскопках античной усадьбы I в. до н. э. (Юбилейное I) в 1985 г., где в перевернутом виде вторично использовался для мощения пола [10, с. 29]. Ныне эта находка, известная как «Таманский рельеф», хранится в ГМИИ им. А. С. Пушкина (инв. № Ф-1601). На стеле изображены два воина: бородатый мужчина и безбородый юноша – сходство старшего из них с гермой Перикла отмечалось неоднократно [11, с. 52; 12, с. 179; 13, с. 270]. Однако мнение, что на стеле могла быть изображена статуя Перикла, высказано не было, хотя Е. А. Савостина и отметила в нем черты статуарного памятника [13, с. 269].

Очевидна стилистическая неоднородность рельефа, которую пытались объяснить то поздней переработкой центральной части фигуры молодого воина [11, с. 50; 14, с. 167–169], то совместной работой двух скульпторов [15, с. 112–114]. Однако при изучении поверхности рельефа мы не выявили принципиальных различий в работе резцом, которые могли бы свидетельствовать о навыках двух скульпторов – все приемы, скорее всего, принадлежат одному резчику. Стилистическая же разница образов объяснима тем, что мастер копировал старшего воина с аттического образца, а другого создавал полностью сам, находясь вне традиций афинской скульптурной школы. Отсюда и происходит инерция скульптурных приемов V в. до н. э. в образе бородатого воина, справедливо отмеченная Р. Штупперихом [16, с. 80].

Хламида старшего воина художественно решена по всем правилам патетики монументальной скульптуры, а хламида юноши повязана так, чтобы во время боя защищать правую часть груди и живот вместо нагрудника – деталь жизненная, но без собственной иконографической традиции, поэтому ее изображение получилось столь примитивным. Шлем юноши был зеркально скопирован резчиком с исполненного первым образа афинского стратега. И несмотря на то что коринфский шлем для военных реалий IV в. до н. э. являлся абсолютным анахронизмом [16, с. 84], он позволил юноше не выглядеть ниже своего соседа по статусу. В работе же над хитоном молодого воина скульптор даже не пытался имитировать пластику аттического образца, не зная ее художественной логики, поэтому и не смог преодолеть примитивной параллельности складок. Все это создало противоречивую неоднородность общей стилистики памятника, охарактеризованную исслед-

дователями как «эkleктическая» [13, с. 271–272] и подражательно «аттизированная» [17, с. 258].

Поскольку во время морской экспедиции по Понту Перикл всячески помогал жителям эллинских городов, удовлетворяя все их прошения и устрашая мощью афинского флота окрестных варваров (Πλοῦταρχος, Περικλῆς, 20), то представители местных элит, к которым, скорее всего, принадлежал юноша, изображенный на таманской стеле, и после смерти стратега могли утверждать свой авторитет соседством с ним в монументальной скульптуре, тем самым демонстрируя союзное единство с Афинами и приверженность к общим политическим задачам и ценностям.

Образ Перикла Олимпийца на Таманском рельефе своей детализировкой и близким к оригиналу размером позволяет познакомиться с утраченным произведением Кресила и реконструировать его внешний вид (рис 2 а). Прежде всего стела подтверждает, что статуя Перикла имела те же особенности поворота головы, что и герма из собрания Британского музея. Также бросается в глаза, что общая композиция постановки фигуры компликативна. Согнутая левая рука с копьем на плече повторяет «Канон» Поликлета – статую Дорифора [16, с. 82]. Скорее всего, заимствование этого мотива стало причиной того, что этот бронзовый образ, созданный Кресилом, стали тоже называть «Дорифором» (Plinius, Naturalis Historia, XXXIV, 75). Правая же рука стратега, опущенная на щит, зеркально цитирует левую руку Афины Парфенос работы Фидия [11, с. 49], тем самым не только визуально связывая хрисоэлефантинную статую богини с ее главным заказчиком, но и сообщая Периклу исключительно афинскую торжественность. Однако в отличие от Дорифора и Афины Парфенос ноги стратега изображены в традиционной для строгого стиля героической позиции. Кресил повторил во всем кроме поворота головы позу, известную нам по Воинам из Риаче (Museo Nazionale Archeologico di Reggio Calabria, инв. № 12801, 12802), не нарушив сложившуюся иконографию героического памятника, добавив из нового только одежду.

Наличие хитона и поножей на статуе не удивляет. Вполне ожидаемо, что памятник политику, который возвысился за счёт ниспровержения партии калокагатов Кимона, а затем Фукидида (Αριστοτέλης, Αθηναίων πολιτεία, X, 28, 5; Πλοῦταρχος, Περικλῆς, 11), не может быть выдержан в псевдолаконской патетике строгого стиля. Недавно афиняне принимали за тайный портрет стратега на щите Афины Парфенос (Πλοῦταρχος, Περικλῆς, 31) изображение бородастого воина в хитоне (рис. 2 б), хотя прочие фигуры афинян в композиции преимущественно обнаженные. Но Кресил, как скульптор, не смог полностью порвать с воспитавшей его традицией строгого стиля, поэтому изобразил стратега анахронично в ко-

ринфском шлеме, а не в пилосе, как это сделал Фидий в композиции щита Афины (Aphrodisias Museum, инв. № 74-247).

Рис. 2. а) Статуя Перикла Олимпийца в Афинах. 429 г. до н. э.
Реконструкция И. В. Акилова

б) Изображение Перикла на щите Афины Парфенос. II в. н. э.
Музей Афродисия, Кария. Инв. № 74-247

в) Таманская стела с двумя воинами. IV в. до н. э.
ГМИИ им. А. С. Пушкина, Москва. Инв. № Ф-1601

Fig. 2. a) Statue of Pericles the Olympian in Athens. 429 BCE.
Akilov's reconstruction
b) Pericles' image on the shield of Athena Parthenos. 2nd century
CE. Aphrodisias Museum, Caria. Inv. № 74-247
c) Taman stele with two warriors. 4th century BCE. Pushkin State
Museum of Fine Arts, Moscow. Inv. № Ф-1601

Необходимо отметить, что круг произведений Кресила, который был за сто лет очерчен исследователями, не включает в себя ни одной статуи, схожей по иконографии с изображением на стеле. Но это потому, что еще никто не включил в этот круг статую Аполлона из Касселя, найденную в 1721 г. на вилле Домициана в Цирцеях (Kassel, Staatliche Kunstsammlung, инв. № Sk. 3) (рис. 3 а). Настоячивое желание видеть в нем реплику Аполлона Парнопия работы Фидия [18, р. 418–419] мешало понять, насколько Аполлон всеми деталями лицевой маски и декоративным решением локонов близок ватиканской герме Перикла и статуе Дитрефа (рис. 3 б, с, d).

По нашему мнению, Аполлон абсолютно согласуется с пластическим языком Кресила. Его пропорциональные и пространственные отношения между четко очерченными бровями, большими миндалевидными глазами, глубоко посаженными скулами, высокой переносицей, основанием носа, мягким ртом и массивным подбородком почти полностью идентичны чертам Перикла и Дитрефа. Все три статуи объединяет эклектичное сочетание заостренно архаизированных деталей

с общим реалистичным изобразительным строем. Из-за этого создается впечатление некоторой слащавой холерности и пассивной неуверенности образа. Нарочито томная красота работ Кресила резко контрастирует с мягким благородством творений Мирона или с величавым простодушием произведений Фидия и совсем далека от приземленной угрюмости статуй Поликлета. Искусство Кресила изысканно, но при этом лишено утверждения той силы человека, благодаря которой наследие его современников сумело стать эталонным для последующих поколений.

Нельзя не указать, что среди произведений критского мастера античные авторы ни разу не упоминают статую Аполлона. Однако в главном святилище этого бога – Дельфах – до наших дней дошла часть постамента статуи работы Кресила (Delphes Museum, инв. № SD 302). Этот расколотый надвое блок, 110,5 x 55 см и высотой 30,5 см (рис. 3 е), сохранил ионийскую сигнатуру скульптора:

**ΚΡΗΣΙΛΑΣ ΕΠΟΙΗΣΕ
ΕΚ ΚΥΔΩΝΙΑΣ**

Кресил из Кидонии сделал

Скорее всего, этот блок являлся нижней частью постамента статуи Аполлона Пифийского / Дельфиния, служение которому в оракуле Дельф осуществляли только выходцы с Крита.

По преданию, изложенному в VI в. до н. э. Кинифом Гомеридом с Хиоса в гимне Аполлону Пифийскому (Ὀμηρικό ἵμνοι, Εἰς Ἀπόλλωνα Πύθιον, 490–544), исключительная роль критян в святилище Дельфиния была изначально утверждена самим Аполлоном, поскольку именно они под его личным руководством воздвигли первый алтарь в Пифо. Будучи уроженцем критской Кидонии, дориец Кресил более прочих, не связанных с Критом скульпторов, подходил для изготовления ионийского статуарного приношения богу. На наш взгляд, тот факт, что отдельный жертвователю или целая община из Ионии воспользовались услугами дорийца для возведения памятника в эолийском святилище, говорит, что адресатом дара мог быть только Аполлон Пифийский.

Однако двадцать три мраморных реплики, восходящие к оригиналу Аполлона из Касселя, говорят о популярности этого произведения в римское время. Поскольку постамент дельфийской статуи был разрушен как раз в римский период, то можно предположить, что при Нероне работу Кресила забрали в Рим, а блок с сигнатурой использовали вторично для кладки одной из стен в Дельфах, о чем свидетельствуют следы на его верхней поверхности. Это может объяснить римскую популярность статуи и неизвестность ее автора.

Также нельзя не отметить, что распространенность мраморных реплик Аполлона работы Кресила согласуется скорее со статуей, установленной в Афинах, нежели в Дельфах. Исходя из этого, мы не можем исключить возможность, что

мастер воспроизвел свою статую для афинян и тем самым заработал себе славу, необходимую для создания посмертного памятника Периклу. Со слов Павсания (Περὶ ἡγεσις τῆς Ἑλλάδος, I, 19, 1) мы знаем, что статуя Аполлона Пифийского стояла в Афинах за храмом Зевса Олимпийского. Павсаний не указал имя скульптора, но логично предположить его критское происхождение, поэтому это вполне мог быть Кресил, поскольку нам не известен другой скульптор-критянин, работавший в главном полисе Атики.

Рис. 3. а) Аполлон из Касселя. I в. н. э. Дворец Вильгельмсхез, Кассель. Инв. № Sk. 3

б) Голова статуи Аполлона из Касселя. I в. н. э. Дворец Вильгельмсхез, Кассель. Инв. № Sk. 3

в) Голова гермы Перикла. II в. н. э. Музей Пино-Клементино, Ватикан. Инв. № 269

г) Голова статуи Дитрефа. II в. н. э. Музей Метрополитен, Нью-Йорк. Инв. № 25.116

е) Часть базы в Дельфах с сигнатурой Кресила. V в. до н. э. Археологический музей, Дельфы. Инв. № SD 302

Fig. 3. a) Apollo Kassel. 1st century CE. Schloss Wilhelmshöhe, Kassel. Inv. № Sk. 3

b) Head of the Apollo Kassel statue. 1st century CE. Schloss Wilhelmshöhe, Kassel. Inv. № Sk. 3

c) Head of the Pericles herm. 2nd century CE. Pio Clementino Museum, Vatican. Inv. № 269

d) Head of the Diitrephes statue. first century CE. Metropolitan Museum, New York. Inv. № 25.116

e) Part of the Delphi base with Kresilas' signature. 5th century BCE. Archaeological Museum, Delphi. Inv. № SD 30

Важно отметить, что статуя Аполлона стоит почти в той же позе, что и Перикл на Таманской стеле, только его голова не обращена к небу и опорной является левая нога. Очевидно, что Кресил повторил ее композицию для образа стратега, уложив его пальцы рук на щит Фидия и копьё Поликлета. Этими цитатами он связал ключевые произведения скульптуры довоенного времени, когда Афины процветали и был жив Перикл, тем

самым создав не только памятник выдающемуся стратегу, но и памятник целой эпохе.

Статуя Перикла не была востребована в период римского владычества. Можно предположить, что наличие хитона сообщило скульптурному образу некоторую заурядность, лишённую величавой репрезентативности, что и определило отсутствие интереса к полному копированию статуи. Отказ от наготы вполне укладывается в общий контекст переосмысления роли гражданина в аттическом искусстве. Стоит отметить, что уже Фидий не посмел изобразить Перикла в композиции Амазономахии обнаженным, хотя себя показал без хитона. Надо полагать, что уход от героизации, скорее всего, исходил от самого Перикла, который чувствовал зарождающийся скепсис в отношении себя у сограждан и не хотел лишний раз провоцировать их на пересуды. Таким образом, стратег не просто уловил изменения тенденций в монументальной портретной пластике, но, можно сказать, своей сдержанностью переформировал ее, частично предопределив дальнейшее развитие реализма в монументальном искусстве.

Кресил же, будучи приверженцем патетики строгого стиля, изобразил Перикла в коринфском шлеме, поставив его в один ряд с прославленными героями прошлого. И именно эта деталь сделала часть художественного образа актуальной для будущих поколений. Также и статуя Аполлона Пифийского сочетанием декоративной стилизации локонов с реализмом обнаженных частей послужила образцом гармонии для римского зрителя.

Выводы

В результате проведенных исследований мы предлагаем новое понимание изображения бородастого воина на Таманской стеле как посмертного образа афинского стратега Перикла в иконографии его бронзовой статуи работы Кресида 429 г. до н. э., реплики головы которой сохранились на мраморных гермах II в. н. э. На основании деталей рельефа нами была выполнена графическая реконструкция утраченной статуи стратега. Исходя из пластического сходства лицевых частей Аполлона из Касселя и головы Перикла на ватиканской герме, а также близости его позы с изображением Перикла на Таманском рельефе, мы предлагаем включить Аполлона из Касселя в круг реплик утраченных произведений Кресида. Благодаря этому открываются новые перспективы для анализа творческого наследия мастера и определения его вклада в развитие аттической скульптуры второй половины V в. до н. э.

Литература

1. Акилов И. В. Кресил / Кресилай – имя скульптора в отечественном искусствознании / И. В. Акилов, М. Н. Славятинская // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда.

Вестник РГХПУ имени С. Г. Строганова. – 2019. – № 1(1). – С. 119–127.

2. Bousquet, J. Inscriptions de Delphes / J. Bousquet // Bulletin de correspondance hellénique. – 1991. – Vol. 115 (1). – P. 167–181.

3. Keesling, C. M. The Hermolykos / Kresilas Base and the Date of Kresilas of Kydonia / C. M. Keesling // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. – 2004. Bd. 147. – P. 79–91.

4. Furtwängler, A. Masterpieces of Greek Sculpture / A. Furtwängler. – London : William Heinemann, 1895. – 488 p.

5. Kekule von Stradonitz, R. Über ein Bildnis der Perikles in den Königlichen Museen / R. Kekule von Stradonitz. – Berlin : Georg Reimer, 1901. – 22 s.

6. Raubitschek, A. E. Dedications from the Athenian Akropolis: A Catalogue of the Inscriptions of the Six and Fifth Centures B. C. / A. E. Raubitschek. – Cambridge : The Archaeological Institute of America, 1949. – 545 p.

7. Orlandini, P. Kresilas / P. Orlandini // Atti della Accademia nazionale dei lincei. – 1952. – Serie VIII, Vol. IV. – 336 p.

8. Frel, J. The Volneratus Deficiens by Kresilas / J. Frel // Bulletin of the Metropolitan Museum of Art. – 1970. – Vol. 29 (4). – P. 171–177.

9. Cohen, B. Perikles' Portrait and the Riace Bronzes: New Evidence for «Schinocephaly» / B. Cohen // Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens. – 1991. – Vol. 60 (4). – P. 465–502.

10. Савостина, Е. А. Стела с двумя воинами: археологический аспект / Е. А. Савостина // Таманский рельеф. Древнегреческая стела с изображением двух воинов из Северного Причерноморья. – М. : Индрик, 1999. – С. 25–30.

11. Риджвей, Б. С. Стела из Музея изобразительных искусств, найденная на Тамани / Б. С. Риджвей // Таманский рельеф. Древнегреческая стела с изображением двух воинов из Северного Причерноморья. – М. : Индрик, 1999. – С. 47–58.

12. Акимова, Л. И. «Встреча взглядов» на аттических надгробиях. К интерпретации Таманской стелы с воинами / Л. И. Акимова // Таманский рельеф. Древнегреческая стела с изображением двух воинов из Северного Причерноморья. – М. : Индрик, 1999. – С. 177–204.

13. Савостина, Е. А. Таманский рельеф в контексте традиций Боспора и Аттики / Е. А. Савостина // Таманский рельеф. Древнегреческая стела с изображением двух воинов из Северного Причерноморья. – М. : Индрик, 1999. – С. 259–276.

14. Кнауэр, Э. Р. Некоторые соображения о стеле с воинами / Э. Р. Кнауэр // Таманский рельеф. Древнегреческая стела с изображением двух воинов из Северного Причерноморья. – М. : Индрик, 1999. – С. 163–176.

15. Трейстер, М. Ю. Аттический скульптор на Боспоре? / М. Ю. Трейстер // Таманский рельеф.

еф. Древнегреческая стела с изображением двух воинов из Северного Причерноморья. – М. : Индрик, 1999. – С. 112–116.

16. Штупперих, Р. Таманская стела и вопросы иконографии позднеклассических рельефов с воинами / Р. Штупперих // Таманский рельеф. Древнегреческая стела с изображением двух воинов из Северного Причерноморья. – М. : Индрик, 1999. – С. 78–95.

17. Клермонт, К. Стела с изображением двух воинов / К. Клермонт // Таманский рельеф. Древнегреческая стела с изображением двух воинов из Северного Причерноморья. – М. : Индрик, 1999. – С. 257–258.

18. Davison, C. C. Pheidias – The Sculptures & Ancient Sources / C. C. Davison, B. Lundgreen // Bulletin of the Institute of Classical Studies. – 2009. – Supplement 105. – Vol. 1. – 655 p.

Акилов Илья Валерьевич – старший преподаватель кафедры «Академическая живопись», Российский государственный художественно-промышленный университет имени С. Г. Строганова (Москва), e-mail: akiloff@yandex.ru. ORCID 0000-0001-8425-614X

Акилов Никита Валерьевич – старший преподаватель кафедры «Академическая живопись», Российский государственный художественно-промышленный университет имени С. Г. Строганова (Москва), e-mail: akilov.nik@yandex.ru. ORCID 0000-0003-3391-520X

Поступила в редакцию 20 марта 2024 г.

DOI: 10.14529/ssh240306

THE PERICLES AND PYTHIAN APOLLO STATUES: ON THE SCULPTURAL LEGACY OF KRESILAS

I. V. Akilov, N. V. Akilov

Stroganov Russian State University of Design and Applied Arts, Moscow, Russian Federation

This paper proposes a new understanding of the bearded warrior on the Taman stele as Pericles' postmortem image in the iconography of his statue by Kresilas. The stylistic difference between the two warriors on the relief is explained by the fact that the master copied the older warrior from an Attic model, and created the younger one entirely himself outside the Athenian sculpture school traditions. The image of Pericles on the stele allows us to reconstruct the lost monument. Based on the similarity of the Apollo Kassel and the facial features of the herm of Pericles in the Vatican and on the similar poses of the Apollo statue and the Pericles image, it is likely that the Apollo Kassel displays another lost work of Kresilas. Apollo stands in almost the same pose as the image of Pericles, differing only in the turn of his head and the mirror composition of his legs. Kresilas reused the position of Apollo's hands in the Pericles statue, placing the fingers on the shield of Athena Parthenos by Pheidias and the spear of Doryphoros by Polykleitos. With these allusions, he linked key works of pre-war sculpture, creating not only a monument to Pericles, but also a monument to an entire era.

Keywords: classical Greek sculpture, Kresilas, Pericles statue, Taman stele with warriors, Apollo Kassel.

References

1. Akilov I.V., Slavyatinskaya M.N. Kresil / Kresilay – imya skul'ptora v otechestvennom iskusstvoznanii [Kresilas / Kresilaus – The Name of the Sculptor in the Domestic Art Criticism] // *Dekorativnoe iskusstvo i predmetno-prostranstvennaja sreda. Vestnik RGHPU imeni S. G. Stroganova*. 2019. № 1(1). S. 119–127.
2. Bousquet J. Inscriptions de Delphes // *Bulletin de correspondance hellénique*. 1991. Vol. 115 (1). P. 167–181.
3. Keesling C.M. The Hermolykos / Kresilas Base and the Date of Kresilas of Kydonia // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 2004. Bd. 147. P. 79–91.
4. Furtwängler A. Masterpieces of Greek Sculpture. London: William Heinemann, 1895. 488 p.
5. Kekule von Stradonitz R. Über ein Bildnis der Perikles in den Königlichen Museen. Berlin: Georg Reimer, 1901. 22 s.

6. Raubitschek A.E. Dedications from the Athenian Akropolis: A Catalogue of the Inscriptions of the Six and Fifth Centures B.C. Cambridge: The Archaeological Institute of America, 1949. 545 p.
7. Orlandini P. Kresilas // *Atti della Accademia nazionale dei lincei*. 1952. Serie VIII, Vol. IV. 336 p.
8. Frel J. The Volneratus Deficiens by Kresilas // *Bulletin of the Metropolitan Museum of Art*. 1970. Vol. 29 (4). P. 17–177.
9. Cohen B. Perikles' Portrait and the Riace Bronzes: New Evidence for «Schinocephaly» // *Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens*. 1991. Vol. 60 (4). P. 465–502.
10. Savostina E.A. Stela s dvumya voynami: arkhеologicheskii aspekt [A Stele with two Warriors: The Archaeological Angle] // *Tamanskij rel'ef. Drevnegrecheskaja stela s izobrazheniem dvuh voinov iz Severnogo Prichernomor'ja*. M.: Indrik, 1999. S. 25–30.
11. Ridgway B.S. Stela iz Muzeya izobrazitel'nykh iskusstv, naydennaya na Tamani [A Stele from the Museum of Fine Arts Found in Taman] // *Tamanskij rel'ef. Drevnegrecheskaja stela s izobrazheniem dvuh voinov iz Severnogo Prichernomor'ja*. M.: Indrik, 1999. S. 47–58.
12. Akimova L.I. «Vstrecha vzglyadov» na atticheskikh nadgrobiyakh. K interpretatsii Tamanskoj stely s voynami [“Eye Contact” Motif in Attic Grave Reliefs] // *Tamanskij rel'ef. Drevnegrecheskaja stela s izobrazheniem dvuh voinov iz Severnogo Prichernomor'ja*. M.: Indrik, 1999. S. 177–204.
13. Savostina E.A. Tamanskij rel'ef v kontekste traditsiy Bospora i Attiki [The Taman Relief in the Context of Bosporan and Attic Traditions] // *Tamanskij rel'ef. Drevnegrecheskaja stela s izobrazheniem dvuh voinov iz Severnogo Prichernomor'ja*. M.: Indrik, 1999. S. 259–276.
14. Knauer (Kezia) E.R. Nekotorye soobrazheniya o stele s voynami [Some thoughts on the stele with warriors] // *Tamanskij rel'ef. Drevnegrecheskaja stela s izobrazheniem dvuh voinov iz Severnogo Prichernomor'ja*. M.: Indrik, 1999. S. 163–176.
15. Trester M.J. Atticheskij skul'ptor na Bospore? [Attic Sculptors in Bosporos?] // *Tamanskij rel'ef. Drevnegrecheskaja stela s izobrazheniem dvuh voinov iz Severnogo Prichernomor'ja*. M.: Indrik, 1999. S. 112–116.
16. Stupperich R. Tamanskaya stela i voprosy ikonografii pozdneklassicheskikh rel'efov s voynami [Taman Stele and Issues of Iconography of Late Classical Reliefs with Warriors] // *Tamanskij rel'ef. Drevnegrecheskaja stela s izobrazheniem dvuh voinov iz Severnogo Prichernomor'ja*. M.: Indrik, 1999. S. 78–95.
17. Clairmont Ch.W. Stela s izobrazheniem dvukh voinov [A Stele with Two Warriors] // *Tamanskij rel'ef. Drevnegrecheskaja stela s izobrazheniem dvuh voinov iz Severnogo Prichernomor'ja*. M.: Indrik, 1999. S. 257–258.
18. Davison C.C., Lundgreen B. Pheidias – The Sculptures & Ancient Sources // *Bulletin of the Institute of Classical Studies*. 2009. Supplement 105, Vol. 1. 655 p.

Ия В. Акилов – Senior Lecturer of the Department of Academic Painting, Stroganov Russian State University of Design and Applied Arts (Moscow), e-mail: akiloff@yandex.ru

Nikita V. Akilov – Senior Lecturer of the Department of Academic Painting, Stroganov Russian State University of Design and Applied Arts (Moscow), e-mail: akilov.nik@yandex.ru

Received March 20, 2024

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Акилов, И. В. Статуи Перикла и Аполлона Пифийского: к вопросу скульптурного наследия Кресила / И. В. Акилов, Н. В. Акилов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2024. – Т. 24, № 3. – С. 56–63. DOI: 10.14529/ssh240306

FOR CITATION

Akilov I. V., Akilov N. V. The Pericles and Pythian Apollo statues: on the sculptural legacy of Kresilas. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2024, vol. 24, no. 3, pp. 56–63. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh240306

ПЕЙЗАЖ В ТВОРЧЕСТВЕ ХУДОЖНИКОВ УРАЛА 1960–1970-х ГОДОВ

О. А. Ковтун, Е. Н. Кондакова

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

Представители гуманитарных наук отмечают в современном мире, наряду с глобальным кризисом культуры, кризис идентичности человека, связанный с разрушением традиционной системы ценностей. Потребность в определении идентичности, а также активное включение уральского искусства в мировой художественный процесс актуализирует изучение региональных пейзажных школ 1960–1970-х годов, которые аккумулируют философские концепты русской культуры. Пейзажные школы 1960–1970-х годов стали как предвестием перемен в отечественном искусстве, так и стимулом к выявлению черт уральской общности в творчестве уральских художников в контексте общесоюзного искусства указанного времени.

Статья посвящена анализу развития пейзажного жанра на примере произведений художников Урала 1960–1970-х годов, представленных в музейных собраниях Урала, и выявлению стилевых особенностей и своеобразия уральской пейзажной живописи. Методологической базой в данной статье является комплексный подход, позволяющий рассмотреть пейзаж Урала как целостное, динамичное, развивающееся явление. Культурно-исторический подход позволил интерпретировать тему национального пейзажа в творчестве уральских художников и его значительную роль в формировании ментальности и творческой личности художника. Методы искусствоведческого анализа: формально-стилистический, иконологический и сравнительно-стилистический позволили выявить стилевые и образно-художественные черты уральского пейзажа. В статье обосновывается и конкретизируется значимость пейзажного жанра для художественной жизни уральского региона в 1960–1970-х годов и его роль в формировании концепта образа Урала в общесоюзном художественном процессе указанного времени, когда были созданы классические произведения новой стилистики.

Ключевые слова: пейзажный жанр, уральская пейзажная живопись, суровый стиль, идентичность, региональная культура, ментальность.

Введение

Наряду с глобальным кризисом культуры в современном мире представители гуманитарных наук отмечают кризис идентичности человека, связанный с разрушением традиционной системы ценностей. Потребность в определении собственной и культурной идентичности, а также активное включение уральского искусства в мировой художественный процесс актуализируют изучение отечественной реалистической традиции, которая наиболее полно реализуется в пейзажном жанре, который аккумулирует философские концепты русской культуры. Пейзажные школы 1960–1970-х годов стали как предвестием перемен в отечественном искусстве, так и стимулом обращения к региональным художественным практикам российских регионов и анализу изобразительного искусства Урала.

Актуальность изучения пейзажного жанра в творчестве уральских художников 1960–1970-х годов определяется тем, что осмысление художественного своеобразия искусства уральского региона начинается в шестидесятые годы, что обусловлено новым этапом развития отечественного искусства, связанным с поколением «суровых», для которых было характерно неприятие стереотипов и норм в искусстве, которые потеряли жизненную подлинность [1, с. 9–10]. Процесс демократизации способствовал развитию искусства

регионов, росту национальных культур и актуализации нестоличных художественных школ. Кроме того, анализ уральской культуры как региональной способствовал выявлению черт местной специфики творчества уральских художников в общесоюзном искусстве с позиций анализа столичных и провинциальных взаимовлияний.

Анализ каталогов зональных художественных выставок, которые регулярно проводятся в уральском регионе с шестидесятых годов двадцатого века, дает основание исследователям отметить доминирование пейзажного жанра по сравнению с другими жанрами изобразительного искусства, представленными на выставках. Материалы республиканских, зональных художественных выставок 1960–1970-х годов показывают, что при всем тематическом многообразии уральского пейзажа можно выделить жанрово-стилистическое предпочтение природного пейзажа, в котором наиболее полно реализуется специфика уральского менталитета, что обусловлено географией края, «метафизикой места». В пейзажной живописи уральских художников шестидесятых годов проявляются в основном две тенденции: с одной стороны, развитие традиции русского лирического пейзажа, основанного на натурном этюде, с другой стороны, монументализация образа природы Урала, создание картины-пейзажа, подчеркивающей эпический величественный образ природы Урала [2, с. 82].

Цель данной статьи – выявить художественное своеобразие пейзажного жанра Урала 1960–1970-х годов, показать своеобразие стилевых и определенных региональных особенностей пейзажного жанра в творчестве ведущих уральских художников в контексте влияния традиций русского реалистического пейзажа и «сурового стиля», его роль в формировании образа уральской природы.

Обзор литературы

Характер творчества русских художников-пейзажистов второй половины XIX века нашел отражение в работах А. Н. Бенуа и И. Э. Грабаря. А. А. Федоров-Давыдов, создатель фундаментальных исследований по истории русской и советской пейзажной живописи, в своих работах уделяет большое внимание истории становления и развития русской пейзажной живописи XIX – начала XX века, которые он связывает с именами А. Саврасова, В. Поленова, В. Васнецова, А. Куинджи, И. Левитана, А. Серова и К. Коровина. В своей монографии «Советский пейзаж» (1958) А. Федоров-Давыдов рассмотрел историю развития пейзажной живописи в СССР до 1950-х годов, но период становления пейзажного жанра 1960–1970-х годов в трудах создателя фундаментальных исследований по истории русской и советской живописи не освещался [3, с. 61].

Фундаментальный труд В. С. Манина «Пейзаж. Русская живопись» посвящен истории развития русского пейзажа, в котором он в том числе подчеркивает изменение пейзажного образа в творчестве художника под влиянием национального природного ландшафта [4]. В трудах К. Г. Богемской [5], В. Д. Леняшина [6], О. Р. Никулиной, В. Н. Стаевича, Г. К. Черлинка [7] рассматривается история пейзажного жанра в истории искусства на разных этапах исторического развития.

Пейзажному жанру и его роли в создании живописной школы на Урале включая период 1960–1970-х годов посвящены работы Г. В. Гольнец, С. В. Гольнец [8], Т. А. Мамыкиной, Г. С. Трифоновой [9].

Изучению этнокультурного своеобразия пейзажного жанра, архетипических оснований художественной образности пейзажа, выделению местных школ по своеобразию стилевых признаков посвящены исследования А. А. Каменского, Е. С. Медковой, Л. И. Нехвядович, Т. М. Степанской. Тема синтеза русского национального пейзажа и современного искусства, а также влияния на дальнейшее развитие пейзажного жанра в отечественной живописи XX века остается актуальной и подлежит дальнейшему исследованию.

Методы исследования

Ведущим в анализе уральского пейзажа является комплексный подход, позволяющий рассмотреть пейзаж Урала как целостное, динамичное, развивающееся явление. В процессе исследования были использованы методы искусствоведческого ана-

лиза – формально-стилистический, иконологический и сравнительно-стилистический, что позволило выявить стилевые и образно-художественные черты уральского пейзажа. Культурно-исторический подход позволил интерпретировать художественные произведения и прийти к пониманию художественного процесса с точки зрения особенностей региональной культуры и истории ментальности.

Результаты и дискуссия

В статье рассмотрены произведения пейзажной живописи ведущих художников Урала – Мосина Геннадия Сидоровича (1930–1982), Метелева Германа Селиверстовича (1938–2006), Неясова Василия Андреевича (1926–1984), Бубнова Владимира Васильевича (1930–2013), Кучмы Ивана Афанасьевича (1930–2007), Болотских Ивана Егоровича (1933–2012), Домашникова Бориса Федоровича (1924–2003), Бурзянцева Александра Даниловича (1928–1997), работы которых иллюстрируют развитие тенденций в пейзажной живописи Урала 1960–70-х годов.

Творчество этих художников было связано с художественной жизнью Свердловска, Челябинска, Уфы в шестидесятые годы двадцатого века. Художественная среда каждого из указанных центров, несмотря на общие черты, имела характерные особенности и своего рода специализацию в том или ином виде изобразительного искусства, что позволяет выделить своеобразие стилевых признаков не только региона, но и отдельной уральской области.

Уральская пейзажная живопись 1960–70-х годов коррелировала с принципами советской живописи и развивается в двух направлениях, одни художники продолжают традиции русского национального пейзажа реалистической школы живописи, другие выбирают традицию русского импрессионизма, обогащенную пластическими идеями «сурового стиля». Пластический язык сурового стиля с его лаконичностью форм, обобщенностью, крупными планами, экспрессией художественной формы оказался особенно созвучен творчеству свердловских художников, как в полотнах на историко-революционную тему, так и в пейзажах Евгения Гудина, Геннадия Метелева, Николая Чеснокова. Стилистические черты регионального сурового стиля наиболее ярко проявились в пейзажах свердловского художника Геннадия Сидоровича Мосина. Творчество Г. Мосина приходится именно на период формирования «сурового стиля». Художник нашел точную пластическую форму для передачи величественной красоты уральской природы. Реализация пластического языка сурового стиля очевидна в пейзаже, написанном в шестидесятые годы «Пейзаж с горами» (1963). В семидесятые годы черты сурового стиля в творчестве Г. Мосина трансформируются и остаются в пластическом решении композиции, обогащенном декоративным решением формы и поэтической метафорой образа уральской природы «Кот Матфей» (1978). Образ уральской весны создают пейзажи «Март»

(1974) и «Весна» (1970). Пейзажный образ в картине «Весна» (рис. 1), по словам искусствоведа Г. С. Голынца, «...зрительно конкретен и в то же время не реален. Это пейзаж-иносказание об обновлении природы, о деревьях, имеющих, как и люди, свою судьбу» [10, с.79].

Рис. 1. Г. С. Мосин. Весна, 1972. х., м., 80x100.
Пермский государственный художественный музей
Fig. 1. G. S. Mosin. Spring, 1972. Oil on canvas, 80x100.
Perm State Art Museum

Ведущая тенденция в живописном осмыслении образа природы Урала в шестидесятые годы – развитие темы русского реалистического пейзажа. Среди приверженцев традиции русского лирического пейзажа, основанного на принципах «Союза русских художников» с опорой на пленэрное видение природы, можно назвать наиболее определившиеся челябинских художников: Болотских Ивана Егоровича, Неясова Василия Андреевича, Кучму Ивана Афанасьевича, а также уфимских художников Домашникова Бориса Федоровича, Бурзянцева Александра Даниловича.

На Урале наследником традиции мастеров «Союза русских художников» был Леонард Туржанский, который продолжил традиции лирического пейзажа и обогатил его новыми живописно-пластическими приемами. Интерпретация традиции русского лирического пейзажа реализована в пейзажах В. А. Неясова «На реке Нязе» (1962), И. А. Кучмы «После грозы» (1975).

Пленэрное переживание природы отличает пейзажи И. Е. Болотских «Грачи прилетели» (1978), «Весна» (1979). Особенно удалась художнику тонкая тональная и цветовая разработка холодного синего цвета от светло-голубого к насыщенному синему с учетом освещенности в картине с символическим названием «Грачи прилетели» (рис. 2).

Наряду с «традиционалистами», которые развивали принципы русского реалистического пейзажа, возник новый вид пейзажа, который, по мнению Манина, освоил пластические идеи и мировоззрение «сурового стиля» и соединил черты

обоих течений [11]. Этот синтез отличает пейзаж челябинского художника В. В. Бубнова «Озеро Тургояк» (1970). Отголоски сурового стиля проявляются в сумрачности пейзажа с ограниченной цветовой гаммой с использованием насыщенных сине-зеленых, жемчужно-серых цветов.

Рис. 2. И. Е. Болотских. Грачи прилетели, 1978. х., м. 111x69.
Магнитогорская картинная галерея
Fig. 2. I. E. Bolotskikh. The Crows have Returned, 1978.
Oil on canvas. 111x69. Magnitogorsk Picture Gallery

В шестидесятые годы пейзаж обогащается новыми мотивами и темами, возрастает значение индустриальной темы в пейзажной живописи. Со второй половины 1950-х годов в творчестве уральских художников появляется новая тема, связанная с освоением целинных земель. Теме освоения целинных земель посвящены графические циклы челябинского художника Михаила Ивановича Ткачева (1913–1995), в которых он выразил дух времени и его стиль [12, с. 33–37]. В заключительной серии «На целинных землях» (1965–1969) художник обратился к технике монотипии, которая привлекла его мягкостью тональных переходов и возможностью выразить лирическое свойство своего мироощущения, а также образное «авторское видение». Целинная серия художника включает как чисто пейзажные, так и жанровые работы, которые можно определить как «жанр-пейзаж», но в них доминирует пейзажный мотив, созвучный душевному состоянию человека [13, с. 132]. Все листы серии объединяет постоянно меняющееся и четко организованное «структурно пространство, цветом, тоном, лирическим настроением и гармонией человека и природы».

Лирическим характером и удивительным чувством гармонии отмечена работа художника «Осень» (рис. 3).

В семидесятые годы М. И. Ткачев обращается к чистому пейзажу. Образ родной природы, запечатленный в облике тонких берез, воплотил

ся в пейзажной серии «Березы России». Тонко и лирично художник передает оттенки переходного состояния природы и тончайшие нюансы световоздушной среды в работах «Ранний снег» (рис. 4) и «Грачиная песня» (1970). Графические серии М. И. Ткачева, посвященные образу природы Урала, одухотворены лирическим чувством художника.

Рис. 3. М. И. Ткачев Осень, 1959. монотипия. 46x 32.
Челябинский государственный музей
изобразительных искусств

Fig. 3. M. I. Tkachev. Autumn, 1959. Monotype. 46x 32.
Chelyabinsk of the State Museum of Fine Arts

Рис. 4. М. И. Ткачев. Ранний снег, 1970. Монотипия, 54x45.
Собственность автора

Fig.4. M. I. Tkachev. Early Snow, 1970. Monotype. 54x45

Во второй половине 1960-х годов происходит усиление местных региональных центров и в советской живописи появляется понятие местной пейзажной школы. В 1960-е годы пейзаж становится ведущим в творчестве уфимских художников. Художественная критика отмечает особое пейзажное видение и «эмоциональный принцип построения

пейзажного образа» в работах художников Бориса Федоровича Домашникова (1924–2003) и Бурзянцева Александра Даниловича (1928–1997) [14, с. 53–56]. Лирический пейзаж получил новое современное содержание и обогатился новыми мотивами в работах уфимских художников. Самым известным среди уфимских пейзажистов стал Б. Ф. Домашников. В конце пятидесятых годов художник отказывается от передачи световоздушной среды и трехплановой системы построения пространства и «...привносит в живопись стилизацию объектов пейзажа и условность в решении пейзажного пространства» [14]. Главным мотивом пейзажей художника становится жизнь маленьких уральских городков, окраин, поселков, околиц, окруженных отрогами горных хребтов Таганая и Зюраткуля, в которых каждый прозаический мотив одухотворен лирическим чувством художника «Город. Сатка» (1958), «Миньяр. Хмуро» (1960), «Городок в горах» (1963). В конце 1960 – начале 1970-х годов в советской живописи усиливается романтическая тенденция, увлечение традиционным народным искусством и фольклором [15, с. 44]. А. Д. Бурзянцев пишет виды уральских городков, где конкретный мотив эстетизируется в фольклорном ключе и усиливается декоративная звучность цвета, насыщенная синими, коричневыми, изумрудными оттенками «На Кара-Идели» (рис. 5).

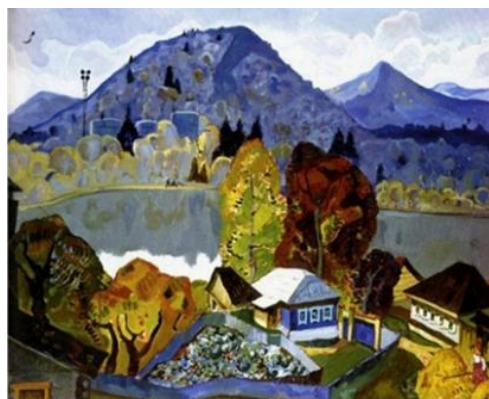

Рис. 5. А. Д. Бурзянцев. На Кара-Идели, 1974. х., м.
Башкирский государственный художественный
музей им. М. В. Нестерова

Fig. 5. A. D. Burzyantsev. On Kara-Ideli, 1974. Oil on canvas.
105x135. The Collection of the State Bashkir Art

Фольклорная интонация звучит и в творчестве Б. Ф. Домашникова семидесятых годов. Усиливается декоративность и романтизация образа уральской природы на основе обобщения характерных черт природы горного Урала. Образ уральской природы предстает как некая метафора таинственного былинного острова в окружении темных силуэтов елей в пейзаже «Уральский сказ» (рис. 6).

Композиция пейзажа с очень высоким горизонтом и синтезом плоскостного и глубинного пространственных планов, контрастами масшта-

бов, ритмов и тональными переходами от насыщенного сине-зеленого к изумрудно-фиолетовому приобретает мифопоэтическое содержание.

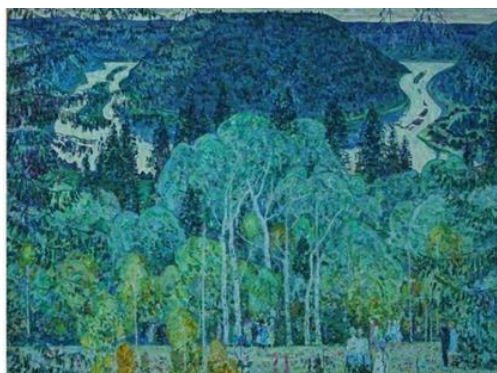

Рис. 6. Б. Ф. Домашников Уральский сказ, 1974. 120x 155. Башкирский государственный художественный музей им. М. В. Нестерова
Fig. 6. B. F. Domashnikov. Ural Tale, 1974. Oil on canvas. 120x 155. The Collection of the State Bashkir Art Museum. The Bashkir Nesterov State Art Museum

Творчество художников уральских культурных центров Свердловска, Челябинска и Уфы, известных в искусстве Урала и страны, при всем разнообразии творческого пути и авторских почерков характеризуется общим характером и составляют некую «уральскую общность» в образном и в пространственно-стилевом мышлении и воплощении образа природы Урала. Одним из признаков национальной художественной школы является наличие общих мотивов, стабильность композиционных схем, общий характер колорита и ведущая роль пейзажа в формировании ментальности художника [16, с. 241]. В пейзажах уральских художников можно наблюдать повторяемость мотивов с изображением высокого крутого спуска к реке на первом плане картины и силуэтами редких деревьев, которые подчеркивают высоту и крутизну берега, и обобщенные до предела синеющие на горизонте силуэты гор: В. А. Неясов «На реке Нязе» (рис. 7), Н. Г. Чесноков «Серый день на Койве» (рис. 8).

Начиная с А. К. Саврасова художников-пейзажистов волнует образ русской весны. Образ ранней весны – постоянный мотив в творчестве уральских художников И. Е. Болотских «Грачи прилетели» (1978), «Весна» (1979), Г. С. Мосин «Март» (рис. 9), А. Д. Бурзянцев «Половодье» (1964). Энергия роста, пробуждения, движения природы подчеркнута в картинах художников прямоугольным форматом холста с доминантой вертикали и ажурным кружевом ветвей деревьев. Внимание художников сосредоточено на передаче световоздушной среды, вибрации воздуха и голубых, синих и фиолетовых теней. В самих названиях работ уточняются оттенки настроения. Работа свердловского художника Николая Чеснокова «Голубая весна» (рис. 10), вероятно, навеяна известной картиной В. Н. Бакшеева «Голубая весна» (1930), но если Бакшеев изобража-

ет природу центральной России, то Н. Чесноков создает образ уральской весны и вносит в образный строй картины характерные черты природы горного Урала, иное восприятие и решение художественного пространства картины, которое является частью мироощущения художника и обусловлено «метафизикой места».

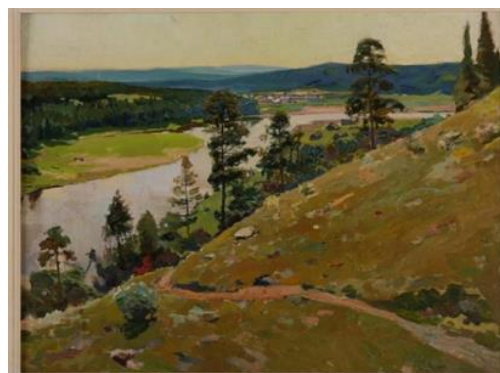

Рис. 7. В. А. Неясов. На реке Нязе, 1962, к., м. 60x80. Челябинский государственный музей изобразительных искусств

Fig. 7. V. A. Neyasov. On the River Nyaz, 1962. Oil on canvas. 60x80. Chelyabinsk of the State Museum of Fine Arts

Рис. 8. Н. Г. Чесноков. Серый день на Койве, 1980. х., м. 51x60

Fig. 8. N. G. Chesnokov. A Gray Day on the Koiva River, 1980. Oil on canvas. 51x60

Рис. 9. Г. С. Мосин Март, 1974. 52x40. Екатеринбургский музей изобразительных искусств

Fig. 9. G. S. Mosin. March, 1974. Oil on canvas. 52x40. Yekaterinburg Museum of Fine Arts

Рис. 10. Н. Г. Чесноков. Голубая весна, 1977. Х., м. 97x112.
Екатеринбургский музей изобразительных искусств
Fig. 10. N. G. Chesnokov. Blue Spring, 1977. Oil on canvas. 97x112. Yekaterinburg Museum of Fine Arts

Выводы

В результате проведенного искусствоведческого анализа пейзажной живописи Урала, на примере произведений ведущих художников Урала 1960–1970-х годов, представленных в музейных собраниях Урала, обозначены основные тенденции развития пейзажной живописи Урала, характерные стилевые и образно-художественные особенности и высокий уровень мастерства уральских пейзажистов, работавших в 1960–1970-х годах.

Стилистический анализ произведений пейзажной живописи Урала 1960–1970-х годов показывает преемственность традиций русского реалистического пейзажа, заложенных И. Левитаном и через Л. Туржанского нашедших продолжение в творчестве ведущих уральских художников. С другой стороны, можно отметить не только развитие принципов «традиционалистов», но и создание пейзажного образа, обогащенного пластикой «сурового стиля», новыми мотивами и темами, характерными для советской пейзажной живописи 1960–1970-х годов.

Результаты проведенного исследования позволяют говорить не только о причастности уральских мастеров пейзажа исследуемого периода к национальной русской художественной школе, но и о проявлениях региональной традиции в их творчестве.

Своеобразие же региональных особенностей природного пейзажа в творчестве уральских художников периода 1960–70-х годов, обусловлено географией края, положением в центре Евразийского пространства, общественно-историческими и общекультурными факторами. При всем многообразии почерков уральских художников их объединяет местная специфика, условная стилевая общность, обусловленная отбором общих типичных мотивов и тем в творчестве:

– выбор времени года в пейзаже, особый интерес художников к переходным состояниям природы, передаче различных моментов солнечного освещения и воздушной среды (весна, лето, осень), обусловленный личным впечатлением и переживаниями художников, и «уральским» характером;

– использование общих типичных мотивов и композиционных схем (торжественная многоплановая композиция), обусловленных природно-географическими факторами;

– общность колорита (ограниченная цветовая гамма с преобладанием холодных сине-голубых, зеленых насыщенных тонов), восприятие и организация пейзажного пространства с многоплановой перспективой уральских гор на горизонте, что обусловлено менталитетом уральцев, особенностями уральской природы, что порождает иное миропонимание, отражающееся в пейзажных работах уральских художников;

– преобладание пленэрного видения пейзажа с опорой на натурные впечатления, обогащенные пластическими идеями «сурового» стиля, влияние которого прослеживается в творчестве ведущих уральских художников.

Процесс трансформации стереотипа периферийного искусства в топос духовного возрождения можно рассматривать в качестве регионального признака уральского искусства пейзажа 1960–1970-х годов.

Литература

1. Морозов, А. И. Поколения молодых: Живопись советских художников 1960–1980-х годов / А. И. Морозов. – М. : Советский художник, 1989. – 256 с.
2. Байнов, Л. П. Художники Челябинска / Л. П. Байнов. – Челябинск : Южно-Уральское книжное изд-во, 1979. – 165 с.
3. Федоров-Давыдов, А. А. Советский пейзаж : монография / А. А. Федоров-Давыдов. – М. : Искусство, 1958. – 118 с.
4. Манин, В. С. Русская живопись XX века : в 3 т. / В. С. Манин. – СПб. : Аврора, 2007. – 3 т. – 415 с.
5. Богемская, К. Г. История жанров. Пейзаж / К. Г. Богемская. – М. : Аст-Пресс : Галарт, 2002. – 254 с.
6. Леняшин, В. А. Дорога и путь в живописи XIX–XX вв. / В. А. Леняшин // Дорога в русском искусстве ; ред. А. Лакс. – СПб, 2004. – С. 7–11.
7. Черлинка, Г. К. Пейзаж в советской живописи / Г. К. Черлинка. – М. : Знание, 1984. – 56 с.
8. Гольнец, Г. В. О региональных особенностях уральского искусства / Г. В. Гольнец, С. В. Гольнец // Литература Урала: История и современность : сборник статей. – Екатеринбург, 2006. – С. 48–53.
9. Трифонова, Г. С. Художественная культура Урала (1900–1980-е гг.). Художественная среда.

Музей. Художники : монография / Г. С. Трифонова. – Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2009. – 271 с.

10. Голынец, Г. В. Мосин. Живопись. Графика / Г. В. Голынец, С. В. Голынец. – М. : Наше наследие, 1995. – 79 с.

11. Манин, В. С. Русская пейзажная живопись / В. С. Манин. – М. : Белый город, 2000. – 631 с.

12. Трифонова, Г. С. Михаил Иванович Ткачев. Дорогами жизни и искусства : монография к 100-летию со дня рождения художника / Г. С. Трифонова. – Челябинск : Книга, 2013. – 191 с.

13. Байнов, Л. П. Художники Челябинска / Л. П. Байнов. – Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1979.

14. Капина, Т. Н. «Рационализм» в пейзажной живописи «шестидесятников» как один из принци-

пов построения художественного образа / Т. Н. Капина // Искусство Евразии. – 2018. – № 3 (10). – С. 48–58. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ratsionalizm-v-peyzazhnoy-zhivopisi-shestidesyatnikov-kak-odin-iz-printsipov-postroeniya-hudozhestvennogo-obraza> (дата обращения: 24.04.2024).

15. Никулина, О. Р. Природа глазами художника: Проблемы развития современной пейзажной живописи / О. Р. Никулина. – М. : Советский художник, 1982. – 175 с.

16. Степанская, Т. М. О единстве этнографического, исторического и художественного пространства / Т. М. Степанская // Известия Алтайского государственного университета. – 2010. – № 2 – 2. – С. 240–242.

Ковтун Ольга Автономовна – кандидат философских наук, доцент кафедры теологии, культуры и искусства, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: ol.kowtun2012@yandex.ru. ORCID 0000-0003-2609-5813

Кондакова Екатерина Николаевна – магистрант кафедры теологии, культуры и искусства, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: katya8280@inbox.ru. ORCID 0009-0009-3434-8711

Поступила в редакцию 5 мая 2024 г.

DOI: 10.14529/ssh240307

LANDSCAPE IN THE ARTWORK OF URAL ARTISTS OF THE 1960–70-s

O. A. Kovtun, E. N. Kondakova

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

In the modern world, along with the global cultural crisis, humanities scholars emphasize the crisis of human identity associated with the destruction of the traditional values. Due to the demand to define identity alongside the active integration of Ural art into the world artistic process, the study of regional landscape schools of the 1960–1970s accumulating philosophical concepts of Russian culture is highly relevant. Landscape schools of the 196–1970s became a precursor of changes in the national art and an incentive to identify the Ural community features in the work of Ural artists in the All-Union art of that time.

The article analyzes the development of landscape genre in the works of Ural artists of the 1960–1970s presented in the Ural museum collections. It reveals the style and unique features of the Ural landscape painting. The methodological basis of the article is a comprehensive approach to considering the landscape of the Urals as a holistic, dynamic and evolving phenomenon. The cultural and historical approach makes it possible to interpret the theme of the national Ural landscape and its significant role in shaping the mentality and creativity of Ural artists. Formal and stylistic, iconological, comparative and stylistic methods of art history analysis enable us to find out the stylistic and figurative artistic features of the Ural landscape. The article provides justification and specifies the significance of the landscape genre for the art of the Ural region in the 1960–1970s. It also highlights its role in the formation of the Ural image in the All-Union artistic process of the time when classic works of new stylistics were created.

Keywords: landscape genre, Ural landscape genre, severe style, identity, regional culture, mentality.

References

1. Morozov A.I. Pokoleniya molodykh: Zhivopis' sovetskikh khudozhnikov 1960–1980-h godov [Generations of Young People: Paintings of Soviet artists of the 1960–1980s]. M.: Sovetskiy khudozhnik, 1989. 256 s.
2. Baynov L.P. Khudozhniki Chelyabinska [Artists of Chelyabinsk]. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izd-vo, 1979. 165 s.
3. Fedorov-Davydov A.A. Sovetskiy peyzazh [Soviet Landscape]: monografiya. M.: Iskusstvo, 1958. 118 s.
4. Manin V.S. Russkaya zhivopis' XX veka [Russian Painting of the 20th Century]: v 3 t. SPb.: Avrora, 2007. 3 t. 415 s.
5. Morozov A.I. Pokoleniya molodykh: Zhivopis' sovetskikh khudozhnikov 1960–1980-h godov [Generations of Young People: Paintings of Soviet artists of the 1960–1980s]. M.: Sovetskiy khudozhnik, 1989. 256 s.
6. Baynov L.P. Khudozhniki Chelyabinska [Artists of Chelyabinsk]. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izd-vo, 1979. 165 s.
7. Cherlinka G.K. Peyzazh v sovetskoy zhivopisi [Landscape in Soviet painting]. M.: Znanie, 1984. 56 s.
8. Golynets G.V., Golynets S.V. O regional'nykh osobennostyakh ural'skogo iskusstva [About the Regional Features of Ural Art] // *Literatura Urala: Istoriya i sovremennost'*: sbornik statey. Ekaterinburg, 2006. S. 48–53.
9. Trifonova G.S. Khudozhestvennaya kul'tura Urala (1900–1980-e gg.). Khudozhestvennaya sreda. Muzei. Khudozhniki [Artistic Culture of the Urals (1900–1980s). Artistic Environment. Museum. Artists]: monografiya. Chelyabinsk: Izd-vo YuUrGU, 2009. 271 s.
10. Golynets G.V., Golynets S.V. Mosin. Zhivopis'. Grafika [Mosin. Painting. Graphic Arts]. M.: Nashe nasledie, 1995. 79 s.
11. Manin V.S. Russkaya peyzazhnaya zhivopis' [Russian Landscape Painting]. M.: Belyy gorod, 2000. 631 s.
12. Trifonova G.S. Mikhail Ivanovich Tkachev. Dorogami zhizni i iskusstva [Mikhail Ivanovich Tkachev. On the Roads of Life and Art]: monografiya k 100-letiyu so dnya rozhdeniya khudozhnika. Chelyabinsk: Kniga, 2013. 191 s.
13. Baynov L.P. Khudozhniki Chelyabinska [Artists of Chelyabinsk]. Chelyabinsk: Yuzh.-Ural. kn. izd-vo, 1979.
14. Kapina T.N. «Ratsionalizm» v peyzazhnoy zhivopisi «shestidesyatnikoV» kak odin iz printsipov postroyeniya khudozhestvennogo obraza [«Rationalism» in the Landscape Painting of the Sixties as One of the Principles of the Formation of the Artistic Image] // *Iskusstvo Evrazii*. 2018. № 3 (10). S. 48–58. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ratsionalizm-v-peyzazhnoy-zhivopisi-shestidesyatnikov-kak-odin-iz-printsipov-postroyeniya-hudozhestvennogo-obraza> (дата обращения: 24.04.2024).
15. Nikulina O.R. Priroda glazami khudozhnika: Problemy razvitiya sovremennoy peyzazhnoy zhivopisi [Nature through the Eyes of an Artist: Problems of Development of Modern Landscape Painting]. M.: Sovetskiy khudozhnik, 1982. 175 s.
16. Stepanskaya T.M. O yedinstve etnograficheskogo, istoricheskogo i khudozhestvennogo prostranstva [On the Unity of Ethnographic, Historical and Artistic Space] // *News of Altai State University*. 2010. № 2–3. S. 240–242.

Olga A. Kovtun – Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor of the Department of Theology, Culture, and Art, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: ol.kovtun2012@yandex.ru

Ekaterina N. Kondakova – Undergraduate of the Department of Theology, Culture, and Art, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: katya8280@inbox.ru

Received May 5, 2024

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Ковтун, О. А. Пейзаж в творчестве художников Урала 1960–1970-х годов / О. А. Ковтун, Е. Н. Кондакова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2024. – Т. 24, № 3. – С. 64–71. DOI: 10.14529/ssh240307

FOR CITATION

Kovtun O. A., Kondakova E. N. Landscape in the artwork of Ural artists of the 1960–70-s. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2024, vol. 24, no. 3, pp. 64–71. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh240307

РАССКАЗ КОНСТАНТИНА КОРОВИНА «ВЕЧЕР ВЕСНЫ»: К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ПРОЗЫ ХУДОЖНИКА

Н. В. Барковская, Е. А. Сунцова

*Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург,
Российская Федерация*

Статья посвящена анализу прозы К. Коровина – выдающегося художника и театрального декоратора рубежа XIX–XX вв. Мемуары Коровина позволяют рассмотреть отличие прозы художника от прозы не-художника. Проза Коровина характеризовалась в предисловиях к альбомам репродукций, в статьях, посвященных творчеству художника. В центре внимания анализа – соотношение и функции изобразительности и нарративности в рассказе «Вечер весны». В качестве сопоставительного материала привлекаются лирическая проза Бунина и фрагмент из лирико-философской поэмы Пришвина «Фацелия». Анализ рассказа «Вечер весны» подтвердил мысль о том, что проза художника имеет основным содержанием эстетическую рефлексию и саморефлексию. Однако у Коровина на первом плане оказывается не объект и не субъект творчества, а сам творческий процесс. Наряду с описательным (пейзажным) компонентом присутствует и сюжетный план, автор выступает в роли нарратора. Именно в сюжетных рассказах Коровин наиболее отчетливо говорит о той тайне природы, которая скрыта за визуально-чувственной стороной, и эта тайна сродни тайне художнического дара. В случае Коровина живопись и литература дополняют друг друга, поскольку и та, и другая – виды искусства. Коровин – художник в широком смысле слова, то есть человек-артист, живущий творчеством, и артистизм составляет суть его таланта.

Ключевые слова: импрессионизм в русской литературе, мемуарно-биографическая проза, взаимодействие видов искусства, творческая саморефлексия.

Введение

Константин Алексеевич Коровин (1861–1939) – замечательный художник рубежа XIX–XX вв., первый русский импрессионист, кроме того, он много работал как театральный художник, автор эскизов декораций и костюмов. Общительный и доброжелательный человек, он всегда находился в гуще культурной жизни Москвы и Петербурга, но при этом любил и деревенское уединение, где работал на пленэре. Его близкими друзьями были Валентин Серов и Исаак Левитан, Федор Шаляпин. В 1922 г. Коровин эмигрировал, жил в Париже. Счастливые годы молодости и активной работы остались позади. На склоне лет Коровин, замечательный рассказчик, пишет воспоминания. Мемуары Коровина, впервые опубликованные И. С. Зильберштейном и В. А. Самковым [1], подчинены определенной логике расположения материала – от детства к старости, но это скорее заслуга составителей, стремившихся выстроить более или менее последовательную «автобиографию» молодого Коровина, монтируя отдельные дневниковые записи, очерки, рассказы. Мемуары Коровина, вышедшие в периодической печати в Париже, были весьма фрагментарны. Но объединяет весь разнообразный материал личность рассказчика, его характер, его мировосприятие и, конечно, тот факт, что это воспоминания художника.

Мы разделяем мнение Е. Л. Кирилловой, полагающей мемуаристику метажанром [2, с. 9]. От-

дельные воспоминания Коровина могли оформляться как автобиографические заметки (о раннем детстве, о семье, о старой Москве, об учебе в Училище живописи, ваяния и зодчества, о беседах с друзьями-художниками), как мемуарные очерки (о поездке на Север по заданию Саввы Мамонтова, о Всемирной промышленной выставке в Париже, о Шаляпине) и как сюжетные рассказы о необычных людях старой Москвы, о случаях на охоте, о домашних питомцах, которых Коровин нежно любил.

Обзор литературы

Проза Коровина уже привлекала внимание критиков и исследователей. Авторы вступительных статей и комментариев к публикациям произведений Коровина (названные выше И. С. Зильберштейн и В. А. Самков; Т. С. Ермолаева [3]) характеризуют личность автора, дают краткий очерк творчества. Живописность и мастерство сюжетостроения, легкую интонацию Коровина-рассказчика, близость к Чехову, Бунину, Куприну отмечают авторы журнальных публикаций (например, Л. Давтян [4]).

Книга Александра Киселева содержит обширный биографический материал, подробно раскрывает перед читателем личность Коровина, жизненного и романтика [5]. Научное исследование воспоминаний Коровина (наряду с воспоминаниями Л. И. Бенуа и М. В. Добужинского) предпринято в диссертации А. В. Гальковой [6], приходящей к выводу, что проза Коровина подчинена теме ис-

куства, повествование о творчестве для него важнее повествования о жизни. Мемуары художников исследованы как эготексты об искусстве, в которых авторы репрезентируют концепцию собственного творчества, показывают становление личности творца – художника нового типа в ситуации слома культурной парадигмы [6, с. 7]. В. Силантьева [7] сопоставляет импрессионистическую манера письма Коровина и Чехова.

Учитывая плодотворные наблюдения предшественников, в данной статье мы сосредоточимся на одном вопросе: чем отличается проза художника от прозы не-художника? в чем кроется специфика прозы художника? К этому подталкивает автохарактеристика, данная в одном из писем Коровина близкому другу: «Маленькая странность: вот я в промежутках живописи, так как не охотник [до] праздности, пишу рассказы – это ведь искусство, литература. Пишу наитием, будто для каких-то несуществующих друзей. Пишу от любви к людям, не идейно, не поучая никого, а как художник» [4, с. 55].

Методы исследования

В качестве методологической основы необходимо обратиться к трактовкам взаимодействия живописи и литературы как видов искусства. Н. А. Дмитриева в книге «Изображение и слово» рассматривает вопрос: насколько может быть плодотворен «обмен опытом» между словесным и изобразительным искусством и не наносит ли он ущерба неповторимым преимуществам каждого из них. Автор рассматривает взаимное влияние литературы и живописи на примере произведений А. П. Чехова, Л. Н. Толстого, Н. В. Гоголя и Данте. Подводя итог, Н. А. Дмитриева отмечает принципиальное различие образов двух видов искусства, подчеркивая интеллектуальный характер словесного образа: «...художественная литература непосредственно выражает реакцию сознания на явления и опосредованно создает представления о самих явлениях в их чувственном бытии. (...) Сила литературной изобразительности прямо пропорциональна силе выражения интеллектуально-эмоциональной оценки. Такова природа слова. Слово не может быть точным эквивалентом предмета, но словесная речь – это единственный точный эквивалент наших мыслей» [8, с. 46]. На сходстве предметной изобразительности в живописи и в литературе строит свои рассуждения Б. Е. Галанов в книге «Живопись словом: Человек, пейзаж, вещь» [9]. «Литературной живописью» называет В. Альфонсов особенности взаимоотношений художников-импрессионистов с литературой. Ведь именно эта живопись обладает особым напряженным внутренним сюжетом, в центре которого художник и мир [10, с. 233].

В «Теории литературы» под ред. Н. Д. Тamarinchenko заостряется проблема особого характера изобразительности в словесном искусстве: «Читая

яркие словесные описания, мы, конечно, видим; но видим мы совсем иной предмет и иную действительность, нежели то, что было в нашем опыте и есть вокруг нас» [11, с. 121]. В словесном искусстве нет полноты конкретно-чувственной наглядности пейзажей, портретов и прочих описаний. Литература как искусство слова не преследует достоверной наглядности, она дает воображаемый предмет как зримый, но не соотношенный с эмпирической реальностью. Однако словесный образ, не будучи наглядным, является, тем не менее, конкретным, и эта конкретизация воображаемого изображения достигается с помощью сравнений, метафор, метонимий – то есть с помощью собственно словесных приемов выразительности. С. Зенкин полагает, что традиционное правдоподобие в литературных произведениях воспроизводило не внешнюю реальность, а лишь условные схемы и мнения. Текст – семиотическая структура, он не изображает, а указывает на действительность, на реальные и вымышленные денотаты, создавая референциальную иллюзию – и это, так сказать, «внешний мимесис». Литература с помощью дискретных единиц создает континуальное подобие реального мира, чему способствует «иколическая» коннотация слова [12, с. 293].

Таким образом, базовое отличие литературы от изобразительного искусства заключается в том, что непосредственный предмет изображения в литературе, как писал М. М. Бахтин, речь, речевая деятельность людей, все остальные уровни содержания возникают в сознании читателя косвенно, из слов, поэтому писатель дает не непосредственно-зримый образ предмета, а воображаемый, мысленный. Вместе с тем, речь не только предмет изображения в литературе, но и средство создания образов [13, с. 289]. Отсюда и возникает проблема соотношения изобразительности и нарративности, особенно существенная для прозаических жанров. Не вдаваясь в изложение основных положений нарратологии, мы будем понимать нарратив как «...род дискурса, характеризующийся тем, что “рассказывает некоторую историю”; сюжетно-повествовательное высказывание (...), придающее своему предметно-смысловому содержанию статус события, что делает его двоякособытийным: “Перед нами два события – событие, о котором рассказано в произведении, и событие самого рассказывания...”» [14, с. 134].

Результаты и дискуссия

Воспоминания Коровина, как уже говорилось выше, тяготеют к разным жанрам, и соотношение изобразительности (описательности) и нарративности будет варьироваться: в очерках о поездках на Север преобладает пейзажность, декоративность, в рассказах об охоте и забавных случаях из прошлого – сюжетность. Для подробного анализа мы выбрали рассказ «Вечер весны», поскольку в нем присутствуют оба начала: и рассказ о со-

бытия на охоте, и описание весеннего леса и неба. Кроме того, этот рассказ – один из немногих, где на первом плане не другие люди, а сам рассказчик, его чувства и мысли. В рассказе переплетаются событийный, пейзажный и психологический типы сюжета. Проследим за их развитием, стараясь уловить специфику прозы, созданной художником-импрессионистом.

В небольшом рассказе можно выделить три части: вечер, утро, снова вечер. Начинается повествование с описания, в котором весенняя природа подчеркнута дана в восприятии повествователя, вся проникнута его чувствами.

Вечер весны

Красой зеленой покрывает солнце землю, посыпает ее цветами, но в вечернем сумраке весны, в заре вечерней есть весной какая-то тайная печаль. Я всегда чувствовал в вечер весны грусть глубокую.

Среди серого мелколесья, у склона и ручья, где за сучьями обнаженной ольхи потухала вечерняя заря, где в тишине леса замирают звуки соловьиной песни, я стоял на тяге, в ожидании, когда появится, коркая, вальдинеп.

Я чувствовал грусть и одиночество. Помню, рядом со мной стояла на тяге знакомая милая женщина, и я чувствовал от нее еще большую тревогу в сердце.

С тяги я шел домой по талой потемневшей в сумраке вечера земле. Передо мной, далеко за мелколесьем, темнела среди больших берез и лип крыша моего дома, и дом мой сливался с печалью вечера. Все кругом было в тишине вечерней. Я вижу, как из дому идет мой дед-сторож, несет кринку молока, и корова стоит у сарая, и все как-то тихо, печально. И глухо в доме у меня» [1, с. 462].

Грусть, печаль, тишина и сумрак наполняют картину. Никаких событий не происходит (например, не сообщается, была ли удачной охота), герой погружен в себя и в созерцание природы, с которой слит чувствами. И далее мотив печали будет звучать все настойчивее, и в образе круглой луны («розовый кружок на лиловой мгле ночного неба»), и в запахе весенней мокрой земли. Цветовых деталей немного, потому что и лес еще не одет, и в сумраке вечера цвет растворяется, но есть ощущение пространства, открытого вдаль (за моховым болотом расстилаются леса) и ввысь (к темнеющему небу), «в даях лесов и в месяце – была та же тайная печаль». Очень выразительна тихая мелодика самого текста: обилие инверсий («в заре вечерней», «грусть глубокая», «тишина вечерняя», «дом мой»), однотипность зачинов предложений, что напоминает анафорический повтор («Я чувствую...», «и я чувствовал...», «я

шел...», «я вижу...», «Я вхожу...», «почувствовал я...»; «и дом мой...», «и корова...», «и все как-то тихо...», «и глухо»), повторы ключевого слова «печаль». Используется такое специфическое литературное средство, как звукопись (вероятно, как аналог цветового колорита в живописи): аллитерация на звуки [в], [ч] и ассонанс звука [е] («Вечер весны», «в вечернем сумраке весны, в заре вечерней есть весной какая-то тайная печаль»).

Повествователь прямо называет свои чувства: «Я чувствую грусть и одиночество». В этом случае даже трудно сказать, являются ли эти чувства пережитыми в прошлом на родине или сейчас, когда пишутся воспоминания, потому что глагол «чувствую» стоит в настоящем времени. И уже в следующем предложении глаголы «возвращаются» в прошедшее время: «стояла», «чувствовал».

Элегическое настроение, казалось бы, не соответствует весеннему пробуждению природы, а одиночество – присутствию «милой женщины». Однако ни разу не использовано местоимение «мы», повествователь ощущает себя слитым с атмосферой вечера, но отдельно от людей, это «чужая молодая женщина», из другого мира: «И почувствовал я, что эта женщина – не что иное, как молчащее любопытство, что жизнь окутывает меня какой-то тревогой людского базара, где обольщение называется любовью, где честь почитают за глупость, а обман за ум, где плутовство и выгода – бытие» [1, с. 462]. И только когда запыхал огонь в камине, когда повествователь взялся за кисти – фигура женщины показалась уместной деталью картины: «Огонь веселит освещенные стены моей деревенской мастерской, и как красиво блестят золотые с синим фарфоровые вазы, стоящие на окне, за которым видны темные силуэты высоких елей. Все кругом одна симфония весенней ночи: вазы на посинелом окне, темные ели, фигура молодой чужой женщины – все сливается в одно: ночь. И краски, которые я кладу на холст, звучат в разнообразии, и сущность живет в моем очаровании от окружающего молчания ночи» [1, с. 462]. Если фонетическая выразительность слов выступала подобием цветового минорного колорита (сумрак, розовый кружок на лиловом фоне), то здесь звучат – краски. «Тайная печаль» сменяется «очарованием зорь весенних», призраком счастья, надеждой на какую-то небывалую жизнь.

Во второй, условно выделенной нами части, элегизм вечера сменяется мажорным настроением: «А рано утром все было другое. Было радостно» [1, с. 463]. Много света: «ясное утро», «ее темно-карие глаза пронизывало солнце», «синяя даль» неба с белыми облаками кажется «веселой», «блестящая мельница», «светлая вода». Повествователь торопится запечатлеть утреннюю красоту и радость: «Надо скорей собрать краски (...) писать эту голубую даль, эти розовые ветви кустов у загородки, березы, за которыми так потонула

в весенних ветвях калитка сада». Однако гостя не понимает, зачем так много работать, разве художник рассчитывает получить награду? Пусть не деньги, но, например, любовь? И тут художник признается, что хотя некоторым и нравятся его картины, но он всегда чувствовал себя немного «отверженным», не таким, как все: «Я даже привык быть как-то всегда в чем-то виноватым». Его упрекают за выбор пейзажей для картин, многие поучают, что и как надо писать красками – то есть он не отвечает ожиданиям публики: «Я уже привык, что я не такой, как нужно. И никаких наград и любви я не жду» [1, с. 464]. Гостя упрекает его за надуманную внутреннюю сложность, говорит, что нужно просто брать от жизни то, что она дает. И повествователь раздумывает, что, действительно, так, наверное, и надо жить. Вместе с тем, нарастает его отчуждение от людей. Приехал муж женщины, с ним его приятель. Он профессор, оба говорят громко и самоуверенно, их образы несколько карикатурны (один высокий и худой блондин, другой низенький и плотный брюнет). Эпизод во время чаепития еще более резко разводит приехавших и художника. Гости недовольны тем, что собака хозяина положила голову на колени одному из них – дескать, она пачкает брюки, она дурно воспитана, надо наказывать ее арапником, на что художник отвечает, что он никогда не бьет собаку арапником, потому что «собака – самое тактичное и верное, благороднейшее существо на земле». И повествователь думает: «Какие они другие люди».

Вечером все идут на тягу. В этой заключительной части рассказа описаний природы почти нет. Мужчины остались на склоне холма, рассказчик отправился вниз, на край болота. Женщина пошла с ним, видимо, надеясь продолжить разговор. Она недовольна, что художник взял с собой собаку, а собака, казалось бы, не очень одобряет поведение хозяина: когда художник сел рядом с женщиной, Польшон «...подошел ко мне близко и смотрел на меня желтыми глазами» [1, с. 465]. Нарастающую неловкость разрядил выстрел художника, подстрелившего вальдшнепа, женщина вскрикнула. И тут же раздался в лесу «невероятный, чудовищный крик», напугавший всех и положивший конец охоте. Это кричал, чуя весну, лось. И только охотник Герасим, крестьянин и приятель художника, сказал, хитро улыбаясь: «Это тебя волк стращал... Не будешь больше с чужой барынькой на тягу-то ходить» [1, с. 465].

Рассказ, начавшись тишиной, завершился «страшным и непонятным звериным криком». Слово сама природа предостерегает героя от опрометчивого соблазна, знаменует собой ту исконную, могучую и грозную силу пола, тот эрос, который так противоположен тихой красоте природы, ее гармонии и свету – тому, что так вдохновляло художника Коровина.

В рассказе противопоставлены самодостаточный мир природы, прекрасной и грозной одновременно, и пошлый мир людей. Коровин – поклонник красоты, и милая женщина несет на себе отблеск прекрасного, что особенно заметно в сцене утреннего умывания, когда в глазах женщины отражается солнце. Но она остается чужой, а слова ее свидетельствуют о душевной нечуткости. В какой-то степени в рассказе чувствуется влияние софиологии В. С. Соловьева, корни учения которого о Вечной Женственности как душе Всеединого уходят и к католическому средневековью, и к восточнохристианской софиологии [15, с. 9]. Общей с мифотворчеством Серебряного века является и мысль о том, что Душа мира, становясь пленницей земного мира, искажается в демонического двойника. В героине рассказа нет ничего демонического и таинственного, это заурядная женщина, пусть и милая. Ханзен-Леве пишет, что «зло» и «ничто» «...обнаруживает себя не в моменты эксцессов, великих событий и трагических катастроф, а в мелочах повседневной жизни, в банальностях быта. Серединная позиция “ничто” связывает эту категорию с усредненностью и посредственностью...» [15, с. 28]. Вот этой посредственности, банальности нет в природе, где есть красота и тайна, радость жизни.

Для того чтобы попытаться осмыслить специфику прозы именно художника, обратимся к сравнению «Вечера весны» с лирическими миниатюрами не-художников. И. А. Бунин знаменит своими описаниями природы, импрессионизмом поэтики. Однако уже в юности Бунин восклицал: «Нет, не пейзаж влечет меня / Не краски жадный взор подметит, / А то, что в этих красках светит: / Любовь и радость бытия» [16, с. 388]. У Бунина есть ранний лирический рассказ – воспоминание о своем детстве, этот рассказ «В деревне» (1897). Бунин никогда не включал его в собрание своих произведений, видимо, считая слишком незрелым. Мальчик, приезжая на рождественские каникулы в деревню, остро чувствует прелесть родной природы (сливаются зрительные, слуховые, тактильные, одорические ощущения) и замечает самые первые признаки ранней весны: «И весь праздник проходил у меня в этом очаровании солнечными днями, в светлых грезах о близкой весне» [17]. Перволичное повествование и обилие картин природы сближают маленький рассказ с лирической прозой, тем более что событийного сюжета фактически нет, но отчетливо движение чувства, настроения. Носителем лирического переживания становится пейзаж. С импрессионизмом поэтике Бунина роднит внимание к постоянным изменениям в жизни природы, создание общего колорита картины, игры света и тени, оттенков, установка на сиюминутное настроение. Движение в пространстве сливается с движением времени. Приведем примеры.

«В декабре погода, по большей части, суровая, серая. Рассветает медленно, город с утра тонет в сизом, морозном тумане, а деревья одеты густым инеем сиреневого цвета; солнца целый день не видно, и только вечером замечаешь след его, потому что долго и угрюмо рдеет мутно-красная заря в тяжелой мгле на западе...»;

«Поезд быстро бежит среди ровных снежных полей, вагон озарен утренним солнцем. Белый дым волнующимися клубами плывет перед окнами, плавно упадет и стелется по снегу около дороги, а по вагону ходят широкие тени. Свет солнца от этого то будто меркнет, то снова врывается в окна яркими, янтарными полосами...»;

«А между тем уже догорает короткий день; встали лиловые тучки с запада, солнце ушло в них, и наступает тихий, зимний вечер. Над посиневшими снегами залегает к востоку морозная мгла ночи. Сливаются с нею вдали снежная дорога, и мертвое молчание царит над степью»;

«В больших комнатах нашего старинного дома с утра всегда стоял синий полусумрак. Это оттого, что дом был окружен садом, а стекла окон сверху донизу зарисовал мороз серебряными пальмовыми листьями, перламутровыми, узорчатыми папоротниками»;

«Резкий, морозный воздух так и охватит всего, когда выйдешь из дому. За садом еще холодно краснеет заря. Солнце только что выкатилось огнистым шаром из-за снежного поля; но вся картина села уже сверкает яркими и удивительно нежными, чистыми красками северного утра. Клубы дыма алеют и медленно расходятся над белыми крышами. Сад – в серебряном инее...» [17].

Изобразительность щедрая, даже прямо есть слово «картина». Но в этой бунинской миниатюре важна не сама по себе природа, а ощущения ребенка, его радость и счастье жить, этот настрой определяет атмосферу пейзажа, выполняющего служебную функцию – выразить переживание вовне. Однонаправленное движение времени оптимистично воспринимается в детстве (скоро весна!), но у зрелого Бунина будет преобладать трагическое понимание времени как энтропийной, необратимой силы, уносящей жизнь. А вот в рассказе Коровина состояние природы более властно определяет настроение героя («в весеннем вечере грусть кладбища» – но солнечным утром «все было другое», «радостно»).

Второй пример для сопоставления – лирико-философская миниатюра М. М. Пришвина «Тяга», входящая в лирическую поэму в прозе «Фацелия» (1940). А. В. Минакова пишет, что «...словесно изображенное молодым писателем важно и интересно не само по себе, а потому что перед читателем открывается автор – художник-импрессионист, писатель-композитор, благодаря которому перед нами предстает не только та или иная картина природы, а образ переживания увиденного»;

«М. М. Пришвин смотрит на мир глазами художника-живописца; все его произведения представляют собой единый текст, призванный постичь тайны природы, человеческого бытия» [18]. Не только мировосприятие (стремление постичь тайны природы), но даже и сюжетная ситуация перекликается в пришвинской миниатюре с рассказом Коровина: повествователь вспоминает, как стоял весной на тяге, но вальдшнеп не прилетел – «И она не пришла». Эта поэма о несбывшейся юношеской любви, а героиня, названная Фацелией (символом ее выступает ярко-синий цвет, цвет мечты), становится для героя образом идеальной женственности, к которой нет вожделения, но есть только любование, есть только внутренний интерес, но нет «бытового внимания». И то, что имя взято из мира природы (фацелия – декоративное травянистое растение, медонос), указывает на родственное отношение героя к этому миру. Жорж Нива отмечает, сравнивая Пришвина с С. Аксаковым: «...пришвинское ощущение природы иное: в его произведениях природа становится единственным героем, а человек – это только ее часть; мы имеем дело с природой, увиденной, так сказать, ее собственными глазами...» [19, с. 314]. Для Пришвина природа не служила ни фоном для событий, ни проекцией душевных настроений или метафизических видений [19, с. 318].

Однако в «Фацелии» эпизод на охоте стал предлогом для рассуждений повествователя. Да, герою жаль, что он некогда подменил поэтическую мечтой своей юности подлинную любовь человеческую [20, с. 209]. Но теперь он понимает, что из этого сложилось счастье его жизни: образ женщины с годами исчез, а чувство осталось и обратилось с родственным вниманием на весь мир. Он счастлив и хотел бы, чтобы счастливы были и все другие, для этого он и пишет. Литература сохраняет его собственную жизнь, и он советует читателям: «...попробуй-ка, забудь свои неудачи в любви и перенеси чувство в слово, и у тебя непременно будут читатели» [20, с. 208]. По Пришвину, красота объединяет растительный, животный и человеческий мир, сливает индивидуальную жизнь с Всеединым. Вместе с тем, можно заметить два отличия «чувства природы» у Пришвина и Коровина: во-первых, у Пришвина природа увиденна «глазами самой природы», тогда как Коровин выражает *свое* ощущение природы и в этом близок бунинской изобразительности; во-вторых, у Пришвина наблюдаемое становится импульсом к творчеству, как и у Коровина, однако Коровин творит не для зрителя, а потому, что не может не выражать для холсте радость природной жизни, он вовсе не думает о публике, не мечтает об объединении людей, более того, в «Весеннем вечере» ясно выражена мысль о художнике – отверженном. У Коровина нет и философских идей Пришвина, рассчитанных на сотворчество, интеллектуальный

отклик читателя. О. Н. Денисова, исследуя метафизику любви в творчестве Пришвина, обнаруживает в «Фацелии» ряд образов-мифологем (пустыня, черная бездна, росстани и др.) [21]. Коровин не философствует, а отдается самому процессу творчества («Надо скорей собрать краски, думаю я, писать эту голубую даль, эти розовые ветви кустов...»).

Итак, не подлежит сомнению, что проза художника имеет своим основным содержанием мир искусства и эстетическую рефлексию и саморефлексию. Об этом пишут и А. В. Галькова [6, с. 8], исследуя автобиографическую прозу Бенуа, Добужинского, Коровина, и Д. А. Скобелев, обратившийся к прозе Юрия Анненкова и выявивший «...специфику взгляда художника на мир с позиции философии творчества, авторские размышления над проблемой взаимодействия искусства и личности, искусства и общества» [22, с. 162–172]. В прозе художников значителен удельный вес компонентов изобразительности (пейзаж, портрет, интерьер, экфрасис), поэтика которых перекликается с соответствующей живописной или графической техникой авторов. А. В. Галькова приходит к выводу о том, что в автобиографической прозе выстраивается миф о художнике.

Помимо этих типологических особенностей прозы художника в каждом конкретном случае проявляется авторская индивидуальность. А. Н. Бенуа, согласно выводам А. В. Гальковой, сосредоточен на обработке исторического материала, хронотоп в его автобиографической прозе сочетает реальные и сновидческие, фантастические миры, портреты его работы выражают дух культурной эпохи. Основной предмет изображения М. В. Добужинского – Петербург как произведение искусства, городской хронотоп воспринят сквозь призму «Петербургского текста» в русской литературе, для портретных работ художника характерна «театрализация». Коровин в «Моей жизни» выражает национально-исторический миф о России, передает национальный колорит старой Москвы.

Но если посмотреть более широко на прозу Коровина, на очерки и рассказы, на книгу о Шалыпине, то можно заметить другие характерные особенности. Предмет изображения может быть разным: история путешествий, воспоминания о работе над портретом «Испанки», облик Шалыпина, воспоминания об учителях и друзьях-художниках, «охотничьи» рассказы. Но везде на первом плане оказывается не объект и не субъект творчества, а сам творческий процесс, приносящий огромную радость творящему. Это его способ существования, смысл его жизни (потому так скупо на страницах воспоминаний раскрывается «житейская биография» Коровина и не преследуются внехудожественные цели (например, полемика, просветительство, работа памяти, идейно-философский комплекс).

Яркая черта таланта Коровина – и художника, и писателя, и человека – артистизм, умение легко и непринужденно делать трудное дело, получая удовольствие. Категория артистизма рассматривается в эстетике, при этом нередко артистизм связывают с игровой установкой автора и / или театрализацией (см., напр., [23]). Такой компонент есть в прозе Коровина: он декоратор и театральный художник, поэтому описания русского Севера или Испании, портреты Шалыпина демонстрируют именно эту составляющую мировосприятия художника. Элемент игры чувствуется в забавных историях («байках») о проделках студентов Училища живописи, ваяния и зодчества, в рассказах о рыбной ловле или охоте, в воспоминаниях о дачных розыгрышах. Современники характеризуют Коровина как дружелюбного, открытого человека, прекрасного рассказчика «историй». Однако артистизм – более глубокое понятие, сошлемся хотя бы на концепцию «человека-артиста», высказанную Ф. Ницше и оказавшую влияние на размышления Блока о культуре и цивилизации. Е. В. Романова видит в артистизме не только высокий уровень профессионального мастерства, но и эстетическую форму самовыражения личности, а именно – способность эстетизировать (поэтизировать) реальность [24, с. 90]. Наиболее подходящим к творческой индивидуальности Коровина представляется то определение артистизма, которое предложил Готфрид Бенн: «Посредственный эстетик связывает с ним представление о поверхностности, потехе, легкой музе, но также и об игре и об отсутствии какой бы то ни было трансценденции. На самом же деле это понятие чудовищно серьезное и основополагающее. Артистизм – это попытка искусства внутри всеобщего распада содержаний переживать самое себя как содержание и из этого переживания создать новый стиль, это попытка противопоставить всеобщему отрицанию ценностей новую трансценденцию – трансценденцию творческого наслаждения» [25, с. 137].

Чтобы понять эту «трансценденцию» артистизма в прозе Коровина, следует еще раз обратиться к соотношению и функциям изобразительности и нарративности. В историю искусства Коровин вошел, как уже упоминалось, с репутацией первого русского импрессиониста. Суть импрессионизма заключается в переориентации художников с предмета изображения на цвет, т. е. материал живописи становится и главным содержанием картины. О сути пейзажного подхода в живописи писал, например, А. А. Федоров-Давыдов в работе 1929 г. «Природа стиля»: «Новый стиль в пейзаже начался с того, что можно было бы назвать “самоопределением”. В предшествовавшей живописи “идейного реализма” господство “литературности”, то есть собственно жанровой изобразительности, заставляло и в пейзаже ценить прежде всего самый мотив изображения. Пейзаж

оценивался по степени интересности мотива (...) Теперь мотив постепенно начинает утрачивать свою ценность» [26, с. 128]. Новой чертой в живописи стало отсутствие событийного момента, фактуальности [26, с. 135].

В прозе Коровина, напротив, наряду с описательным (пейзажным) компонентом присутствует и сюжетный. Автор выступает в роли нарратора. Литературная грань творчества («литературность»), за отсутствие которой в живописи как раз и попрекали Коровина, понадобилась не только в качестве утешительного способа погрузиться в воспоминания, будучи в эмиграции, она нужна Коровину и для более полного выражения своего художнического кредо. Именно в сюжетных рассказах он наиболее отчетливо говорит о той тайне природы, которая скрыта за визуально-чувственной стороной, и эта тайна сродни тайне художнического дара. Например, совершенно непонятно, вспоминает Коровин, как Шалапин, никогда не зубря роли, репетируя вполсилы, вдруг во время спектакля буквально преобразился. Сам Коровин кладет краски на холст, не рассуждая, а подчиняясь художническому инстинкту, стремясь запечатлеть ускользающую красоту неба, воды, игры света и цвета. Тайна природы состоит, по Коровину, не в чем-то метафизическом, а в особой способности взаимопонимания и общения – внерассудочной, невербальной, но интуитивно-верной. Эта способность ярко обнаруживается у животных. В рассказе, так и озаглавленном «Тайна», Коровин приводит несколько случаев такого интуитивного понимания животным другого, в том числе и человека. Только что прозревшие щенки безошибочно ползут к хозяину собаки: «Видишь что, не чудо ли это? (...) И заметьте – они все ко мне, хозяин, значит. Ну-ка, кто им сказал? Вот оно что в жисти есть, какое правильное чудо, а?!» – говорит знакомый охотник Дубинин. И сам Коровин в этом убеждался, когда у его фокса родились щенята: «Увидев меня, они, шатаясь, поползли ко мне, вертя приветливо от радости хвостиками» [1, с. 439]. Как-то на речке Нерль он наблюдал, как раки шли к оставленной у лодки рыбе, хотя шли они из притока, расположенного не ниже, а выше по течению, куда запах не мог попасть. После того как охотники наловили раков для еды, ни один рак больше не пришел, сколько бы рыбы ни оставляли: как-то узнали об опасности. Однажды на широком плесе на Нерли рассказчик кормил с рук огромного сома, который просто никогда раньше не видел людей и потому не боялся. У скульптора Павла Трубецкого вместе с собаками жил волк – вегетарианец, как и сам Трубецкий, а фокс Тоби у Коровина отличал из всех гостей одного лейтенанта флота, вегетарианца: «И ни к кому так Тоби не ласков, как к нему. Нет ли тут тайны?» [1, с. 444]. Еще есть примеры необыкновенных умственных и сенсорных способностей зверюшек

(белки, зайца, ежа), проживавших в разное время в деревенском доме Коровина и отличавшихся чуткостью и внутренним тактом (в отличие от людей «здорового смысла», подобно героине рассказа «Вечер весны»). Повествователь обобщает: «Тайна... Мало мы знаем тайн... Если бы мы больше знали тайн, может быть, было бы лучше на земле» [1, с. 445]. Отметим, что в подобных рассказах-воспоминаниях меньше или совсем нет изобразительности.

Сформулировать эту мысль о «тайной» гармонии мироустройства, единстве всего живого возможно только словами. Получается, на первый взгляд, парадоксально: чем больше нарративности в повествовании, тем полнее выражается интуиция тайной мудрости природы, которая, собственно, и вдохновляла Коровина-художника, но которая не могла быть выражена только живописными средствами. На картинах Коровина и в его словесных пейзажах через отказ от локального цвета в пользу общего колорита картины, передачу состояния атмосферы, ветра, обобщенности деталей, благодаря эффектам освещения, «кулискому» построению пространства создается такой образ природы, где всё взаимодействует со всем, слито в едином пейзаже, «здесь» и «теперь». Но идею гармонизирующей, животворящей силы красоты мира он стремится передать словами. Вместе с тем, формулировать словами суть тайны мира Коровин не берется. Радость жизни, запечатленная в его картинах, без слов выражает эту невыразимую логически «тайну».

Выводы

Рассмотренный материал подтверждает уже ранее сделанные исследователями выводы о том, что воспоминания художников становятся способом творческой саморефлексии и выражением присущего им понимания искусства. Художник воспринимает мир визуально, и в его прозе много изобразительности, причем поэтика пейзажа, портрета, интерьера во многом аналогична технике живописных полотен – в случае Коровина, это поэтика импрессионизма. Однако суть не только в перенесении приемов одного вида искусства в другой, не менее важны и различия видов искусства, визуального и вербального. Художник вспоминает свой жизненный и творческий путь, из мозаики лиц, эпизодов, событий складывается некая целостность, характеризующая творческую индивидуальность в ее разных проявлениях: в быту и работе, в общении с другими людьми, в светлых и горестных моментах. В случае Коровина живопись и литература дополняют друг друга, поскольку и та, и другая – виды *искусства*. Коровин – художник в широком смысле слова, то есть человек-артист, живущий творчеством, и *артистизм* составляет суть его таланта. В живописи артистизм помогал выразить внешнюю красоту и радость жизни, проза позволила указать на глубинную ос-

нову этой природной гармонии. Преданность красоте, эстетизм, не переходящий в эстетство, творческий процесс как способ существования – все это делает Коровина яркой фигурой русского модернизма рубежа XIX–XX веков.

Литература

1. Константин Коровин вспоминает... / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. И. С. Зильберштейн, В. А. Самков. – 2-е изд., доп. – М. : Изобразительное искусство, 1990. – 606 с.
2. Кириллова, Е. Л. Мемуаристика как мета-жанр и ее жанровые модификации: На материале мемуарной прозы русского зарубежья первой волны : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Л. Кириллова. – Владивосток, 2004. – 26 с.
3. Коровин, К. А. «То было давно... там... в России...»: Воспоминания, рассказы, письма : в 2 кн. / К. А. Коровин ; сост., вступ. ст. Т. С. Ермолаевой ; прим. Т. С. Ермолаевой и Т. В. Есиной. – М., 2010. – 848 с.
4. Давтян, Л. Маленькая странность Константина Коровина (к 150-летию со дня рождения художника и писателя) / Л. Давтян // Иные берега. – 2011. – № 4 (24). – С. 55–69. – URL: http://www.iniebereg.ru/files/Berega_24naSite.pdf (дата обращения: 28.03.2024).
5. Киселев, А. Константин Коровин. К 150-летию со дня рождения / А. Киселев. – СПб. : Золотой век, 2011. – 216 с.
6. Галькова, А. В. Поэтика мемуарно-автобиографической прозы русских художников первой волны эмиграции (М. В. Добужинский, А. Н. Бенуа, К. А. Коровин) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. В. Галькова. – Томск, 2018. – 33 с.
7. Силантьева, В. Литература и живопись в контексте компаративистики: Писатели и художники периодов эстетической переориентации : монография / В. Силантьева. – Одесса : Астропринт, 2015. – 336 с.
8. Дмитриева, Н. А. Изображение и слово / Н. А. Дмитриева. – М. : Искусство, 1962. – 316 с.
9. Галанов, Б. Е. Живопись словом: портрет, пейзаж, вещь / Б. Е. Галанов. – М. : Сов. писатель, 1974. – 344 с.
10. Альфонсов, В. Слова и краски: очерки из истории творческих связей поэтов и художников / В. Альфонсов. – СПб. : САГА, 2006. – 309 с.
11. Тмарченко, Н. Д. Теория литературы : в 2 т. Т. 1. Теория художественного дискурса; Теоретическая поэтика / Н. Д. Тмарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман. Теория ; под ред. Н. Д. Тмарченко. – М. : Academia, 2004. – 510 с.
12. Зенкин, С. Теория литературы. Проблемы и результаты : учебное пособие для магистратуры и аспирантуры / С. Зенкин. – М. : Новое литературное обозрение, 2018. – 362 с.
13. Бахтин, М. М. Язык в художественной литературе / М. М. Бахтин // Собрание сочинений : в 7 т. – Т. 5. – М. : Русское слово, 1996. – С. 287–297.
14. Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тмарченко. – М. : Изд-во Кулагиной : Intrada, 2008. – 358 с.
15. Ханзен-Леве, О. Статья А. Блока «Дитя Гоголя» / О. Ханзен-Леве // Acta Slavica Estonica VII. Блоковский сборник XIX. Александр Блок и русская литература Серебряного века ; ред. тома Л. Пильд. – Тарту, 2015. – С. 9–35.
16. Бунин, И. А. Собрание сочинений : в 5 т. / И. А. Бунин. – Т. 1. – М. : Правда, 1956. – 455 с.
17. Бунин, И. А. В деревне / И. А. Бунин // Собрание сочинений : в 9 т. – Т. 2. – М. : Художественная литература, 1965. – URL: <https://ilibrary.ru/text/1857/p.1/index.html> (дата обращения: 22.02.2024).
18. Минакова, А. В. Семантика этюдности в прозе М. М. Пришвина / А. В. Минакова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-1. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=21233> (дата обращения: 02.04.2024).
19. История русской литературы. XX век. Серебряный век / под ред. Ж. Нива, И. Сермана, В. Страды, Е. Эткинда. – М. : Прогресс – Литера, 1995. – 704 с.
20. Пришвин, М. М. Весна света: Избранное / М. М. Пришвин. – М. : Молодая гвардия, 1955. – 670 с.
21. Денисова, О. Н. Метафизика любви в дневниковом и художественном дискурсе М. М. Пришвина : автореф. ... канд. филол. наук / О. Н. Денисова. – Елец, 2015. – 21 с. – URL: <https://cheloveknauka.com/metafizika-lyubvi-v-dnevnikovom-i-hudozhestvennom-diskurse-m-m-prishvina> (дата обращения: 03.04.2024).
22. Скобелев, Д. А. Эстетическая рефлексия Ю. П. Анненкова: на материале художественных и публицистических произведений : дис. ... канд. филол. наук / Д. А. Скобелев. – Воронеж, 2009. – 210 с.
23. Бажанова, Р. К. Феномен артистизма : автореф. ... дис. ... канд. филос. наук / Р. К. Бажанова. – Казань, 2003. – 17 с.
24. Романова, Е. В. Основные параметры артистизма / Е. В. Романова // Вестник МГУКИ. – 2011. – № 2(40). – С. 90–93.
25. Бенн, Г. Проблемы лирики / Г. Бенн // Вопросы литературы. – 1991. – № 7. – С. 133–164.
26. Федоров-Давыдов, А. А. Русское и советское искусство : статьи и очерки / А. А. Федоров-Давыдов. – М. : Искусство, 1975. – 739 с.

Барковская Нина Владимировна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры литературы и методики ее преподавания, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург), e-mail: n_barkovskaya@list.ru. ORCID 0000-0001-9131-5937

Сунцова Елена Анатольевна – аспирант кафедры литературы и методики ее преподавания, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург), e-mail: SuntsovaEA@ya.ru. ORCID 0000-0003-2505-2053

Поступила в редакцию 17 июня 2024 г.

DOI: 10.14529/ssh240308

KONSTANTIN KOROVIN'S STORY "SPRING EVENING": ON THE PROBLEM OF THE SPECIFICS OF THE PAINTER'S PROSE

N. V. Barkovskaya, E. A. Suntsova

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russian Federation

The paper highlights the personality of an outstanding artist and theater decorator at the turn of the 19–20th centuries K. Korovin and his prose. Korovin's memoirs allow considering the difference between the prose of an artist and the prose of a non-artist. Korovin's prose was characterized in introductory notes to reproduction albums and articles dealing with the painter's art. The analysis focuses on the relationship and functions of figurativeness and narrative in the story *Spring Evening*. Bunin's lyrical prose and a fragment from Prishvin's lyrical-philosophical poem *Phacelia* serve as comparative material. The analysis of the story *Spring Evening* confirmed the idea that the main content of the artist's prose is aesthetic reflection and self-reflection. However, for Korovin, the foreground is neither the object nor the subject of creativity, but the creative process itself. The descriptive (landscape) component is supplemented by the narrative plan; the author acts as a narrator. Korovin uses narrative stories to speak most clearly about the secret of nature hidden behind the visual-sensual side, and this secret is akin to the secret of the artistic gift. In case of Korovin's art, painting and literature complement each other, since both are forms of *art*. Korovin is an artist in a broad sense, i.e., an artist who lives by creativity, and *artistry* is the essence of his talent.

Keywords: impressionism in Russian literature, memoir-biographical prose, interaction of art forms, creative self-reflection.

References

1. Konstantin Korovin vspominaet... [Konstantin Korovin Remembers...] / Sost., avt. vstup. st. i koment. I.S. Zil'bershteyn, V.A. Samkov. 2-e izd., dop. M.: Izobrazitel'noe iskusstvo, 1990. 606 s.
2. Kirillova E.L. Memuaristika kak metazhanr i ee zhanrovye modifikatsii: Na materiale memuarnoy prozy russkogo zarubezh'ya pervoy volny [Memoirs as a Meta-Genre and its Genre Modifications: Based on the Material of Memoir Prose of the Russian Diaspora of the First Wave]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Vladivostok, 2004. 26 s.
3. Korovin K.A. «To bylo davno... tam... v Rossii...»: Vospominaniya, rasskazy, pis'ma ["That was a Long Time Ago... there... in Russia...": Memories, stories, letters]: v 2 kn.; sost., vstup. st. T.S. Ermolaevoy; prim. T.S. Ermolaevoy i T.V. Esinoy. M., 2010. 848 s.
4. Davtjan L. Malen'kaya strannost' Konstantina Korovina (k 150-letiyu so dnya rozhdeniya khudozhnika i pisatelya) [A Little Oddity of Konstantin Korovin (on the 150th Anniversary of the Birth of the Artist and Writer)] // *Inye berega*. 2011. № 4 (24). S. 55–69. URL: http://www.inieberega.ru/files/Berega_24naSite.pdf (data obrashcheniya: 28.03.2024).
5. Kiselev A. Konstantin Korovin. K 150-letiyu so dnya rozhdeniya [Konstantin Korovin. To the 150th Anniversary of his Birth]. SPb.: Zolotoy vek, 2011. 216 s.
6. Gal'kova A.V. Poetika memuarno-avtobiograficheskoy prozy russkikh khudozhnikov pervoy volny emigratsii (M.V. Dobuzhinskiy, A.N. Benua, K.A. Korovin) [Poetics of Memoir-Autobiographical Prose of Russian Artists of the First Wave of Emigration (M.V. Dobuzhinsky, A.N. Benois, K.A. Korovin)]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 2018. 33 s.
7. Silant'eva V. Literatura i zhivopis' v kontekste komparativistiki: Pisateli i khudozhniki periodov esticheskoй pereorientatsii [Literature and Painting in the Context of Comparative Studies: Writers and Artists of Periods of Aesthetic Reorientation]: monografiya. Odessa: Astroprint, 2015. 336 s.

8. Dmitrieva N.A. *Izobrazhenie i slovo* [Image and Word]. M.: Iskusstvo. 316 s.
9. Galanov B.E. *Zhivopis' slovom: portret, peyzazh, veshch'* [Painting with Words: Portrait, Landscape, Object]. M.: Sovetskii pisatel'. 344 s.
10. Al'fonsov V. *Slova i kraski: ocherki iz istorii tvorcheskikh svyazey poetov i khudozhnikov* [Words and Colors: Essays from the History of Creative Connections between Poets and Artists]. SPb.: SAGA. 309 s.
11. Tamarchenko N.D., Tjupa V.I., Brojtman S.N. *Teoriya literatury* [Literary Theory]: in 2 t. T. 1. *Teoriya hudozhestvennogo diskursa; Teoreticheskaja pojetika; pod red. N.D. Tamarchenko*. M.: Academia, 2004. 510 s.
12. Zenkin S. *Teoriya literatury. Problemy i rezul'taty* [Theory of Literature. Problems and Results]: uchebnoe posobie dlja magistratury i aspirantury. M., Novoe literaturnoe obozrenie. 362 s.
13. Bahtin M.M. *Yazyk v khudozhestvennoy literature* [Language in Fiction]: *Sobranie sochineniy: v 7 t. T. 5*. M.: Russkoe slovo, 1996. S. 287–297.
14. *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatij* [Poetics: a Dictionary of Present Terms and Concepts]; gl. nauch. red. N.D. Tamarchenko. M.: Izd-vo Kulaginoy: Intrada, 2008. 358 s.
15. Hansen-Löve A. Stat'ya A. Bloka «Ditya Gogolya» [Article by A. Blok “Gogol’s Child”] // *Acta Slavica Estonica VII. Blokovskiy sbornik XIX. Aleksandr Blok i russkaya literatura Serebryanogo veka*; red. toma L. Pil'd. Tartu, 2015. S. 9–35.
16. Bunin I.A. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]: v 5 t. T. 1. M.: Pravda, 1956. 455 s.
17. Bunin I.A. *V derevne* [In the Village] // *Sobranie sochineniy: v 9 t. T. 2*. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1965. URL: <https://ilibrary.ru/text/1857/p.1/index.html> (data obrashcheniya: 22.02.2024).
18. Minakova A.V. *Semantika etjudnosti v proze M.M. Prishvina* [Semantics of Sketchiness in the Prose of M.M. Prishvin] // *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2015. № 2-1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=21233> (data obrashcheniya: 02.04.2024).
19. *Istoriya russkoy literatury. KhKh vek. Serebryanyy vek* [History of Russian Literature. XX Century. Silver Age]; pod red. Zh. Niva, I. Sermana, V. Strady, E. Etkinda. M.: Progress – Litera, 1995. 704 s.
20. Prishvin M.M. *Vesna sveta: Izbrannoe* [Spring of Light: Selected]. M.: Molodaja gvardiya. 670 s.
21. Denisova O.N. *Metafizika lyubvi v dnevnikovom i khudozhestvennom diskurse M.M. Prishvina* [Metaphysics of Love in the Diary and Artistic Discourse of M.M. Prishvin]: avtoref. ... kand. filol. nauk. Elets, 2015. 21 s. URL: <https://cheloveknauka.com/metafizika-lyubvi-v-dnevnikovom-i-hudozhestvennom-diskurse-m-m-prishvina> (data obrashcheniya: 03.04.2024).
22. Skobelev D.A. *Esteticheskaya refleksiya Y.P. Annenkova: na materiale khudozhestvennykh i publitsisticheskikh proizvedeniy* [Aesthetic Reflection of Y.P. Annenkov: Based on Artistic and Journalistic Works]: dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2009. 210 s.
23. Bazhanova, R.K. *Fenomen artistizma* [The Phenomenon of Artistry]: avtoref. ... dis. ... kand. filos. nauk. Kazan', 2003. 17 s.
24. Romanova E.V. *Osnovnye parametry artistizma* [Basic Parameters of Artistry] // *Vestnik MGUKI*. 2011. № 2(40). S. 90–93.
25. Benn G. *Problemy liriki* [Problems of Lyrics] // *Voprosy literatury*. 1991. № 7. S. 133–164.
26. Fedorov-Davydov A.A. *Russkoe i sovetskoe iskusstvo* [Russian and Soviet Art]. M.: Iskusstvo. 739 s.

Nina V. Barkovskaya – D. Sc. (Philology), Professor, Professor of the Department of Literature and Methods of it’s Teaching, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg), e-mail: n_barkovskaya@list.ru

Elena A. Suntsova – Postgraduate Student of the Department of Literature and Methods of it’s Teaching, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg), e-mail: SuntsovaEA@ya.ru

Received June 17, 2024

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Барковская, Н. В. Рассказ Константина Коровина «Вечер весны»: к вопросу о специфике прозы художника / Н. В. Барковская, Е. А. Сунцова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2024. – Т. 24, № 3. – С. 72–81. DOI: 10.14529/ssh240308

FOR CITATION

Barkovskaya N. V., Suntsova E. A. Konstantin Korovin’s story “Spring Evening”: on the problem of the specifics of the painter’s prose. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2024, vol. 24, no. 3, pp. 72–81. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh240308

ИДИЛЛИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ И МОТИВЫ В ЛИРИКЕ В. Я. БРЮСОВА**С. В. Бузина^{1,2}, В. В. Королева¹**¹ *Владимирский государственный университет им. братьев Столетовых, г. Владимир, Российская Федерация*² *Владимирская Свято-Феофановская духовная семинария, г. Владимир, Российская Федерация*

В статье рассматриваются идиллические образы и мотивы в поэзии В. Я. Брюсова, появление которых обусловлено творческими исканиями поэта, а также самой эпохой Серебряного века, возрождавшей мифологические культурные модели. В результате исследования делается вывод, что жанры идиллии и буколики в чистой форме в поэзии В. Я. Брюсова почти не встречаются, но различные модификации идиллико-пасторальной тематики и поэтики оказываются созвучными творческим исканиям поэта (возрождение мифологических культурных моделей). Черты идиллического жанра обнаруживаются во многих стихотворениях Брюсова в образе поэта-пастуха (ст. «Халдейский пастух» (1898) и «Побег пастуха» (1908)), образе статуи (богиня Диана в стихотворении «Она в густой траве запряталась ничком...» (1894)), описании живописных полотен и произведенных ими впечатлений, а также в использовании характерных для поэтики идиллии элементов: экфрасис (ст. «Вечерний Пан» (1914)), мотив тайного наблюдателя, элементы идиллического пейзажа и др. Важной вехой в трансформации идиллического жанра в творчестве Брюсова становится цикл «Элегии и буколики» (1907), восходящий к традиции поэта Вергилия. Лейтмотивы одиночества, разрушения и смерти, пронизывающие брюсовские стихотворения, приводят к появлению в его художественном мире оппозиции *античный мир* (идиллия) – *современный мир* (антиидиллия), что отражает кризисное мироощущение эпохи. Идиллическая традиция в XX веке становится средством, оттеняющим безысходность, трагичность человеческого существования в новом веке.

Ключевые слова: В. Я. Брюсов, идиллические мотивы, античные статуи, экфрасис, мотив тайного наблюдателя, элементы идиллического пейзажа.

Введение

Жанр идиллии относится к категории неумирающих. Впитав фольклорные корни буколической поэзии и получив собственную жанровую форму в греческой литературе, идиллия перешла в западноевропейскую и русскую литературы XVIII–XIX веков, где обогатилась христианскими мотивами и образами. На рубеже XIX–XX веков русская культура, отказавшись от «науки Винкельмана» и взяв «на вооружение ницшеанский миф о Дионисе» [1], вновь обратилась к идиллической традиции. На этот факт указывают идиллические мотивы в творчестве многих писателей Серебряного века: Д. Мережковского (ст. «Семейная идиллия»), И. Северянина (ст. «Идиллия»), А. Ахматовой (ст. «Муза», «Над водой») и др. Кроме того, исследователи отмечают появление новых моделей пасторальной поэтики в виде стилизации и пародирования в творчестве А. А. Блока, А. Белого, М. Кузьмина, Ю. Верховского, Г. Иванова, Ф. Сологуба [2–5].

Обзор литературы

Традиции идиллии жанра проявляются и в творчестве В. Брюсова, что во многом связано с его увлечением античной культурой. Следует отметить, что античные мотивы и идейно-эстетические функции эллинского колорита в творчестве русского поэта на сегодняшний день хорошо изучены в работах А. Измайлова [6], Ю. Айхенвальда [7], К. М. Мочульского [8], Ф. Ф. Зелинского [9, 10], С. А. Хангу-

льяна [11], А. Ю. Фомина [12], И. М. Нахова [13], К. Г. Петросова [14] и др. Кроме того, исследователями была проведена типизация античных образов и мотивов. Однако вопрос об отражении и трансформации идиллических мотивов и идиллического жанра в поэзии Брюсова остается незатронутым, что связано с тем, что в чистой форме жанры идиллии и буколики почти не встречаются в стихотворениях русского поэта. В то же время различные модификации идиллико-пасторальной тематики и поэтики оказались созвучными творческим исканиям Брюсова и его времени, возрождавшего мифологические культурные модели. Следы идиллического жанра можно обнаружить во многих стихотворениях поэта. Прежде всего они прослеживаются в описании античных статуй, живописных полотен и впечатлений, которые они производят на лирического героя. Следует отметить, что для Брюсова близка именно идиллическая, а не французская пасторальная поэтика, так как последняя имеет некоторые искусственно-жеманные коннотации, чуждые ярко выраженному мужественному поэтическому миру автора.

Кроме того, идиллические традиции проявились в поэзии Брюсова в использовании отдельных элементов, характерных для поэтики идиллии (экфрасис, мотив тайного наблюдателя, элементы идиллического пейзажа). Безусловно, Брюсов продолжает богатую идиллическую традицию в европейской и русской литературах XVIII–XIX веков, подвергая ее сложной трансформации.

Методы исследования

В исследовании были использованы элементы различных методов анализа художественных произведений, в частности, мотивного, аналитического и сопоставительного.

Результаты и дискуссия

Аллюзии на античных богов и их изображение в творчестве Брюсова связаны с традицией Золотого века русской поэзии. Описание античных статуй есть в идиллических и антологических стихотворениях А. С. Пушкина («На статую играющего в бабки», «На статую играющего в свайку», «Царкосельская статуя»), А. А. Дельвига (идиллии «Купальницы», «Изобретение ваяния»), А. А. Фета («Диана», «Кусок мрамора», «Венера Милосская») и др. Например, в стихотворении Брюсова «Она в густой траве запряталась ничком...» (1894) возникает образ богини Дианы, который отсылает нас к антологическому стихотворению А. А. Фета «Диана» (1847), где античная богиня буквально оживает на глазах очарованного наблюдателя («...внимала чуткая и каменная дева... Я ждал – она пойдет...» [15]) и готова идти «взирать на сонный Рим, на вечный славы град, // На желтоводный Тибр, на группы колоннад, // На стогны длинные...» [15]. Лирический герой стихотворения Брюсова также тайно наблюдает за прекрасным объектом (мотив подсматривания и подслушивания, по мысли Т. В. Саськовой, является довольно распространённым в идиллии [5]), но он фиксирует не умиротворённую сцену, а смерть прекрасной богини на фоне гибели Западной Римской империи.

Стоит отметить, что брюсовская отсылка к стихотворению Фета «Диана» неслучайна. Фет – поэт, значимый для Брюсова. Русский символист посвятил разбору творчества Фета публичную лекцию, а затем статью «Искусство или жизнь» (1903). Жестоко разрушая фетовскую идиллию в конце XIX века, лирический герой Брюсова повторяет глаголы «умер» и «умерла» дважды: в эпиграфе («Умер великий Пан») и в конце стихотворения, подводя итог произошедшей катастрофе – разрушению прекрасного мира.

В стихотворениях «Халдейский пастух» (1898) и «Побег пастуха» (1908) Брюсов создает другой знаковый для идиллии образ – пастуха, – символическое значение которого имеет глубокие и разнообразные корни: библейские (пастухом был царь Давид, слагавший прекрасные псалмы; пастырь Христос, символически «пасет» вверенное ему стадо – человечество), античные (грубоватые пастухи Феокрита и рафинированные пастухи-певцы в буколиках Вергилия) и европейские (переодетые в пастухов и пастушек аристократы воспевают любовь на лоне прекрасной природы в пасторальных эпохи Ренессанса и Нового времени).

Так, в стихотворении «Халдейский пастух» присутствует образ пастуха-астролога, с которым

лирический герой Брюсова, надеясь на духовное и интеллектуальное единство, ведет внутренний диалог. Халдейскому пастуху открыты небесные тайны, не случайно в третьей строфе Брюсов характеризует своего пастуха как «божественного»:

*Божественный пастух! среди тиши и, мрака
Ты слышал имена, ты видел горный свет...*

[16, т. 1, с. 145]

В этих строках звучат евангельские ассоциации. Возможно, Брюсов имеет в виду волхва-пастуха, которому мир открывает свои тайны. Брюсовский лирический герой, будучи поэтом, как пастух, хочет быть избранным Богом.

В стихотворении «Побег пастуха» (1908) на первый план выходит образ пастуха-певца, который сохраняет черты, восходящие к идиллической традиции: герой не расстается со своей свирелью, он всегда воспевает красоту милой пастушки и окружающего мира. Кроме того, Брюсов транслирует сюжет об уходе пастуха в большой мир, полный неизведанного, тем самым продолжая романтическую традицию.

Подобный сюжет содержит «Идиллия XVIII» («Возвращение на родину») В. И. Панаева, которая отсылает к евангельской притче о блудном сыне, но в иной интерпретации: будучи сиротой, пастух Микон, «безумец ослепленный» [17, с. 65], три года странствовал, «познал коварство и обман» [17, с. 66], возвращается в родные места. Он горько раскаивается, что ради большого мира оставил любимую его Амариллу, и не надеется на ее прощение. Но пастушка встречает Микона с любовью, и утраченная гармония восстанавливается.

В отличие от поэзии Золотого века, где в стихотворениях звучит вера в будущую гармонию, в стихотворении Брюсова «Побег пастуха» сбежавший пастух не возвращается: его поэтический дар не находит применения в маленьком идиллическом мире, его манят «горы-исполины», «гул лавин» и «лет орлиный» [16, т. 1, с. 505]. Поэтический дар и идиллическое существование несовместимы у поэта-символиста.

В тех же стихотворениях Брюсов поднимает важную для него тему поэтического служения: убежав из мира долин и подружившись с суровой природой («нагой степью» и «скалой отвесной» [16, т. 1, с. 144]), певец лилий и влюбленного хмеля превращается благодаря «тайне дум» в пастуха-мудреца, который слышит имена и видит горный свет.

Другой вехой в трансформации идиллического жанра в творчестве Брюсова становится созданный в 1907 году цикл «Элегии и буколики», который представлен стихотворением «Одиночество». Название цикла отсылает к Вергилию, обогатившему римскую и европейскую литературу десятью эклогами, объединёнными в сборник «Буколики». Именно Вергилий изобразил своих пастухов в греческой Аркадии – крае роскошном, но далеком

свирели у Брюсова – курок: «Лаская пальцами тугой курок, // Я счастлив был, что из своих признаний // Тебе сплету венок» [16, т. 2, с. 65]. Однако диалог Брюсова с Пушкиным и монолог с музой решен отнюдь не в духе гармонии.

Выводы

Таким образом, идиллические мотивы в творчестве Брюсова перекликаются с русской классической традицией жанра идиллии (Пушкин, Тютчев, Фет и др.) и занимают важное место в его художественном мире, так как отражают тоску лирического героя по утраченной гармонии между человеком и миром природы. Лейтмотивы одиночества, разрушения и смерти, пронизывающие брюсовские стихотворения, приводят к появлению в его художественном мире оппозиции *античный мир* (ассоциируется с гармонией (идиллия)) – *современный мир* (антиидиллия), что отражает кризисное мироощущение эпохи. При этом Брюсов не использует идиллическую поэтику ни для стилизаторских, ни для пародийных целей. Идиллическая традиция, перешагнув в наполненный противоречиями XX век, становится средством, оттеняющим безысходность, трагичность человеческого существования в новом веке.

Литература

1. Кибальник, С. А. Русская антологическая поэзия первой трети XIX века / С. А. Кибальник. – Л., 1990. – 253 с.
2. Приходько, И. С. Элементы пасторали в драме А. Блока «Роза и крест» / И. С. Приходько // Пастораль в театре и театральность в пасторали. – М., 2001. – С. 114–119.
3. Осипова, Н. О. Пасторальные мотивы в русской поэзии первой трети XX века / Н. О. Осипова // Пастораль в системе культуры: метаморфозы жанра в диалоге со временем. – М., 1999. – С. 100–109.
4. Хадынская, А. А. Пастораль как текст культуры в ранней лирике Г. Иванова / А. А. Хадынская // Пасторали над бездной : сборник научных трудов. – М., 2004. – С. 89–95.
5. Саськова, Т. В. Пасторальные мечты у края бездны: цикл Ф. Сологуба «Свирель» / Т. В. Саськова // Пасторали над бездной : сборник научных трудов. – М., 2004. – С. 115–127.
6. Измайлов, А. Е. Сочинения Измайлова (Александра Ефимовича) / А. Е. Измайлов // Полное собрание сочинений русских авторов. Т. 1–2. – СПб. : Издание А. Смирдина, 1869.
7. Айхенвальд, Ю. И. Силуэты русских писателей : Вып. 3 / Ю. И. Айхенвальд. – М., 1910.
8. Мочульский, К. В. Валерий Брюсов / К. В. Мочульский. – Париж : YMCA-Press, 1962.
9. Зелинский, А. Э. Книга Брюсова «Третья стража» как художественное целое / А. Э. Зелинский // Валерий Брюсов. Проблемы творчества : межвузовский сборник научных трудов. – Ставрополь : СШИ, 1989.
10. Зелинский, Ф. Ф. История античной культуры / Ф. Ф. Зелинский. – СПб. : Марс, 1995.
11. Хангулян, С. А. Античность в поэтическом творчестве Валерия Брюсова: дооктябрьский период : дис. ... канд. филол. наук / С. А. Хангулян. – Тбилиси, 1990.
12. Фомин, А. Ю. Античные мотивы в поэзии В. Я. Брюсова. К вопросу о месте античности в идейно-эстетической системе русского символизма : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. Ю. Фомин. – М. : Моск. пед. гос. ун-т., 1992.
13. Нахов, И. М. Понятие мировой литературы и античность (Двенадцать развернутых тезисов) / И. М. Нахов // Античность как тип культуры. – М. : Наука, 1988.
14. Петросов, К. Г. Эволюция мифологических мотивов и образов в поэзии В. Я. Брюсова / К. Г. Петросов // Брюсовские чтения. – Ереван : Советакан грох, 1985.
15. Фет, А. А. Собрание сочинений : в 2 т. Т. 1. Стихотворения. Поэмы. Переводы / А. А. Фет. – М. : Художественная литература, 1982.
16. Брюсов, В. Собрание сочинений : в 7 т. / В. Брюсов. – М. : Худ. литература, 1973.
17. Панаев, В. И. Идиллии / В. И. Панаев. – СПб. : Типография Н. Греча, 1820.

Бузина Светлана Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры второго иностранного языка и методики обучения иностранным языкам, Владимирский государственный университет им. братьев Столетовых (Владимир); доцент кафедры церковно-исторических и церковно-практических дисциплин, Владимирская Свято-Феофановская духовная семинария (Владимир), e-mail: sve3342040@mail.ru. ORCID 0000-0003-3705-4427

Королева Вера Владимировна – доктор филологических наук, заведующий кафедрой второго иностранного языка и методики обучения иностранным языкам, Владимирский государственный университет им. братьев Столетовых (Владимир), e-mail: queenvera@yandex.ru. ORCID 0000-0002-7608-9772

Поступила в редакцию 8 мая 2024 г.

IDYLLIC IMAGES AND MOTIFS IN THE LYRICS OF VALERY BRYUSOV

S. V. Buzina^{1,2}, V. V. Koroleva¹

¹Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation

²St. Feofan's Vladimir Theological Seminary, Vladimir, Russian Federation

This article examines the idyllic images and motifs in Valery Bryusov's poetry, the appearance of which is due to the poet's creative quest, and the era of the Silver Age itself, which revived mythological cultural models. The genres of the idyll and bucolic are almost never found in their pure form in Bryusov's poetry, but various modifications of idyllic-pastoral themes and poetics are consonant in the creative searches of the poet, who revived mythological cultural models. The features of the idyllic genre are found in many of Bryusov's poems in the image of a shepherd poet ("The Chaldean Shepherd" (1898) and "The Escape of the Shepherd" (1908)), the image of a statue (the goddess Diana in the poem "She hid her face in the thick grass..." (1894)), the description of paintings and the impressions they produced and in the use of elements characteristic of the poetics of idyll: ekphrasis ("Evening Pan" (1914)), the motif of the secret observer, and the elements of an idyllic landscape. An important milestone in the transformation of the idyllic genre in Bryusov's work is the cycle "Elegies and Bucolics" (1907), harking back to the tradition of the poet Virgil. The leitmotifs of loneliness, destruction, and death permeating Bryusov's poems lead to the appearance in his artistic world of the opposition between the ancient world (idyll) – the modern world (anti-idyll), which reflects the crisis attitude of the era. The idyllic tradition in the 20th century becomes a means of highlighting the hopelessness and tragedy of human existence in the new century.

Keywords: Valery Bryusov, idyllic motifs, antique statues, ekphrasis, secret observer motif, elements of an idyllic landscape.

References

1. Kibal'nik S.A. Russkaya antologicheskaya poeziya pervoy treti XIX veka [Russian Anthological Poetry of the First Third of the 19th Century]. L., 1990. 253s.
2. Prikhod'ko I.S. Elementy pastorali v drame A. Bloka "Roza i krest" [Elements of Pastoral in A. Blok's Drama "The Rose and the Cross"] // *Pastoral' v teatre i teatral'nost' v pastorali*. M., 2001. S. 114–119.
3. Osipova N.O. Pastoral'nyye motivy v russkoy poezii pervoy treti XX veka [Pastoral Motifs in Russian Poetry of the First Third of the 20th Century] // *Pastoral' v sisteme kul'tury: metamorfozy zhanra v dialoge so vremenem*. M., 1999. S. 100–109.
4. Khadynskaya A.A. Pastoral' kak tekst kul'tury v ranney lirike G. Ivanova [The Pastoral as a Cultural Text in the Early Lyrics of G. Ivanov] // *Pastorali nad bezdnoy: sbornik nauchnykh trudov*. M., 2004. S. 89–95.
5. Sas'kova T.V. Pastoral'nyye mechty u kraya bezdny: tsikl F. Sologuba «Svirel'» [Pastoral Dreams at the Edge of the Abyss: F. Sologub's Cycle "Pipe"] // *Pastorali nad bezdnoy: sbornik nauchnykh trudov*. M., 2004. S. 115–127.
6. Izmaylov A.E. Sochineniya Izmaylova (Aleksandra Yefimovicha). [The Works of Izmailov (Alexander Efimovich)] // *Polnoye sobraniye sochineniy russkikh avtorov*. T. 1–2. SPb.: Izdanie A. Smirdina, 1869.
7. Aykhenval'd Y.I. Siluety russkikh pisateley [Silhouettes of Russian writers]: Vyp. 3. M., 1910.
8. Mochul'skiy K.B. Valeriy Bryusov [Valery Bryusov]. Paris: YMCA-Press, 1962.
9. Zelinskiy A.E. Kniga Bryusova "Tret'ya strazha" kak khudozhestvennoye tseloye [Bryusov's Book "The Third Watch" as an Artistic Whole] // *Valeriy Bryusov. Problemy tvorchestva: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov*. Stavropol: SSHI, 1989.
10. Zelinskiy F.F. Istoriya antichnoy kul'tury [The History of Ancient Culture]. SPb.: Mars, 1995.
11. Khangulyan S.A. Antichnost' v poeticheskom tvorchestve Valeriya Bryusova: dooktyabr'skiy period [Antiquity in the Poetic Work of Valery Bryusov: the Pre-October Period]: dis. ... kand. filol. nauk. Tbilisi, 1990.
12. Fomin A.Y. Antichnyye motivy v poezii V. Y. Bryusova. K voprosu o meste antichnosti v ideyno-esteticheskoy sisteme russkogo simvolizma [Ancient Motifs in the Poetry of V.Y. Bryusov. On the Question of the Place of Antiquity in the Ideological and Aesthetic System of Russian Symbolism]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M.: Moscow pedagogical state university, 1992.
13. Nakhov I.M. Ponyatiye mirovoy literatury i antichnost' (Dvenadtsat' razvernutykh tezisov) [Valery Bryusov] // *Antichnost' kak tip kul'tury*. M.: Nauka, 1988.

14. Petrosov K.G. Evolyutsiya mifologicheskikh motivov i obrazov v poezii V.Y. Bryusova [The Evolution of Mythological Motifs and Images in V.Y. Bryusov's Poetry] // *Bryusovskiye chteniya 1983 goda*. Yerevan: Sovetakan grokh, 1985.
15. Fet A.A. Sobraniye sochineniy [Collected Works]: v 2 t. T. 1. Stikhotvoreniya. Poemy. Perevody. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1982.
16. Bryusov V. Sobraniye sochineniy [Collected Works]: v 7 t. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1973.
17. Panayev V.I. Idillii [Idylls]. SPb.: Tipografiya N. Grecha, 1820.

Svetlana V. Buzina – D. Sc. (Philology), Associate Professor of the Department of Second Foreign Language and Methods of Teaching Foreign Languages, Vladimir State University (Vladimir); Associate Professor of the Department of Church-Historical and Church-Practical Disciplines of St. Feofan's Vladimir Theological Seminary (Vladimir), e-mail: sve3342040@mail.ru

Vera V. Koroleva – D. Sc. (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Second Foreign Language and Methods of Teaching Foreign Languages, Vladimir State University (Vladimir), e-mail: queen-vera@yandex.ru

Received May 8, 2024

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Бузина, С. В. Идиллические образы и мотивы в лирике В. Я. Брюсова / С. В. Бузина, В. В. Королева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2024. – Т. 24, № 3. – С. 82–87. DOI: 10.14529/ssh240309

FOR CITATION

Buzina S. V., Koroleva V. V. Idyllic images and motifs in the lyrics of Valery Bryusov. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2024, vol. 24, no. 3, pp. 82–87. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh240309

ПРОБЛЕМНО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕДИАПРОЕКТОВ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В СМИ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

М. Н. Булаева

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

Данная статья посвящена исследованию медиапроектов социальной направленности, реализованных в средствах массовой информации Челябинской области. Медиапроекты социальной направленности рассматриваются как разновидность журналистских материалов, созданных на основе уникального контента с использованием различных технологических платформ и направленных на решение общественно значимых проблем.

Цель данного исследования – изучение проблемно-тематических особенностей медиапроектов социальной направленности, реализованных в средствах массовой информации Челябинской области в период с 2021 по 2023 год. Обращение к изучению таких медиапроектов обусловлено их актуальностью и социальной значимостью.

Специфика медиапроектов, реализованных в СМИ Челябинской области, выявлена на основе исследования характера социальных проблем, содержания целей, тематического своеобразия материалов.

В результате исследования установлено, что все рассмотренные медиапроекты направлены на решение социально значимых проблем или информирование о них, характеризуются актуальной тематикой и имеют конкретно обозначенную цель, которая в итоге оказалась достигнута. Также анализ медиапроектов показал, что все они реализованы с участием аудитории. Все это позволило отнести медиапроекты к инструментам коммуникации, применяемым редакционными коллективами в процессе социального взаимодействия.

Ключевые слова: социальная журналистика, СМИ, медиапроект социальной направленности, проблемно-тематические особенности.

Введение

Социальная проблематика занимает важное место в информационной повестке региональных СМИ, которые наиболее близки к своей аудитории и пользуются ее доверием.

В освещении социальной проблематики региональные СМИ в настоящее время все чаще предпочитают использовать формат медиапроектов, которые создаются с применением цифровых технологий и представляют собой сложные многокомпонентные журналистские произведения. Медиапроекты социальной направленности нацелены на освещение актуальных проблем общества, а также на их решение.

Цель исследования заключается в изучении проблемно-тематических особенностей медиапроектов социальной направленности на примере проектов, реализованных в средствах массовой информации Челябинской области в период с 2021 по 2023 год. Объектом исследования являются медиапроекты социальной направленности, предметом – проблемно-тематические особенности медиапроектов социальной направленности в СМИ Челябинской области.

Обзор литературы

Исследованию медиапроектов посвящены труды ряда отечественных и зарубежных ученых: М. Н. Безугловой [1], М. В. Соколова [2], Ф. Бэбьюли [3], А. Р. Марфицкой [4], Л. П. Шестеркиной [5]. Особенности организации и реализации общественно зна-

чимых телепроектов рассматривала Е. Л. Дмитренко [6], типы и признаки медиапроектов социальной направленности описала И. А. Зацепина [7]. Социальные проекты российских региональных СМИ в контексте партиципаторной журналистики изучали А. С. Гатилин и Т. И. Фролова [8], опыт реализации социальных проектов в зарубежных медиа рассмотрен в совместной работе А. Лобб, Н. Мок, П. Л. Хатчинсона [9].

Методы исследования

Изучение специфики медиапроектов социальной направленности проводилось на основе методов анализа, синтеза, систематизации, сравнения. Исследование эмпирического материала – контента медиапроектов социальной направленности СМИ Челябинской области – осуществлялось с применением метода содержательного анализа.

Результаты и дискуссия

К определению социальных проблем существует множество подходов, однако в общем смысле под социальной проблемой понимается «...любая негативная социальная ситуация, которая характеризуется масштабностью и препятствует нормальному развитию общества» [10, с. 14]. По мнению Ю. Н. Зарубиной и Е. А. Серовой [11, с. 13], к важнейшим социальным проблемам относятся бедность, нищета населения и неравенство; алкоголизм, пьянство и наркомания; одиночество; социальное сиротство; состояние здоровья населения, распространение ВИЧ / СПИДа; высокая смертность населения; проблема преступности и др.

В работе Е. А. Беловой и В. О. Манушиной представлен перечень основных социально-экономических проблем, к которым исследователи отнесли «...низкий уровень доходов населения и рост цен, безработицу; увеличение числа социально незащищенных лиц; низкое качество медицинского обслуживания; низкий уровень социального развития детей и молодежи, несоответствие системы образования требованиям рынка труда; неудовлетворительное состояние жилищно-коммунального хозяйства; неблагоприятные условия для развития науки и малого бизнеса, предпринимательской самореализации граждан» [12, с. 159]. Отдельно авторы выделяют «социальные коммуникативно-информационные проблемы: люди становятся разобщенными, отделенными от социума и от природы (что порождает также и социально-экологические проблемы). И даже полезные коммуникативные инструменты, например, всемирная сеть Интернет, становятся лишь очередным средством отчуждения и социальной изоляции, когда утрачиваются навыки реального общения с людьми» [12, с. 160].

Перечень социальных проблем в настоящее время расширился в связи с проведением специальной военной операции (СВО). Исследователи В. А. Воронов, А. А. Гармашев и К. А. Хрипов отмечают, что «...откликом социума на сложившуюся ситуацию стало желание помогать ближнему – это одна из характерных особенностей влияния СВО» [13].

Такой широкий спектр проблем позволяет рассматривать их в качестве предмета социальной журналистики, определяемого Т. И. Фроловой как «...пространство человека во всем разнообразии его отношений: с другими людьми, с социальными институтами, с самим собой» [14].

Характеризуя современное состояние социальной журналистики, Т. И. Фролова в числе прочих выделяет такие тенденции, как «...цифровизация социальной журналистики – вовлечение аудитории в медиапроцессы стало глобальным и многофакторным, <...> возможности мультимедийности и ресурсы медиаплощадок выдвинули гуманитарную тематику в лидеры медиапотребления, <...> оживление социального проектирования в контексте партисипаторности» [15]. Подтверждением данных тенденций как раз и являются медиапроекты социальной направленности, которые в настоящее время активно реализуются как в крупных федеральных СМИ, так и в небольших городских и районных редакциях.

В процессе изучения научной литературы установлено, что исследователи предлагают различные определения понятия «медиапроект». М. В. Соколов под медиапроектом понимает «...деятельность, организованную на основе средств электронных медиа, имеющую общую проблему, цель, согласованные методы, способы

деятельности, направленную на достижение совместного результата деятельности» [2]. По мнению Т. А. Фарафоновой, медиапроект – это и коллективный блог культурной и социальной тематики, и «...площадка для ведения диалога с аудиторией по наиболее актуальным проблемам современного общества» [16]. В данной статье применяется определение медиапроекта, предложенное Л. П. Шестеркиной, – это «...разновидность социального проектирования в области медиа, представляющая собой творческую разработку, обладающую целеполаганием, задачами и характером проектируемых изменений, масштабом и конкретными сроками реализации; выполненная с использованием различных технологических платформ и направленная на достижение целей, имеющих важное социальное значение для развития общества» [5].

Медиапроекты отличаются разнообразием, это обусловлено многовариантностью их целей и задач, тематики и сроков реализации, целевой аудитории и жанровой палитры и т. п. Это могут быть научно-популярные, культурно-просветительские, социальные, образовательные и иные медиапроекты. Содержательная специфика медиапроекта определяется прежде всего целевой установкой, проблематикой и тематикой.

Медиапроекты социальной направленности всегда отражают актуальную тему и проводятся с целью, которая, по мнению И. А. Зацепиной, выражается в «...содействии продвижению освещения социальных аспектов в обществе и сосредоточении на создаваемых и интерпретируемых ими образах социальной жизни» [7, с. 3195]. Еще одной особенностью медиапроектов социальной направленности является их ориентация на широкую аудиторию.

Проблематика таких медиапроектов разнообразна, отражает трудности, с которыми сталкивается отдельный человек, группа лиц, общество в целом. Кроме того, медиапроекты социальной направленности имеют конкретную целевую установку, достижение которой может рассматриваться как результат реализации медиапроекта. Варианты целей могут быть различны и зависят как от лежащей в основе проекта социальной проблемы, так и от тех ресурсов, которые имеются у редакционного коллектива. Например, медиапроекты социальной направленности могут осуществляться с целью сбора средств для помощи нуждающимся, привлечения внимания к проблеме, информирования аудитории, сохранения исторической памяти, консолидации общества, поддержки талантливых и достойных людей и др. Содержание цели может быть различным, главное, она должна быть конкретной и достижимой.

Проблематика и целевая установка определяют тематический спектр журналистских материалов, которые в процессе реализации проекта выступают в качестве медиапродукта. В отличие

от проблемы, формулировка которой может быть достаточно общей, тема всегда точно обозначена. В рамках одного медиапроекта может быть создано несколько материалов разной тематики.

Для изучения содержательных особенностей медиапроектов социальной направленности было рассмотрено 20 проектов, реализованных редакциями средств массовой информации в Челябинской области с 2021 по 2023 гг. Общая характеристика проблематики, тематики и целевой установки рассмотренных медиапроектов представлена в табл.

В основе рассмотренных медиапроектов лежат разные социальные проблемы, некоторые из них проявляются более остро, например, низкий уровень доходов населения, бедность, социальная незащищенность, ограниченные возможности здоровья. Именно на решение таких проблем и были направлены медиапроекты «Подарим праздник детям» (газета «Степные зори»), «Пронзительные строки» (медиахолдинг «Граната Пресс»), «Теплая помощь» («31 канал»), «Подари свое тепло» (газета «Всходы»), «Сделано с душой» (газета «Горняк Бакала»), «Стань Дедом Морозом», «Творим добро» и «Восход добрых дел» («Аргаяш-медиа»).

Актуальными также являются проблемы в сфере жилищно-коммунального хозяйства (отсутствие благоустройства, недостаточное озеленение), так как от решения этих вопросов также зависит качество жизни людей. Эта проблематика нашла отражение в медиапроектах «Детская площадка – территория комфорта» (газета «Вперед»), Фотоконкурс «За чистоту!» (газета «Знамя Октября»), «Расхламись и подпишись» (газета «Сосновская нива»), а также в акции по посадке деревьев (газета «Звезда»).

В 2022–2023 гг. в связи с проведением специальной военной операции обозначились новые проблемы, для решения которых редакции региональных СМИ реализовали ряд медиапроектов, в процессе которых были собраны вещи, средства первой необходимости для участников СВО, а также оказана моральная поддержка военнослужащим: «Новогодний подарок солдату» (газета «Комсомольская правда-Челябинск»), «Квадрокоптер для Победы!» (газета «Усть-Катавская неделя»), «Подари тепло солдату» (газета «Сельские новости»). Внимание было уделено и семьям мобилизованных, например, редакция газеты «Всходы» реализовала медиапроект «Помоги семье солдата» под девизом «Окружим заботой семьи наших бойцов!».

В качестве проблемной основы медиапроектов редакции газеты «Вперед» выбраны утрата навыков общения («Детство без телефонов»), разобщенность, одиночество («Кабинет психолога»), состояние здравоохранения («Спасатели в белых халатах»).

Точное и подробное описание проблемы необходимо не только для обоснования актуальности и целесообразности медиапроекта, но и для привле-

чения внимания аудитории. В большинстве рассмотренных медиапроектов проблема сформулирована точно и конкретно. Например, в медиапроекте «Восход добрых дел» («Аргаяш-Медиа») каждый видеосюжет начинался с описания проблемы: «Героями 7-го выпуска проекта “Восход добрых дел” стала семья Валеевых из деревни Большая Исынгильдина. Четверых детей воспитывает одна мама. В 2018 году родительский дом Валеевых сгорел. Сейчас они ютятся в съемной избушке. Мама Маскуда живет мечтой о своем маленьком домике. На счету любая копейка» [17]. В медиапроекте «Спасатели в белых халатах» обращается внимание на трудности работы врачей: «В связи с эпидемиологической ситуацией в стране самое сложное задание ложится на плечи спасателей в белых халатах – медикам. Именно к ним спешат пациенты и просят о помощи, и, конечно же, доктора стараются как можно скорее поставить правильный диагноз и вылечить больного» [18].

Таким образом, проблематика рассмотренных медиапроектов – это и объективно существующие конкретные материальные трудности, и потребности духовного плана: в признании, консолидации.

Анализ целевой установки рассмотренных медиапроектов социальной направленности выявил, что большая их часть нацелена на материальную помощь и поддержку людей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Медиапроекты осуществлялись с целью помочь малообеспеченным, многодетным семьям, детям с ограниченными возможностями здоровья. Ряд проектов проводился с целью поддержки одиноких стариков и пожилых людей с ограниченными возможностями здоровья.

Из общего количества рассмотренных медиапроектов половина (10) имеет «материальную» целевую установку (сбор денежных средств, вещей первой необходимости, одежды, книг и др.). В 5 медиапроектах цель достигалась через физическое действие участников (посадить дерево, сдать макулатуру, выйти на субботник и т. п.). Медиапроектов, предполагающих достижение цели через информационное участие аудитории (рассказать стихотворение, поделиться историей и т. д.), – 5.

Достижение цели – один из признаков эффективной реализации медиапроекта. Все рассмотренные медиапроекты реализованы с конкретным результатом: собраны средства, оказана помощь, привлечено внимание и т. п. Информация о достижении целей или решении промежуточных задач представлена в текстах всех медиапроектов. Например, в акции по сбору вещей для мобилизованных, которую провела редакция «Комсомольская правда-Челябинск», описаны ее итоги: «Люди приезжали со всей области, несли вещи каждый день <...> 10 тонн с лишним гуманитарной помощи мы собрали, и буквально со дня на день

она поедет до пункта назначения в Волновихский район и Донецк”, – объясняет дальнейшую логику директор “Комсомольской правды-Челябинск” Екатерина Парфенова» [19].

Тематический спектр материалов медиапроектов напрямую связан с целевой установкой и проблемой, на решение которой он направлен. Раскрытие темы в текстах медиапроектов происходило, как правило, через описание реальной конкретной ситуации и с участием героя. Например, в видеосюжетах «Аргаяш-Медиа» описаны истории каждого героя медиапроекта «Творим добро», в рамках которого оказана помощь семьям, воспитывающим детей с ограниченными возможностями здоровья.

Также в материалах медиапроектов отражен ход их реализации. Например, в проекте «Книги для школьников» (газета «Сосновская нива») подробно описано то, как родилась идея проекта, как проходил сбор литературы, какие книги приносили люди, как прошла доставка книг в библиотеки Донбасса. Поэтому принцип реализации медиапроекта можно охарактеризовать как сторителлинг, в процессе которого вышло несколько материалов, объединенных тематически.

Все рассмотренные медиапроекты отличает не только значимость проблемы, конкретная достижимая цель и актуальная тематика, но и то, что в них предусмотрено участие аудитории. Таким образом, редакции СМИ выступают как организаторы социального взаимодействия, а медиапроекты – как инструменты коммуникации в обществе: благодаря им люди не только расширяют свое представление о спектре социальных проблем, узнают о способах их решения и перенимают опыт, но и принимают в них непосредственное участие. В текстах рассмотренных медиапроектов часто сообщается информация о тех, кто помог в решении проблемы. Например, в публикации о ходе реализации медиапроекта «Квадрокоптер

для победы» названы имена тех, кто оказал помощь: «Мы уже сообщали, что, наряду с другими горожанами, наиболее значимый взнос сделал пенсионер Александр Падалко. Его поддержала женщина-инвалид, назвавшаяся Людмилой Ивановной. Она внесла 30 тысяч рублей, пожелав, чтобы эти средства были использованы на приобретение дрона» [20]. В публикации об итогах акции «Подарим праздник детям» корреспондент газеты «Степные зори» пишет: «Уже не первый год Черноборская школа участвует в нашей акции, коллектив вместе с детьми собирают игрушки и передают их нам. Огромное спасибо им всем за это неравнодушие! Житель Чесмы Алексей Козлов в этом году предоставил мед, его мы завезли в каждую семью, в которой побывали <...> Татьяна Никитична Ерахтина предоставила денежные средства, на них мы купили более 10 киндер-сюрпризов. Районный совет ветеранов передал нам несколько сладких новогодних кулек. Николай Бенгарт привез в редакцию игрушки. Хотим сказать огромное спасибо всем-всем-всем, кого-то не перечислили, кто-то не захотел быть названным» [21].

Таким образом, исследование проблемно-тематических особенностей медиапроектов социальной направленности в СМИ Челябинской области выявило, что такие проекты нацелены на решение значимой социальной проблемы или информирование о ней. Медиапроекты представляют собой серию журналистских публикаций, однако в их структуре может быть и пользовательский контент. Тема каждого материала уникальна, но все медиапродукты проекта объединены тематически. Обязательным компонентом медиапроекта является целевая установка, которая должна быть четко сформулирована и достижима. Исходные цели рассмотренных медиапроектов были достигнуты, что можно считать одним из критериев их эффективной реализации.

Проблемно-тематические характеристики медиапроектов социальной направленности в СМИ Челябинской области

Таблица

Table

Problem-thematic characteristics of social media projects in the media of the Chelyabinsk region

№ п/п	Название проекта, принадлежность к СМИ	Проблематика	Тематическая направленность	Целевая установка
1	«Восход добрых дел», редакция «Аргаяш-медиа», Аргаяшский район	Низкий уровень доходов населения	Приобретение одежды, вещей первой необходимости, школьных принадлежностей для детей из малообеспеченных семей	Материальная поддержка семей, находящихся в трудной жизненной ситуации
2	«Творим добро», редакция «Аргаяш-медиа», Аргаяшский район	Низкий уровень доходов населения; ограниченные возможности здоровья	Оплата реабилитационного курса; приобретение необходимых удерживающих устройств и средств передвижения для детей-инвалидов; приобретение компьютера, велосипеда	Материальная поддержка семей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья

№ п/п	Название проекта, принадлежность к СМИ	Проблематика	Тематическая направленность	Целевая установка
3	«Стань Дедом Морозом», редакция «Аргаяш-медиа», Аргаяшский район	Низкий уровень доходов населения	Сбор средств на приобретение подарков детям, организация поздравления и вручение подарков детям от Деда Мороза и Снегурочки – сотрудников редакции «Аргаяш-Медиа»	Материальная поддержка многодетных семей
4	«Помоги семье солдата», газета «Всходы», Нагайбакский район	Бытовые трудности у семей мобилизованных на СВО	Забота о семьях мобилизованных на СВО: проведение водопровода в дом, уборка снега на придомовой территории, приобретение дров и т. п.	Всесторонняя поддержка семей мобилизованных на СВО
5	«Подари свое тепло», газета «Всходы», Нагайбакский район	Ограниченные возможности здоровья; одиночество	Поздравление с Новым годом и вручение подарков пожилым людям и детям с ограниченными возможностями здоровья	Моральная поддержка детей с ограниченными возможностями здоровья, одиноких пенсионеров
6	«Сделано с душой», газета «Горняк Бакала», г. Бакал	Состояние здоровья населения; одиночество	Поздравление и вручение новогодних подарков пациентам паллиативного отделения и одиноких пожилых людей	Моральная поддержка людей с ограниченными возможностями здоровья, одиноких пенсионеров
7	«Новогодний подарок солдату», газета «Комсомольская правда–Челябинск»	Потребность участников СВО в вещах и средствах первой необходимости	Сбор вещей и средств первой необходимости для участников СВО	Моральная поддержка и гуманитарная помощь мобилизованным участникам СВО
8	«Подари тепло солдату», газета «Сельские новости», Брединский район	Потребность участников СВО в вещах и средствах первой необходимости	Сбор вещей и средств первой необходимости для участников СВО	Моральная поддержка и гуманитарная помощь мобилизованным участникам СВО
9	Акция по посадке деревьев, газета «Звезда», Агаповский район	Неудовлетворительное состояние ЖКХ	Посадка саженцев на территории поселка	Содействие в благоустройстве территории
10	«Книжки для школьников», газета «Сосновская нива», Сосновский район	Недостаточное оснащение библиотек	Помощь библиотекам Луганской и Донецкой народных республик: сбор детских книг и средств для их приобретения	Поддержка функционирования библиотек Донбасса
11	«Расхламись и подпишись», газета «Сосновская нива», Сосновский район	Неудовлетворительное состояние ЖКХ	Сбор макулатуры и скидка на подписку на газету	Приобщение аудитории к решению экологических проблем
12	«Кабинет психолога», газета «Вперед», Троицкий район	Одиночество; разобщенность	Советы психолога по решению проблем самореализации, общения с окружением	Информирование и помощь в решении психологических проблем
13	«Спасатели в белых халатах», газета «Вперед», Троицкий район	Состояние здравоохранения	Благодарность врачам и другим медицинским работникам	Моральная поддержка профессионалов сфере здравоохранения
14	«Детская площадка – территория комфорта», газета «Вперед», Троицкий район	Неудовлетворительное состояние ЖКХ	Уборка, ремонт и благоустройство детских площадок во дворах	Создание благоприятных и комфортных условий на детских площадках
15	Фотоконкурс «Детство без телефонов», газета «Вперед», Троицкий район	Разобщенность; Утрата навыков общения	Хобби, творческие занятия и увлечения детей	Преодоление зависимости от гаджетов у детей

Продолжение таблицы

№ п/п	Название проекта, принадлежность к СМИ	Проблематика	Тематическая направленность	Целевая установка
16	«Квадрокоптер для Победы!», газета «Усть-Катавская неделя», г. Усть-Катав	Потребности участников СВО в квадрокоптере	Сбор средств от жителей Усть-Катава на покупку квадрокоптера для земляков, участвующих в СВО	Моральная и материальная поддержка участников СВО. Приобретение необходимого оборудования
17	«Подарим праздник детям», газета «Степные зори», Че-менский район	Низкий уровень доходов населения	Сбор средств на приобретение новогодних подарков, организация поздравления и вручение подарков детям	Материальная поддержка малообеспеченных семей
18	«Теплая помощь», «31 канал», г. Челябинск	Бедность, нищета; социальная незащищенность	Помощь людям без определенного места жительства, сбор денежных средств, вещей первой необходимости, зимней одежды и обуви для бездомных людей	Повышение качества жизни бездомных людей
19	Фотоконкурс «За чистоту!», газета «Знамя Октября», г. Пласт	Неудовлетворительное состояние ЖКХ	Участие жителей района в уборке территории	Содействие в проведении субботников
20	«Пронзительные строки», медиахолдинг «Граната Пресс»	Ограниченные возможности здоровья	Чтение стихов детьми с ограниченными возможностями здоровья	Моральная поддержка и содействие развитию творческих способностей детей с ограниченными возможностями здоровья

Выводы

Исследование медиапроектов социальной направленности в СМИ Челябинской области позволяет сделать вывод об актуальности проведенного исследования. В процессе изучения установлено, что медиапроекты социальной направленности направлены на решение общественно значимых проблем и всегда имеют конкретно обозначенную цель.

На основе анализа медиапроектов, реализованных в СМИ Челябинской области в 2021–2023 гг., установлено, что в их основе лежат актуальные социальные проблемы: ограниченные возможности здоровья, материальные трудности, участие в СВО, благоустройство территории и охрана окружающей среды, психологические проблемы. В качестве целевой установки в рассмотренных медиапроектах выступает решение обозначенных проблем посредством сбора материальной помощи, денежных средств, моральной поддержки людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Тематика материалов исследованных медиапроектов обусловлена проблемой и целевой установкой. Тема каждого отдельного материала в рамках конкретного медиапроекта уникальна, но семантически связана с остальными.

Достижение поставленных целей в рамках медиапроектов позволяет сделать вывод о том, что в региональных СМИ они выступают как эффективный способ решения социальных проблем и инструмент коммуникации с аудиторией.

Литература

1. Безуглова, М. Н. Медиапроект как бизнес цифровой эпохи / М. Н. Безуглова, А. А. Зубенко // Экономика, управление, финансы : материалы VI Международной научной конференции. – Краснодар : Новация, 2016. – С. 68–70.
2. Соколов, М. В. Сетевой медиапроект как средство формирования готовности к профессиональному саморазвитию будущего педагога / М. В. Соколов // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2013. – № 10 (85). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/setevoy-media-proekt-kak-sredstvo-formirovaniya-gotovnosti-k-professionalnomu-samorazvitiyu-buduschego-pedagoga> (дата обращения: 10.02.2024).
3. Бэбьюли, Ф. Управление проектом / Ф. Бэбьюли ; пер. с англ. – М. : Гранд Фаир-Пресс, 2002. – 209 с.
4. Марфицына, А. Р. Трансмедийный образовательный проект как инструмент формирования профессиональных компетенций журналиста в условиях цифровой интеграции университетских СМИ : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. Р. Марфицына. – Воронеж, 2022. – 24 с.
5. Шестеркина, Л. П. Региональное телевидение в процессе социального взаимодействия с обществом (на примере ГТРК «Южный Урал») : монография / Л. П. Шестеркина, Е. Л. Дмитренко. – Челябинск, 2017. – 116 с.
6. Дмитренко, Е. Л. Телепроект как разновидность социального проектирования / Е. Л. Дмитренко // Вестник ВГИК. – 2016. – № 1 (27). – С. 128–137.

7. Зацепина, И. А. Понятие, типы и признаки медиапроектов социальной направленности / И. А. Зацепина // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры : материалы Всероссийской научно-методической конференции. – Оренбург : Университет, 2013. – С. 3194–3196.
8. Гатилин, А. С. Социальные проекты местных СМИ в контексте принципов партиципаторной журналистики / А. С. Гатилин, Т. И. Фролова // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2021. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-proekty-mestnyh-smi-v-kontekste-printsipov-partitsiparnoy-zhurnalistiki> (дата обращения: 12.02.2024).
9. Lobb A. Traditional and Social Media Coverage and Charitable Giving Following the 2010 Earthquake in Haiti / A. Lobb, N. Mock, P. L. Hutchinson // *Prehospital and Disaster Medicine*. – 2012. – № 27 (4). – P. 319–324.
10. Социальные проблемы : учебное пособие для академического бакалавриата / Н. С. Сыроед, Н. В. Осмачко, Ю. И. Гайнуллина [и др.]. – Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2020. – 406 с.
11. Зарубина, Ю. Н. Социальные проблемы современного общества : учебно-методическое пособие / Ю. Н. Зарубина, Е. А. Серова. – Ярославль : ЯрГУ, 2018. – 36 с.
12. Белова, Е. А. Социальные проблемы: специфика, уровни и способы разрешения / Е. А. Белова, В. О. Манушина // *Ученые заметки ТОГУ*. – 2015. – Т. 6, № 4. – URL: http://pnu.edu.ru/media/ejournal/articles-2015/TGU_6_172.pdf (дата обращения: 11.02.2024).
13. Воронов, В. А. Специальная военная операция как триггер изменений социума приграничного региона / В. А. Воронов, А. А. Гармашев, К. А. Хрипков // *Государственная служба*. – 2023. – № 5 (145). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsialnaya-voennaya-operatsiya-kak-trigger-izmeneniy-sotsiuma-prigranichnogo-regiona> (дата обращения: 12.02.2024).
14. Фролова, Т. И. Социальные приоритеты в коммуникативных стратегиях российских СМИ / Т. И. Фролова // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2005. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-prioritety-v-kommunikativnyh-strategiyah-rossijskih-smi> (дата обращения: 11.02.2024).
15. Фролова, Т. И. Социальная журналистика: двадцать лет спустя / Т. И. Фролова // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2023. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-zhurnalistika-dvadsat-let-spustya> (дата обращения: 11.02.2024).
16. Фарафонова, Т. А. Понятие «медиапроект» и специфика медиапроектирования / Т. А. Фарафонова // *Молодой ученый*. – 2022. – № 23 (418). – С. 613–617.
17. Аргаяш-Медиа. – URL: https://vk.com/voshod74?w=wall-34822270_22143 (дата обращения: 12.02.2024).
18. Спасатели в белых халатах. – URL: <http://74vpered.ru/novosti/zdorove/7522-spasateli-v-belykh-khalatakh/> (дата обращения: 12.02.2024).
19. Саудабаев, И. Шоколадки в носках и письма на узбекском: как в помощи мобилизованным сплотилась вся Челябинская область / И. Саудабаев. – URL: <https://www.chel.kp.ru/daily/27467.5/4672305/> (дата обращения: 12.02.2024).
20. Батракова, М. Квадрокоптер для Победы! / М. Батракова. – URL: <http://tramuk.ru/novosti/novosti/13018-kvadrokopter-dlya-pobedy.html> (дата обращения: 12.02.2024).
21. Перчаткина, Ю. Мы подарили всем подарки / Ю. Перчаткина. – URL: <https://chesmasz.ru/news/obshchestvo/4065-my-podarili-vsem-podarki.html> (дата обращения: 12.02.2024).

Булаева Мария Николаевна – преподаватель кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: bulaevamn@susu.ru. ORCID 0000-0002-6980-0618

Поступила в редакцию 12 марта 2024 г.

DOI: 10.14529/ssh240310

THE PROBLEM-THEMATIC FEATURES OF SOCIAL MEDIA PROJECTS IN THE CHELYABINSK REGION

M. N. Bulaeva

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

This article studies socially oriented media projects implemented in the social media of the Chelyabinsk region. Social media projects are a type of unique journalistic content, using social media platforms and are relevant because they aim at solving socially significant problems.

The article studies the problem-thematic features of these projects in the Chelyabinsk region in the period from 2021 to 2023.

The specifics of the projects were identified on the basis of the nature of the social problems they addressed, their goals, and the thematic originality of materials.

The results established that all the projects are aimed at solving socially significant problems or providing information about them, are characterized by the relevance of the themes, and have a specifically designated goal, which was ultimately achieved. The analysis showed they all were implemented with the involvement of social media audiences, making it possible to classify the projects as communication tools used by editorial teams in social interaction.

Keywords: social journalism, mass media, social media project, problem-thematic features.

References

1. Bezuglova M.N. Mediaproekt kak biznes tsifrovoy epokhi [Media Project as a Business of the Digital Era] // *Ekonomika, upravlenie, finansy: materialy VI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Krasnodar: Novatsiya, 2016. S. 68–70.
2. Sokolov M.V. Setevoy mediaproekt kak sredstvo formirovaniya gotovnosti k professional'nomu samorazvitiyu budushchego pedagoga [Network media project as a means of developing readiness for professional self-development of a future teacher] // *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2013. № 10 (85). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/setevoy-mediaproekt-kak-sredstvo-formirovaniya-gotovnosti-k-professionalnomu-samorazvitiyu-budushchego-pedagoga> (data obrashcheniya: 10.02.2024).
3. Bjug'juli F. Upravlenie proektom [Project Management]; per. s angl. M.: Grand Fair-Press, 2002. 209 s.
4. Marficya A R. Transmediynny obrazovatel'nyy proekt kak instrument formirovaniya professional'nykh kompetentsiy zhurnalista v usloviyakh tsifrovoy integratsii universitetskikh SMI [Transmedia educational project as a tool for developing professional competencies of a journalist in the context of digital integration of university media]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2022. 24 s.
5. Shesterkina L.P., Dmitrenko E.L. Regional'noe televidenie v protsesse sotsial'nogo vzaimodeystviya s obshchestvom (na primere GTRK «Yuzhnyy Ural») [Regional Television in the Process of Social Interaction with Society (Using the Example of the State Television and Radio Broadcasting Company “South Ural”): monografiya. Chelyabinsk, 2017. 116 s.
6. Dmitrenko E.L. Teleproekt kak raznovidnost' sotsial'nogo proektirovaniya [TV Project as a Type of Social Design] // *Vestnik VGIK*. 2016. № 1 (27). S. 128–137.
7. Zacepina I.A. Ponyatie, tipy i priznaki mediaproektov sotsial'noy napravlenosti [Concept, Types and Characteristics of Socially Oriented Media Projects] // *Universitetskiy kompleks kak regional'nyy tsentr obrazovaniya, nauki i kul'tury: materialy Vserossiyskoy nauchno-metodicheskoy konferentsii*. Orenburg: Universitet, 2013. S. 3194–3196.
8. Gatilin A.S., Frolova T.I. Sotsial'nye proekty mestnykh SMI v kontekste printsipov partitsiparnoy zhurnalistiki [Social Projects of Local Media in the Context of the Principles of Participatory Journalism] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. 2021. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-proekty-mestnykh-smi-v-kontekste-printsipov-partitsiparnoy-zhurnalistiki> (data obrashcheniya: 12.02.2024).
9. Lobb A., Mock N., Hutchinson P. L. Traditional and Social Media Coverage and Charitable Giving Following the 2010 Earthquake in Haiti // *Prehospital and Disaster Medicine*. 2012. 27(4). P. 319–324.
10. Social'nye problemy [Social Problems]: uchebnoe posobie dlja akademicheskogo bakalavriata / N.S. Syroed, N.V. Osmachko, Y.I. Gaynullina [i dr.]. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. federal. un-ta, 2020. 406 s.
11. Zarubina J.N., Serova E.A. Social'nye problemy sovremennogo obshhestva [Social Problems of Modern Society]: uchebno-metodicheskoe posobie. Jaroslavl': JarGU, 2018. 36 s.
12. Belova E. A., Manushina V.O. Social'nye problemy: specifika, urovni i sposoby razresheniya [Social Problems: Specifics, Levels and Methods of Resolution] // *Uchenye zametki TOGU*. 2015. T. 6, № 4. URL: http://pnu.edu.ru/media/ejournal/articles-2015/TGU_6_172.pdf (data obrashcheniya: 11.02.2024).
13. Voronov V.A. Garmashev A.A., Khripkov K.A. Spetsial'naya voennaya operatsiya kak trigger izmeneniy sotsiuma prigranichnogo regiona [Special Military Operation as a Trigger for Changes in Society in the Border Region] // *Gosudarstvennaya sluzhba*. 2023. № 5 (145). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsialnaya-voennaya-operatsiya-kak-trigger-izmeneniy-sotsiuma-prigranichnogo-regiona> (data obrashcheniya: 12.02.2024).
14. Frolova T.I. Sotsial'nye priority v kommunikativnykh strategiyakh rossiyskikh SMI [Social Priorities in Communication Strategies of Russian Media] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. 2005. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-priority-v-kommunikativnykh-strategiyah-rossiyskih-smi> (data obrashcheniya: 11.02.2024).

15. Frolova T.I. Sotsial'naya zhurnalistika: dvadtsat' let spustya [Social Journalism: Twenty Years Later] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. 2023. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-zhurnalistika-dvadtsat-let-spustya> (data obrashcheniya: 11.02.2024).
16. Farafonova T.A. Ponyatie «mediaproekt» i spetsifika mediaproektirovaniya [The Concept of «Media Project» and the Specifics of Media Design] // *Molodoy uchenyy*. 2022. № 23 (418). S. 613–617.
17. Argayash-Media. URL: https://vk.com/voshod74?w=wall-34822270_22143 (data obrashheniya: 12.02.2024).
18. Spasateli v belykh khalatakh [Rescuers in White Coats]. URL: <http://74vpered.ru/novosti/zdorove/7522-spasateli-v-belykh-khalatakh/> (data obrashcheniya: 12.02.2024).
19. Saudabaev I. Shokoladki v noskakh i pis'ma na uzbekskom: kak v pomoshchi mobilizovannym splotilas' vsya Chelyabinskaya oblast' [Chocolates in Socks and Letters in Uzbek: How the Entire Chelyabinsk Region Rallied to Help those Mobilized]. URL: <https://www.chel.kp.ru/daily/27467.5/4672305/> (data obrashcheniya: 12.02.2024).
20. Batrakova M. Kvadrokopter dlja Pobedy! [Quadcopter for Victory]. URL: <http://tramuk.ru/novosti/novosti/13018-kvadrokopter-dlya-pobedy.html> (data obrashcheniya: 12.02.2024).
21. Perchatkina J. My podarili vsem podarki [We Gave Everyone Gifts]. URL: <https://chesmasz.ru/news/obshestvo/4065-my-podarili-vsem-podarki.html> (data obrashcheniya: 12.02.2024).

Maria N. Bulaeva – Lecturer of the Department of Journalism, Advertising, and Public Relations, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: bulaevamn@susu.ru

Received March 12, 2024

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Булаева, М. Н. Проблемно-тематические особенности медиапроектов социальной направленности в СМИ Челябинской области / М. Н. Булаева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2024. – Т. 24, № 3. – С. 88–96. DOI: 10.14529/ssh240310

FOR CITATION

Bulaeva M. N. The problem-thematic features of social media projects in the Chelyabinsk Region. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2024, vol. 24, no. 3, pp. 88–96. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh240310

ЖАНР РЕЛИГИОЗНОГО ФЭНТЕЗИ В ТВОРЧЕСТВЕ Д. УРУШЕВА**Е. В. Канищева***Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация*

В статье описаны особенности жанровой специфики произведений Д. Урушева, опубликованного в период с 2017 по 2023 год пять произведений в жанре «старообрядческой сказки». Авторская номинация жанра определяет особенности мифологического мышления, отраженного в анализируемых книгах.

Художественные произведения Д. Урушева содержат большое количество сказочных элементов, которые организуют сюжет, определяют выбор системы персонажей, создают хронотоп книг и специфическую авторскую географию. В то же время «старообрядческие сказки» ориентированы на религиозное мышление писателя, содержат большое количество религиозных мотивов, метафорически выражают назидательный смысл произведений.

Данные особенности позволяют отнести анализируемые книги к жанру религиозного фэнтези, имеющему особую популярность в современной массовой культуре и в то же время только обретающему терминологическую определенность. Этим обусловлена актуальность исследования.

Автор статьи указывает на родство произведений Д. Урушева с жанром религиозного фэнтези, подробно анализирует некоторые жанрообразующие признаки книг, указывает на черты, находящиеся за пределами названного жанра.

Материалом настоящего исследования стали первые две книги Д. Урушева, представляющие собой начало истории, описанной в серии старообрядческих сказок.

Ключевые слова: жанр, фэнтези, религиозное фэнтези, старообрядческая сказка, творчество Д. Урушева, религиозные мотивы.

Введение

Целью данного исследования является определение жанровой специфики художественных произведений Д. Урушева. Материалом для настоящей статьи послужили первые старообрядческие сказки автора «Звезда Альтаир» и «Два брата», опубликованные в 2018 году.

Жанровый потенциал произведений, ориентированных на воссоздание религиозных идей, выражение назидательного смысла, обозначен автором в подзаголовке. Старообрядческая сказка – это авторская метафорическая номинация, не имеющая аналогов в литературе духовной, в произведениях старообрядческой среды. Данное жанровое обозначение указывает на близость произведений сказочному канону и традициям религиозной литературы.

Обозначение специфики жанра книги «Звезда Альтаир» дано в предисловии к произведению, составленном кандидатом исторических наук М. В. Муравьевым, который называет текст «многожанровой притчей», «головоломкой-квизом» и «христианским фэнтези» [1, с. 8].

Старообрядческие сказки Д. Урушева оказываются максимально близки жанру религиозного фэнтези, востребованного сегодня массовой культурой, с чем связана актуальность данного исследования.

Объектом изучения в настоящем исследовании являются жанрообразующие элементы прозы Д. Урушева, предметом – специфика их воплощения в книгах «Звезда Альтаир» и «Два брата».

Ключевыми терминами для анализа стали понятия мифологии и мифологического мышления, а также фэнтези и религиозного фэнтези.

М. А. Черняк изучает фэнтези как жанр массовой культуры, обладающий каноническим началом и типовыми шаблонами [2, с. 4]. В основе формирования литературы фэнтези лежит понимание особенностей мифологического мышления, которое, по словам Е. Ю. Вострецова и Е. В. Ивановой, «...способствует освобождению современного человека от его страхов, от боязни хаоса, реализует его стремление к совершенству, его утопические чаяния. Простота и схематизм мифа обеспечивают ясность, предсказуемость, психологический комфорт» [3].

В современных литературоведческих исследованиях жанр религиозного фэнтези назван одним из элементов религиозной мифологии. Это вид фэнтези, формирующийся наряду с другими разновидностями, например, выделяемыми Е. В. Ивановой, фэнтези «...героическим, эпическим, “темным”, игровым, историческим, юмористическим, феминистическим, детским» [4].

Близость к фольклорной традиции, по мнению исследователей, является одним из определяющих признаков жанра [5].

Обзор литературы

Изучению особенностей жанра религиозного фэнтези посвящено небольшое количество исследовательских работ.

В статьях 2009 года доктора исторических наук, религиоведа, историка религии Р. А. Силантьева представлены размышления об истории формирования фантастики как жанра художественной литературы и фэнтези как направления фантастики.

Автор указывает на примеры произведений жанра религиозного фэнтези [6, 7].

В 2017 году вышла популяризаторская статья «Христианское фэнтези: шесть лучших авторов на все времена», автором которой стал писатель-фантаст Д. Емец. В работе исследователь говорит об отсутствии строгого жанрового канона, указывает на попытки разработать новые жанровые формы, одной из которых, по мнению автора, становится «христианское фэнтези» [8].

На данный момент термин «религиозное фэнтези» приобретает большой синонимический ряд, не создаваемый, как правило, исследователями-литературоведами, религиоведами или культурологами, но формирующийся, по-видимому, в массовом сознании на форумах, в отзывах и рецензиях на художественные произведения, подходящие под данное определение жанра. Встречаются термины *религиозное фэнтези*, *христианское фэнтези*, *православное фэнтези*, *религиозная фантастика*, *христианская фантастика*, *православная фантастика*.

При этом в целом сегодня вырабатывается подход, позволяющий систематизировать представления о жанровых признаках и особенностях изучаемого явления. Он представлен, например, в исследованиях Е. В. Ивановой, которая использует термин «религиозное фэнтези», считает его одной из составляющих религиозной мифологии [3, 4, 9].

Произведения Д. Урушева исследователи относят к жанру фэнтези. Г. В. Чудинова в рецензии на книгу «Два брата» характеризует жанр сказок писателя следующим образом: «Жанровая особенность книг Д. Урушева – синтез литературной сказки и фэнтези с преобладанием первой составляющей. Здесь сложно сказать что-то новое, но автору это удалось, благодаря основательным познаниям в области истории и философии» [10].

Методы исследования

Методологической базой для данной работы послужили исследования жанра фэнтези В. Губайловского [11], Р. Г. Костиной [12], Р. А. Силантьева [6, 7], М. А. Черняк [2], Е. Н. Ковтун [13], В. Лашкевич [14], А. Pagan [15].

В основе логики анализа произведений Д. Урушева лежат работы Е. В. Ивановой, посвященные изучению особенностей жанра религиозного фэнтези. В статье «“Религиозное фэнтези” как элемент современной религиозной мифологии» автор указывает на следующие жанрообразующие признаки: «1) мир, не существующий, обладающий свойствами, невозможными в нашей реальности; 2) магия и фольклорные персонажи как необходимый элемент; 3) авантюрный сюжет (как правило, поиск, странствие, война и т. п.); 4) средневековый антураж, хотя здесь возможны варианты; 5) скрытое противопоставление технологии и волшебства в пользу последнего; 6) на пер-

вый план выдвигаются герои, их поступки и переживания, волшебное и сказочное играет вспомогательную, на далеко не второстепенную роль; 7) противостояние добра и зла как основной сюжетобразующий стержень <...>; 8) как и сказка, фэнтези структурирована этически. Однако <...> зло и добро в ней равнозначны <...>; 9) наличие потустороннего мира и его проявлений; 10) полная свобода автора: он может повернуть сюжет самым неожиданным образом, поскольку волшебный мир фэнтези предполагает, что в нем возможно все» [4].

В данной статье при изучении специфики художественных произведений Д. Урушева мы будем анализировать некоторые из названных признаков, подтверждающих близость первых двух книг автора к жанру религиозного фэнтези.

Результаты и дискуссия

Д. Урушев – современный писатель, публицист, популяризатор старообрядческой культуры. Его творческая биография насчитывает большое количество книг, посвященных истории русского старообрядчества. С 2017 года автор выпустил серию художественных произведений, последовательно развивающих сюжет поиска истинной веры тремя братьями, борьбы за настоящую веру.

Первая книга «Как Иван-царевич веру искал» (2017 г.) имеет подзаголовок «сказка для взрослых». Таким образом автор обозначает близость произведения сказочному канону, ориентацию на сказочные традиции. Следующими произведениями, развивающими идею, обозначенную в первой книге, ставятся старообрядческие сказки «Звезда Альтаир» и «Два брата», опубликованные в 2018 г. Они рассказывают о борьбе между тремя братьями в поиске веры для государства, первоначально поиск имеет конкретный практический смысл, определяется борьбой за престол. Но постепенно путь каждого из братьев обретает глубокий религиозный смысл, оказывается поиском веры для собственной души.

История братьев, их странствий и приключений продолжается в книгах «Созвездие Девы: повесть о славном и могучем богатыре царевиче Иване и о прекрасной царевне Вере» (2020 г.), «Война против всех: повесть о царе Дадоне Гвидоновиче и о сыне его царевиче Иване Дадоновиче, как победили супостатов своих» (2021 г.), «За звездой Альтаир: сказка о том, как Иван-царевич веру искал» (2022 г.).

Можно предположить, что появление целого цикла книг о судьбах трех братьев также можно считать признаком, определяющим принадлежность произведений к жанру фэнтези.

Центральным героем первой книги «Звезда Альтаир» является младший брат Иван, который в соответствии со сказочным канонами становится тем героем, который нашел истинную веру. Книга «Два брата» посвящена описанию судеб двух старших братьев, также отправляющихся в собственный путь на поиски веры. Особенность всех произведе-

ний Д. Урушева связана с ориентацией не только на мифологию, обозначенную через авторскую номинацию жанра, но и на религиозную культуру, реализующуюся в появлении в тексте большого количества религиозных мотивов, образов. Старообрядческие сказки Д. Урушева становятся интереснейшим примером реализации жанра религиозного фэнтези.

Все произведения объединены «авантюрным сюжетом», что становится одним из признаков литературы фэнтези [4]. Герои Д. Урушева проходят долгий путь странствий и испытаний, оказываются в незнакомых государствах, знакомятся с удивительными персонажами, преодолевают различные трудности на своем пути. Странствия героев обусловлены поиском, который в финале приобретает важное религиозное значение: все три брата находят веру не только для государства, но, прежде всего, для себя. Это странствие для воспитания души, поиска лучших качеств своего характера, для становления героев. Интересно, что старший брат Дмитрий, изначально в книге «Два брата» выражавший скептическую позицию, проходит путь настоящего мученика, в финале сказки добровольно погибает, приняв христианство. Данный эпизод соотносится с религиозной житийной традицией, зародившейся в мученических житиях.

Авантюрный сюжет произведений в то же время тесно связан со сказочной традицией, так как герои в тексте сопровождает огромное количество сказочных персонажей и сказочных помощников. Героям на пути встречается магический камень-указатель, предугадывающий судьбу, они пользуются скатертью-самобранкой, сапогами-сороходами, неразменным рублем. Проводниками в новые земли для героев становятся Баба-Яга, Кощей Бессмертный, Змей Горыныч, Соловей-Разбойник, разбойник Кудеяр и др.

Важно, что функция каждого фольклорного персонажа в произведениях Д. Урушева переосмыслена, герои наделяются реальными, личностными чертами, подробными портретными описаниями. Например, Баба-Яга в соответствии со сказочным канонам является первым героем, которого встречает царевич Иван в книге «Звезда Альтаир». Но образ героини старообрядческой сказки значительно отличается от традиционного: «В чисто прибранной горнице сидела на лавке старушонка и что-то штопала при багровом дымном свете лучины. Старушка была маленькая, горбатенькая. Морщинистое личико обвязано белым платочком в горох. Сарафан застиранный, полинялый. Ноги в лаптях не доставали до полу и смешно болтались» [16, с. 24]. Именно Баба-Яга дает Ивану первые наставления относительно поиска веры: «Сначала ты должен узнать, что такое вера, а уж потом искать ее» [17, с. 27].

В книгах «Звезда Альтаир» и «Два брата» сюжет первоначально достаточно последовательно развивается в сказочной традиции: три брата выполняют волю отца-царя, отправляются в стран-

ствии, цель которого познакомиться с разными культурами, выбрать для своего государства веру. Постепенно на пути поиска веры герои лишаются сказочных предметов, реже встречаются сказочных помощников, мифологическое уступает место реальному. Герои оказываются в различных государствах, знакомятся с разными религиями. Характерной особенностью книг Д. Урушева становится регулярное смешение временных пластов, элементов различных культур. Автор создает уникальный мир, который объединяет в себе достижения разных временных эпох, культурных и религиозных традиций. Герои, совершающие поиск, знакомятся с традициями язычества, ислама, христианства, оказываются в государствах, ассоциативно соотносящихся со средневековой европейской и современной русской культурой. Алексей Муравьев подчеркивает при анализе книги: «Читателя ждет своеобразная игра по угадыванию персонажей, исторических событий и скрытых цитат» [1].

Данная особенность книг, позволяющая соотносить произведения с жанром фэнтези, реализуется и на стилистическом уровне текста, совмещающем лексику и реалии разных эпох, элементы мифологического и реального:

«Девочка прыгала вокруг скатерти-самобранки, разостланной на траве, и от восторга хлопала в ладоши.

– Гляньте, люди добрые, чего тут только нет! И гаспачо, и сарсуэла, и ризотто, и лазанья. Какая вкуснятина!» [17, с. 32].

Таким образом в старообрядческих сказках Д. Урушев создает специфический нереальный мир, построенный по собственным временным и географическим законам.

С этим связана и «полная свобода автора» [4], которая, по мнению Е. В. Ивановой, является важнейшим признаком жанра фэнтези, «четко отграничивает фэнтези и научную фантастику» [4].

В книгах Д. Урушева можно встретить крайне неожиданные сюжетные повороты, позволяющие связать различные эпохи, создать особый мир. Например, в городе Парис происходит удивительная встреча царевича Димитрия с зубным врачом Флюсом, который представляется жителем Москвы:

«– Откуда?

– Прости, государь, но я не могу объяснить, откуда. Сколько я ни искал на ваших картах свою страну и свой город, не мог найти. Но поверь, есть на свете такой город Москва. И я там жил в тихой квартире на Малой Бронной [17, с. 301]».

С появлением Флюса происходит смешение временных и пространственных координат – в вымышленной Европе периода Средневековья оказывается герой России 20 века.

В целом назидательная авторская мысль прослеживается в большом количестве сатирических фрагментов, связанных с описанием различных религиозных устоев в странах, где бывали герои,

в ироничной трактовке образов сказочных персонажей. Например, Кощей Бессмертный в книге «Два брата» оказывается старшим братом Змея Горыныча, правителем острова Буян, впоследствии названного Колымой, ставшего местом пребывания заключенных: «Горыныч держал осужденных в страхе. От его всевидящего ока нельзя было укрыться. Он заставлял узников калымить – охотиться на песцов и лис, бить моржей и тюленей <...>. И вскоре все стали называть остров сначала Калымой, а затем, окая Колымой. Прежнее же название забылось» [17, с. 43].

Также авторское присутствие проявляется в композиции книг, начинающихся со вступительной части «От автора». В предисловии содержится своеобразный ключ к пониманию произведений, размышления о жанре и художественных закономерностях книг. Авторский голос в целом оказывается важным в трактовке старообрядческих сказок, в понимании сути религиозного учения, преимуществ религиозных учений.

В этом содержится прямой назидательный смысл произведений Д. Урушева, отличающий старообрядческие сказки от традиционного понимания жанра религиозного фэнтези. Задача автора через иносказательные образы передать мысль о важности поиска веры, указать ориентиры в выборе правильного направления поиска.

Другой особенностью книг Д. Урушева, является ориентация на зрелого, просвещенного читателя, в то время как понятие фэнтези (в том числе религиозное), по мнению Е. В. Ивановой, «...можно применять к характеристике субкультур (чаще молодежных)» [4]. В предисловии к первой старообрядческой книге «Звезда Альтаир» А. В. Муравьев отмечает, что «...ее автор – историк-религиовед, который построил свое изложение как головоломку-квиз для тех, кто интересуется историей, а в большей степени содержанием и смыслом религиозных традиций как Востока, так и Запада» [1, с. 9].

Выводы

Произведения Д. Урушева представляют собой интересные примеры проявления жанра религиозного фэнтези в современной литературе. Старообрядческие сказки «Звезда Альтаир» и «Два брата» обладают яркими чертами жанра религиозного фэнтези: в основе текста оказывается странствие героев, поиск веры; произведения близки сказочной традиции, в тексте активно упоминаются сказочные персонажи и предметы; в произведениях Д. Урушева создан уникальный вымышленный мир, ориентированный одновременно на различные культурные эпохи, охватывающий различные временные и географические координаты.

При этом некоторые особенности произведений Д. Урушева выходят за границы обозначенного жанра. Если религиозное фэнтези ориентировано на массовую культуру, на молодого читателя, познающего христианский мир, его цель – привить

традиционные православные ценности младшему поколению, то сказки Д. Урушева интересны более взрослой аудитории, способной угадать в тексте многочисленные аллюзии на различные культурные, социальные, религиозные, литературные факты. В произведениях Д. Урушева сильна нравоучительная часть, позволяющая автору расставить нравственные приоритеты, предложить читателю готовую модель мира.

Книги Д. Урушева представляют собой интересное жанровое образование, обладающее высоким потенциалом для развития актуального жанра религиозного фэнтези.

Литература

1. Муравьев, А. В. Учитесь читать сказки : предисловие к книге Д. Урушева «Звезда Альтаир» / А. В. Муравьев // Урушев, Д. А. Звезда Альтаир : старообрядческая сказка. – М. : Эксмо, 2018. – С. 7–9.

2. Черняк, М. А. Массовая литература конца XX – начала XXI века: технология или поэтика? / М. А. Черняк // Филологический класс. – 2008. – № 20. – С. 4–11.

3. Vostretsov, E. Contemporary Religious Fantasy : Inversion of Ethical Categories / E. Vostretsov, E. Ivanova // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2005. – № 8. – URL: <https://elibr.sfu-kras.ru/handle/2311/19721> (дата обращения: 04.07.2024).

4. Ivanova, E. «Religious Fantasy» as Element of Contemporary Religious Mythology / E. Ivanova // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2012. – № 1. – P. 56–62. – URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/38634113.pdf> (дата обращения: 04.07.2024).

5. Хоруженко, Т. И. Православное фэнтези как явление современной литературы / Т. И. Хоруженко // Дергачевские чтения – 2011. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности : материалы X Всероссийской научной конференции. – Екатеринбург, 2012. – Т. 2. – С. 380–389.

6. Силантьев, Р. А. Богословское моделирование. Религии в фантастике и фантастические религии / Р. А. Силантьев // Богослов.ru. – URL: <https://bogoslov.ru/article/387560> (дата обращения: 04.07.2024).

7. Силантьев, Р. А. Гарри Поттер, Таня Гроттер, Порри Гаттер и все, все, все. Миры Джоан Роулинг и ее подражателей-пересемешников / Р. А. Силантьев // Богослов.ru. – URL: <https://bogoslov.ru/article/372607> (дата обращения: 04.07.2024).

8. Емец, Д. Христианское фэнтези : 6 лучших авторов на все времена / Д. Емец // Правмир. – URL: <https://www.pravmir.ru/hristianskoeffentezi-6-luchshih-avtorov-na-vse-vremena> (дата обращения: 04.07.2024).

9. Ivanova, E. Religions in Fictional Worlds : Infernal Religious Mythology in Fantasy Series / E. Ivanova

va // Convention 2017 «Modernization and Multiple Modernities» (ISPS Convention 2017). – Dubai : Knowledge E, 2018. – КнЕ Social Sciences, 3 (7). – P. 357–364.

10. Чудинова, Г. В. Обаяние литературных сказок писателя-старовера / Г. В. Чудинова // Русская народная линия. – URL: https://ruskline.ru/analitika/2019/01/03/obayanie_literaturnyh_skazok_pisatelyastarovera (дата обращения: 04.07.2024).

11. Губайловский, В. А. Обоснование счастья: О природе фэнтези и первооткрывателе жанра / В. А. Губайловский // Новый Мир. – 2002. – № 3. – URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2002/3/obosnovanie-schastyia.html (дата обращения: 04.07.2024).

12. Костина, Р. Г. Фэнтези как элемент субкультуры современной молодежи / Р. Г. Костина // Интеграция образования. – 2010. – № 2. – С. 80–84.

13. Ковтун, Е. Н. Научная фантастика и фэнтези – конкуренция и диалог в новой России / Е. Н. Ковтун // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». – URL: <https://cyberleninka.ru/arti>

cle/n/nauchnaya-fantastika-i-fentezi-konkurenciya-i-dialog-v-novoy-rossii (дата обращения: 04.07.2024).

14. Łaskiewicz, W. Finding God(s) in Fantasylands: Religious Ideas in Fantasy Literature / W. Łaskiewicz // Crossroads. A Journal of English Studies. – 2012. – № 1. – URL: https://www.academia.edu/40971942/Finding_God_s_in_Fantasylands_Religious_Ideas_in_Fantasy_Literature (дата обращения: 04.07.2024).

15. Pagan, A. Hallmarks of Fantasy: A Brief History of the Genre / A. Pagan // New York Public Library. – URL: <https://www.nypl.org/blog/2020/05/18/hallmarks-fantasy-brief-history-fantasy> (дата обращения: 04.07.2024).

16. Урушев, Д. А. Звезда Альтаир : старообрядческая сказка / Д. А. Урушев. – М. : Эксмо, 2018. – 368 с.

17. Урушев, Д. А. Два брата : старообрядческая сказка / Д. А. Урушев. – М. : Новое Небо, 2018. – 550 с.

Канищева Елена Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: kanishchevaev@susu.ru. ORCID 0000-0002-0294-2312

Поступила в редакцию 2 июля 2024 г.

DOI: 10.14529/ssh240311

GENRE OF RELIGIOUS FANTASY IN THE WORK OF D. URUSHEV

E. V. Kanishcheva

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The article is devoted to the study of the genre specifics of the works of D. Urushev, who published five works in the genre of “Old Believer fairy tale” in the period from 2017 to 2023. The author’s nomination of the genre determines the features of mythological thinking reflected in the analyzed books.

The works of art of D. Urushev contain a large number of fairy-tale elements that organize the plot, determine the choice of the character system. At the same time, “Old Believer tales” are focused on the religious thinking of the writer, contain a large number of religious motifs, metaphorically express the edifying meaning of the works.

These features allow us to attribute the analyzed books to the genre of religious fantasy, which is especially popular in modern mass culture and at the same time only acquires terminological certainty. This is due to the relevance of the study.

The author of the article points to the relationship of D. Urushev’s works with the genre of religious fantasy, analyzes in detail some genre-forming features of books, points to features outside the named genre.

The material of this study was the first two books of D. Urushev, which represent the beginning of the story described in a series of Old Believer tales.

Keywords: genre, fantasy, religious fantasy, Old Believer fairy tale, work of D. Urushev, religious motives.

References

1. Murav’ev A.V. Uchites’ chitat’ skazki : predislovie k knige D. Urusheva «Zvezda Al’tair» [Learn to Read Fairy Tales: Preface to D. Urushev’s book «Altair Star»] // *Urushev D.A. «Zvezda Al’tair»: staroobryadcheskaya skazka*. M.: Eksmo, 2018. S. 7–9.

2. Chernyak M.A. Massovaya literatura kontsa XX – nachala XXI veka: tekhnologiya ili poetika? [Mass Literature of the Late XX – Early XXI Century: Technology or Poetics?] // *Filologicheskii klass*. 2008. № 20. S. 4–11.
3. Vostretsov E., Ivanova E. Contemporary Religious Fantasy: Inversion of Ethical Categories // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2005. № 8. URL: <https://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/19721> (data obrashcheniya: 04.07.2024).
4. Ivanova E. «Religious Fantasy» as Element of Contemporary Religious Mythology // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2012. № 1. P. 56–62. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/38634113.pdf> (data obrashcheniya: 04.07.2024).
5. Khoruzhenko T.I. Pravoslavnoe fentezi kak yavlenie sovremennoy literatury [Orthodox Fantasy as a Phenomenon of Modern Literature] // *Dergachevskie chteniya – 2011. Russkaya literatura: natsional'noe razvitie i regional'nye osobennosti: materialy X Vseros. nauch. konf. Ekaterinburg, 2012. T. 2. S. 380–389*.
6. Silant'ev R.A. Bogoslovskoe modelirovanie. Religii v fantastike i fantasticheskie religii [Theological Modeling. Religions in Science Fiction and Fantastic Religions] // *Bogoslov.ru*. URL: <https://bogoslov.ru/article/387560> (data obrashcheniya: 04.07.2024).
7. Silant'ev R.A. Garri Potter, Tanya Grotter, Porri Gatter i vse, vse, vse. Miry Dzhoan Rouling i ee podrazhateley-peresmashnikov [Harry Potter, Tanya Grotter, Porrie Gutter and everything, everything, everything. Worlds of J.K. Rowling and her mockingbird imitators] // *Bogoslov.ru*. URL: <https://bogoslov.ru/article/372607> (data obrashcheniya: 04.07.2024).
8. Emets D. Khristianskoe fentezi: 6 luchshikh avtorov na vse vremena [Christian Fantasy: 6 Best Authors of All Time] // *Pravmir*. URL: <https://www.pravmir.ru/hristianskoe-fentezi-6-luchshih-avtorov-na-vse-vremena/> (data obrashcheniya: 04.07.2024).
9. Ivanova E. Religions in Fictional Worlds: Infernal Religious Mythology in Fantasy Series // *Convention 2017 «Modernization and Multiple Modernities» (ISPS Convention 2017)*. Dubai: Knowledge E, 2018. KnE Social Sciences, 3 (7). P. 357–364.
10. Chudinova G.V. Obayanie literaturnykh skazok pisatelya-starovera [Charm of Literary Tales by an Old Believer Writer] // *Russkaya narodnaya liniya*. URL: https://ruskline.ru/analitika/2019/01/03/obayanie_literaturnykh_skazok_pisatelyastarovera (data obrashcheniya: 04.07.2024).
11. Gubaylovskiy V.A. Obosnovanie schast'ya: O prirode fentezi i pervootkryvatele zhanra [Justification of Happiness: On the Nature of Fantasy and the Discoverer of the Genre] // *Novyy Mir*. 2002. № 3. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2002/3/obosnovanie-schastya (data obrashcheniya: 04.07.2024).
12. Kostina R.G. Fentezi kak element subkul'tury sovremennoy molodezhi [Fantasy as an Element of the Subculture of Modern Youth] // *Integratsiya obrazovaniya*. 2010. № 2. S. 80–84.
13. Kovtun E.N. Nauchnaya fantastika i fentezi – konkurentsia i dialog v novoy Rossii [Science Fiction and Fantasy – Competition and Dialogue in the New Russia] // *Nauchnaya elektronnoy biblioteka «KiberLeninka»*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnaya-fantastika-i-fentezi-konkurentsia-i-dialog-v-novoy-rossii> (data obrashcheniya: 04.07.2024).
14. Łaszkiwicz W. Finding God(s) in Fantasylands: Religious Ideas in Fantasy Literature // *Crossroads. A Journal of English Studies*. 2012. № 1. URL: https://www.academia.edu/40971942/Finding_God_s_in_Fantasylands_Religious_Ideas_in_Fantasy_Literature (data obrashcheniya: 04.07.2024).
15. Pagan A. Hallmarks of Fantasy: A Brief History of the Genre // *New York Public Library*. URL: <https://www.nypl.org/blog/2020/05/18/hallmarks-fantasy-brief-history-fantasy> (data obrashcheniya: 04.07.2024).
16. Urushev D.A. Zvezda Al'tair: staroobryadcheskaya skazka [Star Altair: Old Believer Fairy Tale]. M.: Eksmo, 2018. 368 s.
17. Urushev D.A. Dva brata: staroobryadcheskaya skazka [Two brothers: Old Believer Fairy Tale]. M.: Novoe Nebo, 2018. 550 s.

Elena V. Kanishcheva – Cand. Sc (Philology), Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: bulaevamn@susu.ru

Received July 2, 2024

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Канищева, Е. В. Жанр религиозного фэнтези в творчестве Д. Урушева / Е. В. Канищева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2024. – Т. 24, № 3. – С. 97–102. DOI: 10.14529/ssh240311

FOR CITATION

Kanishcheva E. V. Genre of religious fantasy in the work of D. Urushev. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2024, vol. 24, no. 3, pp. 97–102. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh240311

А. И. КУПРИН-ОГОРОДНИК: САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ ПИСАТЕЛЯ В ЛИТЕРАТУРНЫХ ИНТЕРВЬЮ ЭПОХИ МОДЕРНА

Е. А. Селютина

Челябинский государственный институт культуры, г. Челябинск, Российская Федерация

В статье исследуется жанр «литературное интервью» на примере творческих высказываний в прессе А. И. Куприна в начале XX века. Показывается, что в момент зарождения жанра были заложены принципы и роли взаимодействия интервьюера и интервьюируемого, сформированы ожидания читательской публики от формально-содержательных особенностей жанра. Повышенный интерес к частной жизни литераторов отмечается как характерная черта модерна, приоткрывающего тайны экстраординарных персон. Жанр интервью рассматривается в контексте эволюции литературной формы портрета в условиях формирования массовой культуры. В научный оборот вводятся новые научные материалы, ранее не рассматривавшиеся в контексте нарратива самоосмысления литераторов. Векторы самопрезентации А. И. Куприна показаны как творческая тактика, опыт взаимодействия с читателем, подготовленным традицией реализма XIX века к «неприкрытой правде жизни». Публичная позиция писателя обусловлена его работой в прессе, творческими симпатиями и ориентирами (Куприн – наследник традиции пушкинского и толстовского письма; противник авангардной литературы), позиционированием себя как творца, готового впустить читателя в творческую лабораторию, близкого миру простому, «непоэтическому». Ролевая модель автора – экспертирование больших точек современности (армейской жизни, проституции, жизни советской России).

Ключевые слова: литературное интервью, русский модернизм, эго-нарратив, журналистика, история журналистики, средства массовой информации, медиадискурс, речевые жанры, периодическая печать, интервьюеры; интервьюируемые, А. И. Куприн.

Введение

Природа взаимодействия читателя и писателя, влияние художников слова в сфере общественных дискуссий привлекает внимание литературоведов уже более двух веков, взаимосвязь писательства как культурной практики и одновременно инструмента влияния на социум анализируется в трудах представителей культурно-исторической школы (И. Тэн), социологической школы литературоведения (Д. Лукач, Г. В. Плеханов), марксистского литературоведения, социологов литературы (Б. Дубин, Н. Зоркая, П. Бурдые), оценивается в контексте формирования литературного канона (Г. Блум, И. Сухих). Пересмотр конвенций, принятых в отношении литераторов, каждый раз совпадает с моментами принципиальных изменений в литературном процессе, утвердившихся художественных стратегий, что связано, в том числе, с появлением новых способов коммуникации, оригинальным проявлением фигуры писателя в публичном диалоге.

Глобальная реконфигурация литературного поля произошла в конце XIX – начале XX века в связи с появлением массовых газетных изданий, с которыми литераторы начинают активно сотрудничать, быстро меняя социальные роли (писатель – репортер, журналист), скорость и частота письма возрастает, в результате чего происходит развитие литературно-публицистических жанров. Внимание к отдельной личности в эпоху модерна привело к расцвету импрессионистической имманентной критики, которую можно считать предвестником антропологического поворота середины

XX века. Наиболее яркими образцами такого подхода можно считать труды Ю. Айхенвальда («Силуэты русских писателей», 1905), Д. С. Мережковского («Л. Толстой и Достоевский», 1901–1902) в жанре «литературный портрет». «Портретирование» героя литературного процесса в жанре очерка при любом методологическом подходе выводило на первый план проблему персональности, которая остро встала в момент формирования массового типа культуры (см. работы В. С. Соловьева «Поэзия гр. А. К. Толстого», 1895, цикл портретов Д. С. Мережковского «Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы», 1897, В. Г. Короленко «Антон Павлович Чехов», 1904, «Всеволод Михайлович Гаршин», 1910, А. Воронского «Литературные портреты», 1928–1929). Поэтому начинается расцвет также и жанра беседы-портрета, или интервью-портрета, ставшего заметным явлением русского модерна: писатель вызывает интерес не только как автор литературных произведений, но и как человек, которому «человеческое не чуждо». Во второй половине XIX века жанр «литературного портрета» под влиянием И. Тэна (создавшего критические очерки о О. де Бальзаке и Стендале) распространяется по всей Европе, но принципиальным изменением в исследуемом нами жанре стала форма прямой речи автора, используемая в интервью-беседах как основной инструмент верификации высказывания. Интервью – новый жанр, вызывающий повышенный интерес, поэтому практически каждая газета ввела соответствующий раздел для их публикации, а писатели получили воз-

возможность непосредственного влияния на читательские публики, представляя миру «образ писателя».

Обзор литературы

Изучение литературных интервью как факта истории литературы российского модерна только начинается (см. работы В. Лакшина о Л. Толстом [1], А. Ташлыкова об интервью А. Куприна [2], Д. Риникера об интервью И. Бунина [3], разработки в области смежного жанра литературной публицистики – анкеты см. у Е. Е. Вахненко [4]; А. С. Александрова [5]). В. Лакшин полагал, что жанр интервью, хоть и не лишен субъективности, – «...более надежный источник, чем большинство мемуаров о писателе» [1, с. 6]. В отличие от взгляда советского исследователя, определявшего специфику жанра интервью в конце XIX века как среднее между репортажем и мемуарами, современные литературоведы включают интервью в ряд эго-источников, напротив, ценных именно «необъективностью», пристрастностью (об этом см. И. Силантьев [6]). Количество интервью, данное писателями публичным изданиям, очень велико, но до сих пор нет современного научного издания, которое представило бы полнотекстовые версии газетных интервью данного периода. Кроме того, из-за статуса жанра, который долгое время полагался нехарактерным для литературы и рассматривался как публицистический, интервью редко включались в собрания сочинений писателей или включались в очень сокращенном виде, что не позволяет вести научные разыскания. Но некоторые попытки систематизации данного материала ведутся в РГБ (см. [7, 8]). Поэтому научная новизна нашего исследования обеспечивается введением нового эмпирического материала, а также особой оптикой исследования: литературные интервью рассматриваются в контексте проблемы самоосмысления литераторов, формирования нарративов публичной самопрезентации, которые даны читателю как результат рефлексии писательского сообщества над ролью и миссией литераторов, репрезентацией тайн литературного мастерства массовому читателю.

Необходимо также уточнить, что понимается под литературным интервью в нашей работе. Методика сбора данных, вероятно, оставшаяся стабильной и для сегодняшнего дня, стала жанровой структурой, что привело к появлению необходимости отграничить ее от иных публицистических форм [9]. Особенность явления – вопрошающий и слушающий, предъявленные в тексте [9, с. 86]. Выделяя два типа жанров (информационное и аналитическое интервью), теоретики медиа акцентируют интенциональный аспект: «что?» противовес «почему?» [9, с. 86]. Современное понимание жанра интервью исходит из концепции диалогичности, поэтому культуролог А. В. Романенко справедливо указывает на то, что «диалог» многими исследователями понимается как синоним интервью [10, с. 14]. В конце XIX – начале XX жанры публицистики находились в стадии становления,

поэтому строгой дифференциации жанров «беседа» и «интервью» мы не наблюдаем. Само слово «интервью», появляющееся в частных беседах [11] и иногда в прессе [12, с. 3], было новым, но его дефиниция подразумевалась понятной читателю. Вместе с тем было существенное отличие, влияющее на форму представления материала в печати: для журналистики модерна представление о важности фигуры спрашивающего было не свойственно (как это происходит в современную нам эпоху транспарентного блоггинга), вопрошающий и отвечающий не могли восприниматься как равноправные персоны. Часто при публикации журналист обозначался буквами или его имя заменялось профессиональным статусом – репортер (например, [13, с. 6]). Поэтому для передачи вопросно-ответной формы использовались речевые модели, реплики литераторов, зеркально повторяющие запрос: «Наше искусство? Что говорить о нашем искусстве?!» [14, с. 337]; «Опасность денационализации? Вы ее боитесь? Я не нахожу ее слишком серьезной» [14, с. 338]. Мы понимаем жанр «литературное интервью» как интервью, взятое у литератора, общественно значимой фигуры, актора литературного процесса (подробнее об этом см. [15]).

Методы исследования

В основе исследования лежат описательный, сравнительно-типологический, структурный, нарративный методы.

Результаты и дискуссия

Покажем способы самопрезентации литераторов модерна на примере литературных интервью Александра Ивановича Куприна. А. И. Куприн – активный участник журналистского бума конца XIX – начала XX века, не только интервьюируемый, но и интервьюер (по данным «Купринской энциклопедии» [16]). Хотя сама роль журналиста не всегда видится писателю приятной («нельзя у уставшего человека копать в душе, точно в своем письменном ящике» [17, с. 3], сама по себе включенность в контекст дискуссий эпохи кажется ему правильной позицией. Роль Куприна-журналиста изучена в достаточной мере (см. [18]), исследователи отмечают сильное влияние профессионального опыта на публицистику и прозу писателя [19] (в том числе и в эмигрантский период) [20]. Большое количество интервью с писателем объясняется также и наличием дружеских связей с ведущими репортерами эпохи А. Измайловым и В. Регининым, работавшими для газет «Биржевые ведомости» и «Русское слово».

Эмпирической базой исследования стали интервью А. И. Куприна начала XX века, данные газетам и журналам «Вечерние известия», «Биржевые ведомости», «Голос Москвы», «Новый путь», «Петербургская газета», «Общее дело», «Всемирная панорама», «Возрождение», «Последние новости», «Своими путями», «За свободу», «Дни», «Сегодня». Некоторые из анализируемых текстов использовались как вспомогательный материал, но в научный

дискурс мы вводим также и новые источники. Нас интересуют формально-содержательные аспекты интервью А. И. Куприна, их тематические векторы. Большой частью публикации изучаемого автора, интервью и беседы с писателем появлялись в столичных петербургских газетах; можно утверждать, что писателю были известны ожидания читателей прессы этого периода и задачи, которые ставились репортерам и журналистам, что влияло на его высказывания в более позднее время, когда к нему пришла всеевропейская известность.

Отдельные интервью писателя доступны в полных собраниях сочинений 1964 [21] и 2006 [22] годов, тот же корпус текстов собран ранее в сборнике «А. И. Куприн о литературе» [23]. Куприн, дающий интервью, стал предметом специального изучения куприновода С. А. Ташлыкова, выступившего составителем сборника «Куприн в зеркале интервью», в котором интервью как предмет изучения впервые выделено из ряда иных литературно-публицистических жанров, а также отмечены некоторые характерные черты бытования жанра в периодике изучаемого нами периода [24].

С точки зрения содержания, при анализе проблемно-тематических векторов бесед, можно утверждать, что часть интервью, которые берутся у писателя, имеют ритуальную природу, связаны с необходимостью уведомлять читателя о новинках или ближайших планах на сбор литературного материала: из интервью 1916 года становится ясно, что Куприн информирует читателей о завершающем этапе работы над «Юнкерами» в годы Первой мировой войны, делится планами о поездке «по русской Лапландии и Северу» [25, с. 3]; «Свою пьесу о гуляке, попавшем на королевский трон, ему [Куприну] не удалось подвинуть. Не набросал он и либретто задуманной оперетты. Ближайшая работа его – большая повесть “Юнкера”, стоящая в известной логической связи с “Поединком”, – пожалуй, как пролог к той жизни и типам, какие изображены в известном романе поручика Ромашова» [26, с. 3] и т. п. Композиция у таких интервью типичная рамочная, где в интродукции даны описания сада и дома, рабочего кабинета и представлен портрет писателя, что отвечает запросу читательской публики, с одной стороны, на «человеческое» в жизни писателя, с другой – на часть тайны, которая еще со времен романтизма стоит за писательством как культурной практикой. Так, например, в августе 1908 года в «Петербургской газете» напечатано интервью Куприна корреспонденту В. Регинину. Оно открывается описанием рабочей комнаты: «Окна занавешены зелеными с лиловым занавесками. Белый, гладко выструганный стол, в гладкой деревянной раме портрет Толстого, фотография Чехова, портрет Кнута Гамсуна. На стенах карикатуры-оригиналы Щербова. У входа в комнату прислонился к стене велосипед» [27, с. 3].

Интервью Куприна, данные в разные годы, отличаются высокой рекуррентностью способов

самопрезентации, главный из которых – Куприн витальный. Заявляя, что его писательство напрямую связано с реалистической художественной стратегией (Куприн полагал себя наследником Л. Толстого), писатель последовательно предъясняет себя публике как человека, близкого к земле, огородника, любящего все, что связано с природой и животными, близкого простым людям – рыбакам, морякам и рыночным торговцам. От интервью к интервью повторяется образ Куприна, вытирающего руки после работы с землей: «Моя давнишняя мечта иметь свою землю, заниматься садоводством и огородничеством» [28, с. 3]; «Что же вы делали в Гатчине до бегства? – Весной – я сажал огороды, летом – жил тем, что продавал свои вещи, а осенью собирал картофель» [29, с. 3]; «Я люблю цветы, собак, огороды, верховую езду, солнце, море... <...> Мое единственное развлечение – мой милый сад, к которому я сильно привязался» [30, с. 4]. Куприн – любитель животных: «Если обращаться с животными ровно и ласково и снисходительно к их порокам, – характер у них меняется, они входят в коллективную душу дома. У нас, если кто болен – кот сидит на пороге его комнаты и не уйдет хоть два месяца, – так и доктора о него спотыкаются. Животные... А вы заметили, что сейчас в литературе почти не осталось ни собак, ни лошадей? И детей тоже нет» [31, с. 4].

Образ писателя узнаваем, становится частью креолизованных текстов периодики (в том числе карикатурных), стереотипизируется, входит в состав шуток о литераторах, как, например, в заметке 1912 года, где Куприна и Андреева намеренно путают, и это очевидно читателю, регулярно знакомящемуся с материалами прессы: «В нашей современной литературе есть два имени, две точки, около которых ютятся остальные ее представители, которые дают общий тон и направление, и предписывают те или иные взгляды и требования. Это – Андреев и Куприн. Их фигуры уже примелькались. Всем известна черная тужурка Андреева. Все знают несколько сгорбленную, усталую фигуру Куприна. И на портретах Андреев выходит всегда жизнерадостным, веселым, полным сил, – в то время как у Куприна мы замечаем какое-то скорбное выражение, говорящее о душевной усталости и желании отдохнуть» [32, с. 2]. В эмигрантских статьях этот образ окончательно кристаллизуется: «По утрам Александр Иванович работает. В кабинете стол, заваленный рукописями, книгами, газетами. На стенах портреты Л. Толстого и Пушкина. Гатчинские фотографии, память о Гатчине, где жил Александр Иванович в своем особнячке, разводил кур, сажал яблоны, ухаживал за цветами» [33, с. 314].

По мнению Куприна, единственно возможная позиция автора – наблюдатель, и это влечет за собой презентацию технологии творчества как сбор материала, который дает сама жизнь: «Дело в том, что в бытность мою в Балаклаве я близко сошелся

с черноморскими рыбаками, среди которых у меня было много друзей. Я присматривался к их жизни, принимая непосредственное участие в их занятии... Мы выезжали в море за рыбой, встречались в рыбацких кофейнях и «бodegaх», плели вместе сети и чинили рыболовные снасти [34, с. 6]; «Жизнь там, среди рыбаков, дала мне неисчерпаемый источник сюжетов для моих произведений» [30, с. 4]. Поэтому автор показывает нам, что многие творческие находки – часть «неслучайных случайностей» самой жизни: «Собственно, не писать, а смотреть надо... Не так сложилась жизнь. Я мечтал кругосветное плавание совершить, матросом или кочегаром» [31, с. 4]. Повод к писательству дает действительность: «А жизнь-то!.. Если бы удалось вдруг уехать месяцев на шесть, без необходимости писать... Ну, “Юнкеров” бы закончил, повестушку еще одну. А вот еще никто у нас ничего не писал о летчиках, и самый полет как следует не описан. Да нет, тем множество» [31, с. 4].

Кроме того, важна позиция автора по отношению к читателю, мыслимому Куприным образом воспринимающего его творчество сознания. Читатель онтологически близок писателю, идеологически и оценочно приближается к образу идеально-всепонимающего субъекта. Писатель показывается нам как «доступный», близкий субъект, живой человек, вовлеченный в диалог с реципиентом: «Дверь отпер сам Александр Иванович и повел меня к себе в кабинет» [33, с. 314]; «И все-таки изумительный наш русский читатель. Ну, конечно, и вздор читают, и реклама действует, и все-таки есть у нас такая читательская масса, ее ничем не обманешь. Чувствуют, что – настоящее» [33, с. 315].

Очевидно, что последовательность такой самопрезентации связана с позиционированием себя как наследника великой реалистической традиции, своеобразного «неонатуралиста», что в литературном Серебряном веке видится, с одной стороны, как оппозиция символистским и иным авангардным практикам письма, с другой – как практика самоумаления «натурального» субъекта рассказывания, высокий образец которой мы можем видеть в творчестве раннего Ф. М. Достоевского (например, в романе «Бедные люди»). Противопоставление себя авангардистскому письму модерна также рекуррентно, мы можем проследить эту линию самопрезентации на протяжении всей творческой жизни писателя (см., например, [33, с. 314]). В интервью «Петербургской газете» в январе 1914 года сформулировано мнение о футуристах: «Футуристы веселые, озорные мальчишки, но они подрастут и одумаются» [33, с. 336]. При этом «Купринская энциклопедия» под редакцией научного сотрудника ГБУК ОГЛММ Т. А. Каймановой свидетельствует о том, что Куприн неоднократно выступал в сборных поэтических концертах вместе с представителями литературного авангарда. Соответственно, можно предположить, что формиро-

вание персонально осмысленного литературного «канона», образцовых авторов и текстов – это результат последовательного помещения себя в определенную рамку. А. И. Куприн в интервью обращается к прецедентным феноменам, прошедшим (пользуясь терминологией И. Розанова) стадию первичной канонизации именно в эпоху модерна. Помимо уже упоминаемого Л. Н. Толстого, писателем-идеалом видится А. С. Пушкин, внимание к частной жизни которого Куприну кажется неприличным (особенно негативно оценивается деятельность прессы в юбилейный 1899 год) [35, с. 6].

Иное, более критическое мнение высказывает Куприн о писателях-современниках, отдавая должное, например, Н. Никандрову, Ф. Сологубу, В. Брюсову и К. Зайцеву, высказывает резкое критическое мнение по поводу явной политической ангажированности М. Горького: «Я считаю последние вещи Горького очень талантливыми. Талант Горького немного заедает политика. Она лишает его основного требования для писателя – свободы творчества, и Горький заставляет писать тенденциозно» [33, с. 333].

Многие интервью и заметки А. И. Куприна можно анализировать как единые серии, т. к. тематически они объединяются вокруг наиболее резонансных публикаций автора. Особенно репрезентативна в этом смысле полемика по поводу выхода повести «Яма» (проблема проституции [36–38], также скандал с плагиатом замысла второй части, который совершил «Граф Амори» (настоящее имя И. П. Рапгоф) [39]). После выхода второй части повести в 1915 году острый вопрос существования проституции в России обсуждался не менее интенсивно, несмотря на изменившийся исторический контекст. Автор на долгие годы стал экспертом по «женскому вопросу»: «Во всяком случае, я твердо верю, что свое дело я сделал. Проституция – это еще более страшное зло, чем война, мор и так далее. Война пройдет, но проституция живет веками» [40, с. 5].

Картина мира Куприна-писателя симметрична нефикциональному нарративу, представленному в интервью. Автор сосредоточен на болевых точках современности – проституция, армейское пьянство. Во многом восприятие неразделенности образа Куприна – писателя-реалиста и повествующего субъекта его текстов (основной тип нарратора в его прозе – нарратор, принадлежащий миру повествования, в терминологии В. Шмида, диегезису [41, с. 46]), – определило необычайный всплеск интереса к фигуре А. И. Куприна в годы Русско-Японской и Первой мировой войн. Еще в середине 1900-х годов внимание к Куприну обеспечивалось очевидным автобиографизмом многих его текстов. Автор подтверждал этот вектор интерпретации в интервью по поводу выхода рассказов и повестей «Дознание» (1894), «Куст сирени» (1894), «Ночная смена» (1899), «Кадеты. На переломе» (1900), «Поход» (1901), «Штабс-капитан

Рыбников» (1906), «Поединок» (1905) и др. Поэтому пресса отводила ему роль эксперта в военной и армейской жизни, репортера на передовой. Автор в толстовской традиции правды жизни указывает на большие вопросы современности: «Службу они рассматривают как невыносимое, ужасно скучное бремя. И все пьют, пьют и пьют. Пьют до белой горячки, до потери человеческого облика. Нередко можно видеть, как бравый денщик ведет по улицам маленького городишки своего офицера; офицер в расстегнутом кителе, с сорванной саблей, испачканный в грязи, с погасшим свинцовым взглядом и с фуражкой на затылке; бессильную рукою он время от времени бьет по лицу своего денщика и в промежутках страдает приступами морской болезни» [18, с. 40]. Позднее Куприн писал, что твердо «...решил, что ездить туда из праздного любопытства, с комфортом и полной безопасностью» также неловко, как ...неловко наблюдать для темы страдания, смерть и роды» [35, с. 6].

Выводы

Интервью литератора А. И. Куприна представляют собой яркий образец ранних интервью акторов литературного процесса эпохи модерна. Временной диапазон анализируемых источников позволяет проследить стабилизацию жанровых черт (прежде всего структурных), появление клишированных речевых конструкций (особенно в коротких заметках «ритуального» новостного характера). Популярность Куприна позволяет проанализировать большое количество эмпирических данных и подтвердить этапы формирования образа литератора в публичных изданиях: писатель-виталист, любящий простую жизнь, последовательно следующий литературной стратегии писателей-реалистов, ориентирующийся на художественный опыт Л. Н. Толстого, в том числе и в следовании традиции открытого обсуждения самых сложных вопросов современности. Наибольшее количество интервью приходится на годы войн (Русско-Японской, Первой мировой), на постреволюционное время, а также на пятилетие после выхода повести «Яма» (начало 1910-х годов), связано с обсуждением женского вопроса и сложных отношений в российской армии. Таким образом, мы можем видеть запрос публики по отношению к литераторам, тяготеющий к всеохватности приписываемого писателю опыта, динамику интереса к важным темам современности, публичную рефлексию писательского сообщества над ролью литератора в жизни общества, стереотипизацию образов в ходе самоосмысления и дальнейшую трансляцию готовых публичных формул в прессе.

Литература

1. Лакшин, В. Я. Лев Толстой глазами современников / В. Я. Лакшин // Интервью и беседы с Львом Толстым. – М. : Современник, 1987. – С. 3–17.
2. Куприн в зеркале интервью : сборник материалов / сост., вступ. ст. и комм. С. А. Ташлыкова. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. – 239 с.
3. Риникер, Д. «Литература последних годов – не прогрессивное, а регрессивное явление во всех отношениях»: Иван Бунин в русской периодической печати (1902–1917) / Д. Риникер // И. А. Бунин: Новые материалы: Вып. 1 ; сост., ред. О. Коростелев и Р. Дэвис. – М. : Русский путь, 2004.
4. Вахненко, Е. Е. Редакционная политика газеты «Биржевые ведомости» в контексте исторического слома (июль 1914 – октябрь 1917 года) / Е. Е. Вахненко // Сибирский филологический журнал. – 2019. – № 4. – С. 101–115.
5. Александров, А. С. Ответы писателей на анкеты периодических изданий начала XX века / А. С. Александров // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 447. – С. 5–10.
6. Силантьев, И. В. Нарратив в литературе и истории. На материале дневниковой прозы А. Герцена 1840-х гг. / И. В. Силантьев, Е. К. Созина // Сибирский филологический журнал. – 2013. – № 3. – С. 58–68.
7. Российские литераторы начала XX века на страницах московских газет. 1901–1917 : библиографический указатель : в 2 т. Т. 1. – М. : Пашков дом, 2019. – 470 с.
8. Российские литераторы начала XX века на страницах московских газет. 1901–1917 : библиографический указатель : в 2 т. Т. 2. – М. : Пашков дом, 2019. – 468 с.
9. Тертычный, А. А. Жанры периодической печати : учебное пособие / А. А. Тертычный. – М. : Аспект-Пресс, 2017. – 310 с.
10. Романенко, А. В. Феномен политического интервью в контексте лингвокультуры (на примере России и США): дис. ... канд. культурологии / А. В. Романенко. – М., 2018. – 204 с.
11. Фидлер, Ф. Ф. Из мира литераторов: характеры и суждения / Ф. Ф. Фидлер. – М. : Новое лит. обозрение, 2008. – 861 с.
12. Л. Андреев о войне: интервью писателя // Вечерние известия. – 1914. – 13 сентября (566). – С. 3.
13. М. П. Арцыбашев о самом себе / подгот. N. N. // Голос Москвы. – 1910. – 18 ноября (266). – С. 6.
14. Куприн, А. И. Интервью рижскому корреспонденту / А. И. Куприн // Куприн, А. И. Собрание сочинений : в 9 т. : Т. 7. – М. : Художественная литература, 1973. – С. 337–338.
15. Селютина, Е. А. Зарождение жанра литературного интервью на рубеже XIX–XX веков / Е. А. Селютина // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 76–87.
16. Купринская энциклопедия / автор проекта и гл. ред. Т. А. Кайманова. – Пенза : ИП Соколов А. Ю., 2016. – 851 с.

17. Балагин, А. У Куприна в Гатчине / А. Балагин // Всемирная панорама. – 1915. – 29 мая (№ 319). – С. 3.
18. Кайманова, Т. А. Куприн в воспоминаниях «зеленых лошадей», или мемуарный образ А. И. Куприна / Т. А. Кайманова // «Врут, как зеленые лошади...». Куприн в воспоминаниях, письмах, документах; сост. Т. А. Каймановой. – Пенза, 2020. – 968 с.
19. Ефименко, Л. Н. Публицистика А. И. Куприна: Проблемы жанрового своеобразия : дис. ... канд. филол. наук / Л. Н. Ефименко. – Краснодар, 2003. – 219 с.
20. Селунская, Н. Б. Образ «своего» / «иного» культурно-исторического пространства в беллетризованных мемуарных текстах А. И. Куприна / Н. Б. Селунская // Исторический журнал: научные исследования. – 2019. – № 6. – С. 144–150.
21. Куприн, А. И. Собрание сочинений : в 9 т. Т. 9 : Очерки. Воспоминания. Статьи и фельетоны / А. И. Куприн. – М. : Правда, 1964. – 591 с.
22. Куприн, А. И. Полное собрание сочинений : в 10 т. / А. И. Куприн. Т. 10: Заметки публициста, сатирика и литературного критика. Интервью, анкеты. – М. : Воскресенье, 2006. – 420 с.
23. Куприн, А. И. О литературе / А. И. Куприн; сост. Ф. И. Кулешов. – Минск : Изд-во БГУ, 1969. – 455 с.
24. Куприн в зеркале интервью : сборник материалов / сост., вступ. ст. и комм. С. А. Ташлыкова. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. – 239 с.
25. Петров, М. У А. И. Куприна / М. Петров // Вечерние известия. – 1916. – 3 мая (№ 973). – С. 3.
26. Л. Н. Андреев, А. В. Амфитеатров и А. И. Куприн // Вечерние известия. – 1916. – 9 сентября (№ 1080). – С. 3.
27. Регинин, В. У Куприна / В. Регинин // Петербургская газета. – 1908. – 24 августа (№ 232). – С. 3.
28. Регинин, Вас. Куприн о своих планах / Вас. Регинин // Биржевые ведомости. – 1909. – 28 февраля (№ 10984). – С. 6.
29. Из беседы с А. И. Куприным // Общее дело. – 1920. – 16 июля (№ 79). – С. 3.
30. С., Мих. В гостях у А. И. Куприна / Мих С. // Петербургская газета. – 1909. – 9 июня (№ 155). – С. 4.
31. Городецкая, Н. Д. В гостях у А. И. Куприна. Беседа с писателем / Н. Д. Городецкая // Возрождение. – 1930. – 16 декабря (№ 2023). – С. 4.
32. Одинокий, В. Противоречивое творчество / В. Одинокий // Новый путь. – 1912. – 2 января (1). – С. 2.
33. Куприн, А. И. Собрание сочинений : в 11 т. / А. И. Куприн; сост. А. Храмов; вступ. ст. К. Паустовского. Т. 11 : Произведения разных лет. Воспоминания. – М. : Терра-Книжный клуб : Литература, 1998. – 352 с.
34. Регинин, В. Куприн. Отклики писателя на литературные злобы / В. Регинин // Биржевые ведомости. – 1908. – 17 июня (№ 10558). – С. 6.
35. Куприн, А. И. Союзники / А. И. Куприн // Биржевые ведомости. – 1916. – 1 января (№ 15300). – С. 6.
36. У Куприна // Голос Москвы. – 1909. – 13 октября (№ 234). – С. 2.
37. У А. И. Куприна // Русское слово. – 1910. – 14 марта (№ 60). – С. 6.
38. Приезд А. И. Куприна / записал П. Г. // Голос Москвы. – 1910. – 26 февраля (№ 46). – С. 5.
39. У А. И. Куприна // Вечерние известия. – 1915. – 25 мая (экстр. вып.). – С. 2.
40. В литературном мире. У А. И. Куприна // Биржевые ведомости. – 1915. 21 мая (№ 14855). – С. 5.
41. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М. : Яз. славян. культуры : Кошелев, 2003 – 311 с.

Селютина Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент, проректор по научной и творческой работе, Челябинский государственный институт культуры (Челябинск), e-mail: L22502@yandex.ru. ORCID 0000-0002-5982-6208

Поступила в редакцию 12 марта 2024 г.

DOI: 10.14529/ssh240312

ALEXANDER KUPRIN AS A GARDENER: THE SELF-PRESENTATION OF A WRITER IN LITERARY INTERVIEWS OF MODERNISM

E. A. Selyutina

Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk, Russian Federation

This article examines the genre of “the literary interview” using the example of creative statements in the press by Alexander Kuprin at the beginning of the 20th century. At the beginning of the genre, the principles and roles of interaction between interviewers and interviewees were laid down, and the expectations of the reading public on the formal and meaningful features

of the genre were formed. The interview genre is considered in the context of the evolution of the literary form of the portrait in the formation of mass culture and there was increased interest in the private life of writers as a characteristic feature of modernity. New materials not previously considered in the self-reflective narratives of writers are introduced. The vectors of Kuprin's self-presentation are shown as creative tactics. The experience of interacting with the reader was prepared by the tradition of realism of the 19th century for the "naked truth of life". The writer's public position is conditioned by his published work, creative sympathies, and guidelines (Kuprin, as an opponent of avant-garde literature, is the heir to the tradition of Pushkin and Tolstoy). He positions himself as a creator, ready to let the reader into his creative laboratory, which was close to a simple "non-ethical" world. The author's role model is the examination of the sick points of modernity (army life, prostitution, life in Soviet Russia).

Keywords: literary interview, Russian modernism, ego-narrative, journalism, history of journalism, mass media, media discourse, speech genres, periodicals, interviewers, interviewees, Alexander Kuprin.

References

1. Lakshin V.J. Lev Tolstoy glazami sovremennikov [Leo Tolstoy in the Eyes of Contemporaries] // *Interv'yu i besedy s L'vom Tolstym*. M.: Sovremennik, 1987. S. 3–17.
2. Kuprin v zerkale interv'yu [Kuprin in the Mirror of Interviews: a Collection of Materials]: sbornik materialov / sost., vstup. st. i komm. S.A. Tashlykova. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2020. 239 s.
3. Riniker D. «Literatura poslednikh godov – ne progressivnoe, a regressivnoe yavlenie vo vsehk otnosheniyakh»: Ivan Bunin v russkoy periodicheskoy pechati (1902–1917) [“Literature of Recent Years is not Progressive, but Regressive Phenomenon in all Respects”: Ivan Bunin in the Russian periodical press (1902–1917)] // *I. A. Bunin: Novye materialy*: Vyp. 1; sost., red. O. Korostelev i R. Devis. M.: Russkiy put', 2004.
4. Vahnenko E.E. Redaktsionnaya politika gazety «Birzhevye vedomosti» v kontekste istoricheskogo sloma (iyul' 1914 – oktyabr' 1917 goda) [Editorial Policy of the Newspaper “Birzhevye Vedomosti” in the Context of Historical Breakdown (July 1914 – October 1917)] // *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*. 2019. № 4. S. 101–115.
5. Aleksandrov A.S. Otvety pisateley na ankety periodicheskikh izdaniy nachala XX veka [Answers of Writers to the Questionnaires of Periodicals of the Early 20th Century] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2019. № 447. S. 5–10.
6. Silant'ev I.V., Sozina E.K. Narrativ v literature i istorii. Na materiale dnevnikovoy prozy A. Gertsena 1840-kh gg. [Narrative in Literature and History. On the Material of the Diary Prose of A. Herzen 1840s] // *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*. 2013. № 3. S. 58–68.
7. Rossiyskie literatorty nachala XX veka na stranitsakh moskovskikh gazet. 1901–1917 [Russian Writers of the Early 20th Century on the Pages of Moscow Newspapers. 1901–1917]: bibliograficheskii ukazatel': v 2 t. T. 1. M.: Pashkov dom, 2019. 470 s.
8. Rossiyskie literatorty nachala XX veka na stranitsakh moskovskikh gazet. 1901–1917 [Russian Writers of the Early 20th Century on the Pages of Moscow Newspapers. 1901–1917]: bibliograficheskii ukazatel': v 2 t. T. 2. M.: Pashkov dom, 2019. 468 s.
9. Tertychnyy A.A. Zhanry periodicheskoy pechati : uchebnoe posobie [Genres of Periodicals]. M.: Aspekt-Press, 2017. 310 s.
10. Romanenko A.V. Fenomen politicheskogo interv'yu v kontekste lingvokul'tury (na primere Rossii i SShA) [The Phenomenon of Political Interview in the Context of Linguoculture (on the Example of Russia and the USA)]: dis. ... kand. kul'turologii. M., 2018. 204 s.
11. Fidler F.F. Iz mira literatorov: kharaktery i suzhdeniya [From the World of Literati: Characters and Judgments]. M.: Novoe lit. obozrenie, 2008. 861 s.
12. L. Andreev o voyne [L. Andreev about the war] : interv'yu pisatelya // *Vechernie izvestiya*. 1914. 13 sentyabrya (566). S. 3.
13. M.P. Artsybashev o samom sebe [M.P. Artsybashev about Himself] / podgot. N. N. // *Golos Moskvy*. 1910. 18 noyabrya (266). S. 6.
14. Kuprin A. I. Interv'yu rzhskommu korrespondentu [Interview to the Riga Correspondent] // *Kuprin A.I. Sobranie sochineniy*: v 9 t.: T. 7. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1973. S. 337–338
15. Selyutina E.A. Zarozhdenie zhanra literaturnogo interv'yu na rubezhe XIX–XX vekov [Origin of the Genre of Literary Interview at the Turn of the 19th to 20th Centuries] // *Filologicheskii klass*. 2022. T. 27, № 4. S. 76–87.
16. Kuprinskaya entsiklopediya [Kuprin Encyclopedia] / avtor proekta i gl. red. T. A. Kaymanova. Penza: IP Sokolov A.Y., 2016. 851 s.

17. Balagin A. U Kuprina v Gatchine [At Kuprin in Gatchina] // *Vsemirnaya panorama*. 1915. 29 maya (№ 319). S. 3.
18. Kaymanova T.A. Kuprin v vospominaniyakh «zelenykh loshadey», ili memuarный obraz A.I. Kuprina [Kuprin in the Memories of “Green Horses”, or the Memoir Image of A.I. Kuprin] // «*Vrut, kak zelenye loshadi...*». Kuprin v vospominaniyakh, pis'makh, dokumentakh; sost. T.A. Kaymanovoy. Penza, 2020. 968 s.
19. Efimenko L.N. Publitsistika A.I. Kuprina: Problemy zhanrovogo svoeobraziya [Publicist A.I. Kuprin: Problems of Genre]: dis. ... kand. filol. nauk. Krasnodar, 2003. 219 s.
20. Selunskaya N. B. Obraz «svoego» / «inogo» kul'turno-istoricheskogo prostranstva v belletrizovannykh memuarных tekstakh A.I. Kuprina [Image of “Own” / “Other” Cultural and Historical Space in the Fiction Memoir Texts of A.I. Kuprin] // *Istoricheskiy zhurnal: nauchnye issledovaniya*. 2019. № 6. S. 144–150.
21. Kuprin A.I. Sobranie sochineniy [Collected Works]: v 9 t. T. 9: Ocherki. Vospominaniya. Stat'i i fel'tony. M.: Pravda, 1964. 591 s.
22. Kuprin A.I. Polnoe sobranie sochineniy [Complete Works]: v 10 t. T. 10: Zametki publitsista, satirika i literaturnogo kritika. Interv'yu, ankety. M.: Voskresen'ye, 2006. 420 s.
23. Kuprin A.I. O literature [On Literature] / Sost. F. I. Kuleshov. Minsk : Izd-vo BGU, 1969. 455 s.
24. Kuprin v zerkale interv'yu: sbornik materialov [Kuprin in the Mirror of Interviews] / sost., vstup. st. i komm. S.A. Tashlykova. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2020. 239 s.
25. Petrov M. U A.I. Kuprina [At A.I. Kuprin] // *Vechernie izvestiya*. 1916. 3 maya (№ 973). S. 3.
26. L.N. Andreev, A.V. Amfiteatrov i A.I. Kuprin [L.N. Andreev, A.V. Amfiteatrov and A.I. Kuprin] // *Vechernie izvestiya*. 1916. 9 sentyabrya (№ 1080). S. 3.
27. Reginin V. U Kuprina [At Kuprin] // *Peterburgskaya gazeta*. 1908. 24 avgusta (№ 232). S. 3.
28. Reginin Vas. Kuprin o svoikh planakh [Kuprin about his Plans] // *Birzhevye vedomosti*. 1909. 28 fevralya (№ 10984). S. 6.
29. Iz besedy s A.I. Kuprinym [From a Conversation with A.I. Kuprin] // *Obshhee delo*. 1920. 16 iyulya (№ 79). S. 3.
30. S. Mih. V gostyakh u A.I. Kuprina [On a Visit to A.I. Kuprin] // *Peterburgskaya gazeta*. 1909. 9 iyunya (№ 155). S. 4.
31. Gorodetskaya N.D. V gostyakh u A.I. Kuprina. Beseda s pisatelem [Visiting A. I. Kuprin. A Conversation with the Writer] // *Vozrozhdenie*. 1930. 16 dekabrya (№ 2023). S. 4.
32. Odinkiy V. Protivorechivoe tvorchestvo [Contradictory Creativity] // *Novyy put'*. 1912. 2 yanvarya (1). S. 2.
33. Kuprin A.I. Sobranie sochineniy [Collected Works]: v 11 t.; sost. A. Khramkov; vstup. st. K. Paustovskogo. T. 11: Proizvedeniya raznykh let. Vospominaniya. M.: Terra-Knignyy klub: Literatura, 1998. 352 s.
34. Reginin V. Kuprin. Otkliki pisatelya na literaturnye zloby [Kuprin. The Writer's Responses to Literary evils] // *Birzhevye vedomosti*. 1908. 17 iyunya (№ 10558). S. 6.
35. Kuprin A.I. Sojuzniki [Allies] // *Birzhevye vedomosti*. 1916. 1 yanvarya (№15300). S. 6.
36. U Kuprina [At Kuprin's] // *Golos Moskvy*. 1909. 13 oktyabrya (№ 234). S. 2.
37. U A.I. Kuprina [At A.I. Kuprin's] // *Russkoe slovo*. 1910. 14 marta (№ 60). S. 6.
38. Priezd A.I. Kuprina / zapisal P.G. [Arrival of A. I. Kuprin] // *Golos Moskvy*. 1910. 26 fevralya (№ 46). S. 5.
39. U A.I. Kuprina [At A.I. Kuprin's] // *Vechernie izvestiya*. 1915. 25 maya (ekstr. vyp.). S. 2.
40. V literaturnom mire. U A.I. Kuprina [In the Literary World. At A.I. Kuprin's] // *Birzhevye vedomosti*. 1915. 21 maya (№ 14855). S. 5.
41. Shmid V. Narratologiya [Narratology]. M.: Yaz. slavjan. kul'tury: Koshelev, 2003. 311 s.

Elena A. Selyutina – Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Vice-Rector for Scientific and Creative Work, Chelyabinsk State Institute of Culture (Chelyabinsk), e-mail: L22502@yandex.ru

Received March 12, 2024

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Селютина, Е. А. А. И. Куприн-огородник: самопрезентация писателя в литературных интервью эпохи модернизма / Е. А. Селютина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2024. – Т. 24, № 3. – С. 103–110. DOI: 10.14529/ssh240312

FOR CITATION

Selyutina E. A. Alexander Kuprin as a gardener: the self-presentation of a writer in literary interviews of Modernism. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2024, vol. 24, no. 3, pp. 103–110. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh240312

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ МЕДИЙНЫЕ КОНКУРСЫ КАК ФОРМА ПРОДВИЖЕНИЯ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

А. Н. Чумиков

*Московский государственный лингвистический университет, г. Москва,
Российская Федерация*

В статье рассматриваются теория и практика государственной политики в области формирования и продвижения патриотических ценностей в увязке с задачами средств массовой информации в данной области. В качестве одной из ключевых форм реализации таких задач выделяются конкурсы СМИ. Они, в свою очередь, понимаются как стратегия добровольного и массового вовлечения журналистов в дело патриотического воспитания граждан.

Анализируется разделы о медиа в целом и конкурсах СМИ как их составной части в федеральных государственных программах патриотического воспитания, принятых в 2001–2024 гг., а также практика проведения конкурсов государственными, общественными и коммерческими организациями.

Описывается последовательно формировавшаяся общегосударственная модель таких конкурсов, достигшая пика своей эффективности к 2020 г. и состоящая из федеральных и межрегиональных конкурсов СМИ «Патриот России», «Слава России», «Моя малая Родина», «Вызов XXI век» и ряда других. Ориентиры для дальнейшего развития СМИ как субъектов патриотического воспитания представлены в материалах Всероссийской научно-практической конференции «Вклад СМИ в реализацию государственной программы патриотического воспитания граждан Российской Федерации». На форуме принят «Меморандум о патриотизме», выполняющий функцию информационного эталона – этического руководства для составления и оценки медийных текстов массового воздействия.

Показывается, что после 2020 г. и патриотическая политика в целом, и ее медийные составляемые вместе с конкурсами СМИ во многом переместились из общефедеральных стратегий в федерально-ведомственные программы. Число самих конкурсов СМИ федерального масштаба существенно сократилось.

По мнению автора статьи, данная ситуация требует коррекции с возвратом к раскрытым в статье опыту и моделям предыдущего периода.

Ключевые слова: государственная политика, патриотические ценности, программы патриотического воспитания, конкурсы СМИ, организационно-финансовая поддержка, добровольное вовлечение, информационный эталон.

Введение

Каждое государство стремится формировать у своих граждан патриотические ценности, трактуя понятие патриотизма с акцентом на наиболее значимые для конкретной страны стратегические и ситуативные обстоятельства. Накоплено и отработано значительное количество эффективных форм патриотического воспитания, среди которых курсы социально-гуманитарных дисциплин в школах и вузах, издание специальной литературы, массовые тематические праздники и, наконец, послания государственных лидеров и организация пула медийных каналов с синхронизированной тональностью актуальных для государства материалов.

С начала XXI века российские власти уделяют всё более пристальное внимание роли в данном процессе средств массовой информации. В Концепции патриотического воспитания граждан Российской Федерации содержится важное положение о двоякости этой роли. С одной стороны, указывается, что «...основными группами граждан, выступающими объектами патриотического воспитания, являются ... творческая интеллигенция и представители средств массовой информации».

Получается, что они сами нуждаются в воздействии, имеющем целью формирование твердой и активной патриотической позиции.

С другой стороны, в Концепции говорится о том, что объектная позиция названных социальных групп относительна. Будучи включенными в систему патриотического воспитания, они в то же время являются и его субъектами [1].

То есть и всегда, и особенно в современных условиях свершившейся медиатизации общества СМИ в идеале должны нести полученные патриотические ценности разным категориям граждан. Таким образом, актуальной задачей научного исследования становится анализ направлений, принципов, а также форм работы со СМИ, позволяющих эффективно включить их субъект-объектный потенциал в дело патриотического воспитания населения.

В решении этой задачи мы выделяем три основных блока. Первый из них является базисным для всех категорий граждан и выражается в артикуляции и декларировании самого понятия «патриотизм» применительно к интересам России. Второй блок предполагает подготовку собственно

журналистов на уровне обучения профессии в высших учебных заведениях и послевузовских мероприятий по совершенствованию профессиональных навыков. Третий блок касается добровольного вовлечения журналистов и редакций в целом в систему патриотического воспитания на основе их личных и (или) корпоративных установок. К ключевым и наиболее эффективным формам такого вовлечения мы относим профессиональные конкурсы, которые и становятся предметом углубленного рассмотрения в статье.

Обзор литературы

Анализируя вузовскую подготовку будущих журналистов, Л. С. Макарова говорит о необходимости прививать им такие общие и очевидные принципы патриотизма, как «...неравнодушное отношение к своей стране», «...несовместимость с ксенофобией, высокомерным и презрительным отношением к другим народам», различие понятий «...любовь к своей стране» и «...ненависть и высокомерие по отношению ко всем остальным» [2].

В. К. Иванов фокусируется на организационно-финансовой стороне профессиональной деятельности СМИ, имея в виду целевую государственную финансовую поддержку изданий, имеющих особое информационно-социальное значение, за счет средств федерального и региональных бюджетов. По мнению автора, поддерживаться должны серии тематически однородных материалов, ориентированные на реализацию насущных государственных задач и приоритетов, а именно: популяризацию приоритетных национальных проектов, формирование культа семьи и здорового образа жизни; борьбу с коррупцией, преступностью, наркоманией, расовой и межконфессиональной рознью; обеспечение безопасности на дорогах, развитие межнационального общения и творчества народов Российской Федерации, разъяснение принимаемых законов.

Исследователь говорит и о необходимости «...установления различных пределов свободного развития медийного пространства на коммерческой основе» в части ограничений, связанных с безопасностью самого государства, в том числе с противодействием терроризму, наркомании, разрушению детской нравственности [3].

А. Н. Гуреева и П. А. Киреева замечают, что журналисты в конечном счете должны формировать позитивный медиаобраз государства, представляющий закодированное в медийном тексте ценностное представление автора и вызывающее ценностную реакцию адресата [4].

Э. А. Галумов выделяет содержательные характеристики такого медиаобраза: это природно-ресурсный потенциал страны, ее культурно-историческое наследие, особенности геополитического положения, стиль реализации политической власти, характер и принципы деятельности общественно-политических объединений, модели соци-

ального взаимодействия, социально-психологические настроения в обществе, морально-нравственные аспекты его развития [5].

Анализируя исторический опыт развития СМИ, А. В. Возжеников и А. Н. Кузнецов констатируют, что СМИ успешно выполняли роль субъекта формирования патриотизма и гражданственности в советский период постольку, поскольку транслировали и актуализировали устойчивый и актуальный для государства спектр политических проблем.

Но в дальнейшем они пустились в «свободное плавание» в определении стратегии выживания и развития в условиях рыночных отношений и политических реформ. У СМИ появилась возможность заявить о своей политической субъектности. Наравне с другими политическими институтами они начали работать над созданием демократической генерации российских граждан – носителей новой политической культуры, новых ценностей, нового отношения к будущему государства и общества. Но увеличение возможностей СМИ не всегда приводило к расширению их политической субъектности в формировании новых компонентов патриотизма и гражданственности. На выполнение этих задач СМИ, по мнению исследователей, «...должны быть ориентированы соответствующими коллективами» [6].

Многие авторы отдают приоритет ценностям «журналистики вообще», но не «журналистики для своей страны». Например, Г. В. Кручевская к профессиональным журналистским ценностям относит такие, как предоставление аудитории социально важной или социально интересной информации, создание адекватной картины мира, строгая документальность сообщений, стремление к объективности путем представления различных точек зрения, рассмотрение событий и явлений с гуманистических позиций, то есть через призму интересов личности, создание информационного продукта, полезного для аудитории [7].

Данная тенденция во многом характерна и для отечественной журналистики в целом. Очевидно, что возможности журналистов вместе с их ограничениями регулируются правовыми актами государств и регионов. Что же касается ценностных ориентировок, то они содержатся главным образом в кодексах профессиональной этики. О. В. Смирнова и С. Б. Стебловская изучили более 30 таких кодексов, принятых в России в период с 1994 по 2014 гг. на различных уровнях (федеральный, региональный, отраслевой, редакционный), а затем сопоставили их с аналогами Китайской народной республики. В базовых позициях этих документов выявлены существенные различия.

Так, основные установки «Медиаэтического стандарта» (Россия, 2021) направлены на социальную ответственность и профессиональную честность журналиста, обеспечение права граждан

на информацию и свободу слова, уважение частной жизни и человеческого достоинства, защиту многообразия культур. В «Кодексе профессиональной этики журналистов» (КНР, 2019) закреплены во многом иные ключевые смыслы профессии журналиста: беззаветное служение народу, социальная ответственность, патриотизм, соблюдение законности и дисциплины; обеспечение достоверности фактов, объективности и справедливости; отсутствие стремления к личной выгоде, поддержание духа национального единства и сотрудничества, укрепление мирного сосуществования, уважение национальных традиций.

Другими словами, в кодексах КНР приоритетное внимание уделяется деятельности журналиста по продвижению интересов государства, в то время как в фокусе российского кодекса находятся в первую очередь «права и свободы человека» [8].

Что же касается воспитания патриотических ценностей с применением форм, не связанных с вузовским обучением или семинарами по повышению квалификации журналистов, то в исследовательских публикациях они затрагиваются чрезвычайно редко. Тем более это относится к медийным конкурсам, которым посвящены лишь отдельные материалы. Характерным примером выступает статья А. Р. Таирова, где конкурсы СМИ рассматриваются лишь как средство продвижения изданий [9].

Методы исследования

Исследование представляет собой не столько продолжающийся, сколько инновационный характер. Анализируется медийная проблематика, включающая конкурсы СМИ, в программах патриотического воспитания населения общегосударственного масштаба, принятых в 2001–2024 гг. Рассматривается практика организации журналистских конкурсов федеральными министерствами и ведомствами, общероссийскими общественными организациями и коммерческими структурами. В поле зрения находится тематика конкурсов, отражающая ключевые явления социально-политической жизни страны. Представлен обзор материалов Всероссийской научно-практической конференции «Вклад средств массовой информации в реализацию государственной программы патриотического воспитания населения» и принятого на ней Меморандума о патриотизме.

Помимо общего анализа, существенное значение для актуальных выводов имеет многолетний, объемный и эксклюзивный личный опыт авторского участия и наблюдения за процессом организации и проведения конкурсов. В 2001–2024 гг. – период, сопряженный с временем исследования – возглавляемое автором Агентство «Международный пресс-клуб» выступало исполнителем государственных контрактов, а сам автор являлся руководителем оргкомитета и председателем жюри таких массовых всероссийских и межрегиональ-

ных конкурсов СМИ, как «Патриот России», «Слава России», «Моя малая Родина», «Вызов XXI век», «Русский язык в электронных СМИ», «Созвездие мужества», «Журналисты против террора».

Результаты и дискуссия

Общее определение конкурса, присутствующее с незначительными вариациями в разных словарях, сводится к понятию соревнования, имеющего целью выявить и отметить лучших в своей сфере деятельности. Применительно к термину «лучшие» существует две категории критериев: одна, основная, предполагает выделение показателей, характеризующих функциональную суть профессиональных активностей; другая, дополняющая, – их содержательные основания.

В России ежегодно проводятся сотни журналистских конкурсов, организованных федеральными и региональными органами власти, коммерческими структурами, общественными организациями. При этом «вес» критериев первой и второй категории варьируется от примерно равной пропорциональной представленности до полного доминирования одной из них.

Обратившись к положению о ежегодно проводимом Союзом журналистов России Всероссийском конкурсе на лучшее журналистское произведение, можно увидеть, что критерии оценки материалов охватывают главным образом позиции первой категории. Среди них присутствуют такие, как журналистское мастерство, действительность публикации; выразительность, точность и доходчивость языка изложения; работа с экспертами и использование интерактива, оригинальность идеи и способов подачи материала. Критерии второй категории определяются одной фразой: «общественная значимость» [10].

В журналистской номинации фестиваля МЧС России «Созвездие мужества», напротив, преимущественное внимание уделяется содержательным критериям: в конкурсе участвуют журналисты и редакции, опубликовавшие материалы по тематике безопасности и спасения людей, предупреждения чрезвычайных ситуаций и ликвидации их последствий [11].

Если же говорить о конкурсах коммерческих структур, то ведущим критерием в них является упоминание производителей товаров и торговых марок. Ассоциации предпринимателей также не выходят за рамки тематических критериев, расширяя их до вопросов экономического развития страны, региона, предприятия в целом. Так, Торгово-промышленная палата РФ в течение 30 лет проводит конкурс журналистов «Экономическое возрождение России». Его цель – стимулирование развития экономического направления в отечественной журналистике и объективного отражения средствами массовой информации проблем становления и успехов отечественного предпринимательства [12].

Как показывают приведенные примеры, единый подход к оценке конкурсных материалов СМИ отсутствует как в области профессиональных критериев журналистики, так и в плане ценностно-тематических ориентаций. Однако автор вовсе не склонен предлагать унификацию данных форм и процессов, что в принципе не нужно и невозможно. Другое дело, что политика формирования у журналистов патриотических ценностей должна присутствовать в принципе, и реализовать ее по силам лишь государству и в общефедеральном масштабе. Существенная роль, на наш взгляд, здесь должна отводиться государственным медийным конкурсам.

В обоснование данного утверждения приведем следующие доводы. Прямая финансовая поддержка медийных ресурсов со стороны государственных и муниципальных органов власти и связанных с ними корпораций, безусловно, важна и широко осуществляется в нашей стране. Она способствует следованию СМИ в русле государственной политики, но лишь косвенно влияет на формирование личности журналиста как патриота. Фактически здесь действует обычная рыночная схема, где государство является заказчиком, а СМИ и работающие в них журналисты – исполнителями, получающими за свой труд заработную плату и другие виды материального поощрения.

Но в случае с государственными конкурсами ситуация иная. Денежные премии за участие в них касаются лишь малой части конкурсантов, а подавляющее большинство получает символические награды в виде дипломов, призов и медалей. Участие в таких конкурсах – полностью добровольное дело журналиста. Таким образом, если он включился в конкурсную процедуру, предполагающую продвижение в публикациях определенных тем и их ценностной платформы, значит, это соответствует его жизненным принципам. То есть в этом случае журналист определенно пишет или снимает «по зову сердца», который передается потребителям медийной продукции. Происходит процесс вовлечения и «самовоспитания» журналиста в русле актуальных тем и ценностей с последующим воспроизводством их в авторских материалах.

Глубина подобного понимания цели и форм работы с журналистами варьировалась на разных этапах формирования и реализации государственных программ. Так, первая из них, «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации», принималась Правительством РФ в 2001 г. и охватывала последующий пятилетний период [13].

В документе отмечалось, что экономическая дезинтеграция, социальная дифференциация общества, девальвация духовных ценностей оказали негативное влияние на общественное сознание большинства социальных и возрастных групп населения страны. Становилась всё более заметной постепенная утрата нашим обществом традиционного российского патриотического сознания.

Патриотизм кое-где стал перерождаться в национализм. Во многом утрачено истинное значение и понимание интернационализма. В общественном сознании получили широкое распространение равнодушие, эгоизм, индивидуализм, цинизм, немотивированная агрессивность, неуважительное отношение к государству и социальным институтам.

В связи с этим Программа предполагала создание механизма, обеспечивающего становление и эффективное функционирование государственной системы патриотического воспитания, направленной на сохранение общественной стабильности, восстановление национальной экономики и укрепление обороноспособности страны.

В документе выделялся специальный раздел «Государственное воздействие на пропаганду патриотизма в средствах массовой информации», где говорилось, что активизация творческого потенциала журналистов, писателей, кинематографистов осуществляется путем организации конкурсов с учреждением ежегодных премий по патриотической тематике.

В соответствии с Программой стартовал Всероссийский конкурс «За лучшее и систематическое освещение в электронных и печатных СМИ темы патриотического воспитания граждан», получивший название «Патриот России». Ответственными исполнителями данного пункта определялись Министерство РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций (МПТР) и Министерство обороны (МО) России.

Важно заметить, что контроль за выполнением мероприятий этой и двух последующих программ осуществлял специальный рабочий орган – Российский государственный военный историко-культурный центр при Правительстве РФ (Росвоенцентр). Он существовал с 1997 по 2016 г., а затем был переименован в Центр поддержки молодежных творческих инициатив и передан в ведение Федерального агентства по делам молодежи (Росмолодежь).

Вторая государственная программа патриотического воспитания на 2006–2010 гг. выполняла задачи совершенствования данного процесса, предусматривала его информационное обеспечение и поднимала статус конкурса «Патриот России»: состав ответственных за его проведение дополнялся Росвоенцентром и органами исполнительной власти субъектов РФ [14].

Последующая практика проведения «Патриота России» продемонстрировала его важность и эффективность: конкурс журналистов стал самым массовым в России, ежегодно в нем участвовали СМИ всех субъектов РФ, в финал выходили и награждались сотни СМИ и тысячи работ. Отсюда в третьей государственной программе патриотического воспитания на 2011–2015 гг. фигурировала уже система таких конкурсов, в том числе:

– «Патриот России» (Ответственные: Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям – Роспечать, МО России, Росвоенцентр);

– «На страже порядка» (Министерство внутренних дел – МВД России и Федеральная служба исполнения наказаний – ФСИН России);

– «Сибирь – территория надежд» (Ответственные здесь и далее: Роспечать, Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания – ВГТРК, Министерство регионального развития – Минрегион России, органы исполнительной власти субъектов РФ);

– «Щит России»;

– «Моя малая Родина»;

– «Слава России» [15].

Однако в дальнейшем, с передачей функции координатора Программы от Росвоенцентра к Росмолодежи, тенденция развития государственных федеральных и межрегиональных конкурсов СМИ как эффективной формы патриотического воспитания не продолжилась. В четвертой программе патриотического воспитания сохранились лишь два из перечисленных выше конкурсов – «Патриот России» и «Щит России». К ним добавился конкурс журналистского мастерства «Дальний Восток – восходящая звезда России» [16].

Подводя итог развитию медийного блока программ патриотического воспитания в 2001–2020 гг. в целом и конкурсов СМИ как их составной части, следует сказать, что ведущим идеологом и исполнителем здесь являлась Роспечать. Причем, помимо медийных конкурсов, обозначенных в общефедеральных программах, Агентство инициировало и свои собственные. Среди них:

– Всероссийский конкурс телевизионных фильмов и программ «Единение»;

– Всероссийский фестиваль радиопрограмм для детей «RadioJunior»;

– Международный экологический телевизионный фестиваль «Спаси и сохрани»;

– Конкурс электронных СМИ «Гуманитарное сотрудничество во имя процветания»;

– Фестиваль телевизионных и радиопрограмм антитеррористической направленности «ТВ-РАДИО-Антитеррор»;

– «Словесные» конкурсы («Русский язык в электронных СМИ», «Живое слово») [17].

При этом на уровне страны сложилась взаимовязанная организационно-тематическая модель медийных конкурсов. «Патриот России» охватывал все виды СМИ и выступал в качестве базового конкурса по ценностной проблематике, а для участия в нем допускались материалы других конкурсов. Модель принимала во внимание территориальные масштабы и национальное многообразие российского государства. Базовым городом финала конкурса СМИ «Слава России» стал Владикавказ, «Щит России» – Пермь, «Сибирь – территория надежд» – Новосибирск, «Моя малая Родина» – Калуга. Финал «Патриота России» ежегодно проводился как в Москве, так и в столицах разных

регионов России от Архангельска на севере до Ростова-на-Дону на юге, от Великого Новгорода на западе до Челябинска и Омска на востоке; включал в себя центры ведущих национальных республик Казань (Татарстан) и Уфа (Башкортостан).

Такая модель позволяла получать эффективные качественные результаты: во-первых, каждый субъект РФ, где проводились финальные мероприятия конкурсов (семинары, круглые столы, церемония награждения), становился «патриотической площадкой года» с масштабным включением властного ресурса и медийного потенциала; во-вторых, в стране, особенно в ее регионах, складывалось неформальное сообщество журналистов, объединенных общим отношением к патриотизму.

В 2009 г. одновременно с финалом конкурса «Патриот России» в Волгограде проводилась Всероссийская научно-практическая конференция «Вклад СМИ в реализацию государственной программы патриотического воспитания граждан Российской Федерации».

На конференции представлялся и обсуждался аналитический доклад «Патриотизм в актуальных трактовках, отечественных СМИ и сознании россиян». Заключительный документ форума, «Меморандум о патриотизме», определял ориентиры медийной политики в данной области на перспективу [18].

Такого рода формат квалифицируется автором статьи и разработчиком Меморандума как информационный эталон – руководство для составления и оценки медийных текстов массового воздействия. В начале Меморандума присутствуют актуальные трактовки ключевых понятий с ответами на вопросы: что означает патриотизм для нас, на какой основе должно консолидироваться государство, какая идея будет его сплачивать, что такое патриотическая мотивация личности? Далее фиксируются позитивные тенденции в материалах СМИ, заслуживающие одобрения и продолжения; затем обозначаются проблемные места. Содержатся предложения о деятельности СМИ по укреплению патриотического сознания россиян. В глобальном плане это организация системных информационных циклов по «героизации» и «патриотизации» различных эпох, событий России и их персонажей; поиску и продвижению героев современных будней; расширению спектра человеческих личностей, воспринимаемых как выдающиеся и патриотические.

Номинации конкурсов СМИ формировались и претерпевали ежегодную динамику в соответствии с актуальной для страны политико-идеологической проблематикой определенного периода. Приведем их перечень в последнем, XIX конкурсе «Патриот России», проведенном в 2020 г. в Архангельске:

1) «Мы – россияне!» – материалы о выдающихся россиянах; дружбе, взаимопонимании и укреплении национального согласия и духовной общности многонационального народа Российской Федерации;

2) «Россия и мир» – рассказы об участии России в международных экономических и социальных проектах, противодействии санкциям, оптимизации отношений со странами мирового сообщества, формировании многополярного мира, миротворчестве, поддержке прогрессивных начинаний;

3) «Против фальсификации истории» – публикации, направленные на борьбу с фальсификацией истории и сохранение памяти о Великой Отечественной войне в одной или нескольких сериях журналистских работ;

4) «Без срока давности» – истории о трагедиях мирного населения Советского Союза в годы Великой Отечественной войны;

5) «Россия молодая» – работы в СМИ о созидательном труде молодых граждан России; молодежных инициативах в достижении высоких результатов на производстве, в учёбе, научной деятельности, спорте, искусстве, службе в Вооружённых Силах, развитии гражданского общества; героических поступках современной молодежи.

Но далее ситуация изменилась. В 2020 г. почти одновременно произошли два события, существенно повлиявших на перспективы развития медийных конкурсов патриотической направленности. Одно из них – ликвидация Роспечати с передачей его полномочий и функционала Министерству цифрового развития, связи и массовых коммуникаций (Минцифры) РФ. Другим событием стало принятие Правительством РФ Плана мероприятий по реализации в 2021–2025 гг. Стратегии развития воспитания в Российской Федерации [19].

При этом Минцифры не приобрело, а утратило роль координатора государственной медийной политики в части проведения конкурсов СМИ. Эти функции Министерства трансформировались в другие, обозначенные в разделе IV указанной выше Стратегии («Развитие научно-методических механизмов в сфере воспитания»), и предполагают «...проведение регулярных комплексных исследований потребительских и поведенческих особенностей молодежной аудитории в российском сегменте сети “Интернет” в целях повышения уровня информированности органов государственной власти РФ и организаций, осуществляющих деятельность в сфере воспитания, о влиянии информационной среды на формирование взглядов подрастающего поколения».

Большинство из проводимых ранее конкурсов СМИ, включая «Патриот России», прекращено. Информация о немногих оставшихся в принципе не размещается на сайте Минцифры, а присутствует только на ресурсах государственных закупок.

Что же касается государственной практики патриотического воспитания и конкурсов СМИ в целом, то она из общефедеральной превращается в федерально-ведомственную. Так, федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан РФ» закрепляется за Министерством просвещения РФ [20].

Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г. ориентирована на воспитание и социализацию детей [21].

Из значимых ведомственных медийных конкурсов патриотической направленности федерального уровня, которые продолжались к моменту подготовки настоящей статьи, следует упомянуть такие, как «СМИротворец» – на лучшее освещение вопросов межнациональных и этноконфессиональных отношений (Росмолодежь) [22]; Всероссийский конкурс СМИ «Культура Слова» (Минкультуры) [23]; Конкурс молодых журналистов, пишущих на социально значимые темы, «Вызов XXI век» (Минцифры) [24]; фестиваль СМИ «Щит России» (Минцифры) [25].

Выводы

В первые десятилетия XXI века российским государством накоплен значительный опыт воспитания у граждан патриотических ценностей. В этом вопросе значительное внимание уделяется роли средств массовой информации, одновременно выступающих и субъектом, и объектом данного процесса. В статье проанализированы формы работы со СМИ, позволяющие эффективно включить их субъект-объектный потенциал в дело патриотического воспитания. В качестве одной из ключевых форм выделены медийные конкурсы.

Отмечается, что при высокой значимости организационно-финансовой поддержки СМИ государственными и муниципальными органами власти она лишь косвенно влияет на формирование личности журналиста как патриота. Конкурсы СМИ имеют иную природу и становятся формой добровольного включения журналистов и редакций в процедуру, сопряженную с продвижением в публикациях актуальных для государства тем и их ценностной платформы.

Анализ динамики присутствия и развития проблематики конкурсов СМИ в государственных программах патриотического воспитания 2001–2024 гг., а также практики их проведения подтверждает эффективность такой формы работы. К 2020 г. сложилась взаимоувязанная федеральная модель проведения конкурсов, учитывающая задачи формирования патриотических установок, географические и национальные особенности России и сконцентрированная в проектах Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям (Роспечати). Однако с включением Роспечати в структуру Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ (Минцифры) данная функция была утрачена.

Что касается государственных программ патриотического воспитания в целом, то роль медийных конкурсов в них принижена, число конкурсов сократилось, а сам подход к их проведению из общегосударственного стал федерально-ведомственным.

Представляется, что позитивный опыт конкурсной модели СМИ и ее результатов, достигну-

тых к 2020 г., должен быть учтен и получить развитие в последующих государственных стратегиях и планах, связанных с медийной политикой.

Литература

1. Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации. 2003. – URL: <https://base.garant.ru/6148105/?ysclid=luqpedr0lr572397266>.
2. Макарова, Л. С. Патриотизм и толерантность как ценностные установки будущего журналиста / Л. С. Макарова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2010. – № 4 (2). – С. 889–892. – URL: <http://www.vestnik.unn.ru/ru/nomera?anum=3587>.
3. Иванов, В. К. Государственная политика в сфере средств массовой информации / В. К. Иванов // Politbook. – 2015. – № 3. – С. 152–179. – URL: https://politbook.online/images/pdf/PolitBook2015_Issue_3.pdf.
4. Гуреева, А. Н. Формирование медиаобраза государства в контексте медиатизации политической коммуникации / А. Н. Гуреева, П. А. Киреева // Вестник Московского университета. Серия 10. «Журналистика». – 2022. – № 6. – С. 28–55.
5. Галумов, Э. А. Международный имидж современной России : дис. ... д-ра полит. наук / Э. А. Галумов. – М., 2004. – С. 36–43.
6. Возжеников, А. В. СМИ как субъект формирования патриотизма и гражданственности: исторический опыт и перспективы / А. В. Возжеников, А. Н. Кузнецов // Коммуникология. – 2022. – № 10 (1). – С. 107–118.
7. Кручевская, Г. В. Профессиональные ценности журналистики в сфере политической коммуникации / Г. В. Кручевская // Журналистский ежегодник. – 2014. – № 3. – С. 56–59. – URL: https://journals.tsu.ru/uploads/import/1120/files/3_056.pdf.
8. Смирнова, О. В. Ценностные ориентации журналистов России и Китая: сравнительный анализ профессионально-этических кодексов / О. В. Смирнова, С. Б. Стебловская // Вопросы теории и практики журналистики. – 2022. – Т. 11, № 3. – С. 453–472.
9. Таиров, А. Р. Газетные конкурсы как средство продвижения печатных изданий на региональных рынках СМИ / А. Р. Таиров // Вестник Университета Российской академии образования. – 2008. – № 3. – С. 19–22. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?edn=nrckod&ysclid=lv0r3b37wb383850065>.
10. Положение о проведении Всероссийского конкурса на лучшее журналистское произведение 2024 года. Сайт Союза журналистов России. – URL: <https://ruj.ru/contests/szhr-nachinaet-priem-zaya-vok-na-vserossiiskii-konkurs-na-luchshee-zhurnalistskoe-proizvedenie-2024-goda-21000>.
11. Положение о Всероссийском фестивале по тематике безопасности и спасения людей «Созвездие мужества» // Сайт МЧС России. – URL: <https://mchs.gov.ru/ministerstvo/meropriyatiya-mchs-rossii/vserossiyskiy-festival-po-tematike-bezopasnost-i-spaseniya-lyudey-sozvezdie-muzhestva>.
12. Всероссийский конкурс журналистов «Экономическое возрождение России» // Сайт Торгово-промышленной палаты РФ. – URL: <https://jurec.tpprf.ru/usloviya/?ysclid=lue3nxl2ta310176804>.
13. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы». – URL: https://base.garant.ru/1584972/#block_1000.
14. Постановление Правительства РФ от 11 июля 2005 г. № 422 «О государственной программе “Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 годы”». – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=5&nd=102098946&ysclid=luqlxvtlnw338206929.
15. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы». – URL: <https://base.garant.ru/199483/?ysclid=luqm9cwh5676511326>.
16. Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2015 г. № 1493 «О государственной программе “Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы”». – URL: <https://base.garant.ru/71296398/?ysclid=luxs87x82272072506>.
17. Творческие конкурсы. Архив Роспечати. – URL: <https://web.archive.org/web/20211111091448/https://fapmc.gov.ru/rospechat/newsandevents/contest.html>.
18. Патриотизм в актуальных трактовках, отечественных СМИ и сознании россиян / под ред. А. Н. Чумикова, Ю. П. Квятковского. – М. : Маска, 2009. – 96 с.
19. План мероприятий по реализации в 2021–2025 годах Стратегии развития воспитания в Российской Федерации. Сайт Правительства РФ. – URL: <http://static.government.ru/media/files/LkiAgAELFrIG0oAFgKCjKdAWdi6jbZU5.pdf>
20. Федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан РФ». Сайт Минпросвещения РФ. – URL: <https://edu.gov.ru/national-project/projects/patriot/>.
21. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года». Российская газета. 8.06.2015. – URL: <https://rg.ru/documents/2015/06/08/vospitanie-dok.html>.
22. Итоги Всероссийского конкурса «СМИ-творец». Сайт Росмолодежи. – URL: <https://fadm.gov.ru/news/35-smi-i-blogov-stali-pobeditelyami-vse-rossiyskogo-konkursa-smirotvorets-2023-/?ysclid=lue462z1fq87619756>.

23. Положение о Всероссийском конкурсе СМИ «Культура Слова» – 2023. Сайт конкурса. – URL: <https://kulturaslova.ru/polozhenie.html?ysclid=luf6heq8uz382494744>.

24. Всероссийский конкурс молодых журналистов «Вызов XXI век». Сайт Международного

пресс-клуба. – URL: https://pr-club.com/actual/xix-vserossijskij_konkurs.

25. Всероссийский патриотический фестиваль СМИ «Щит России». Сайт фестиваля. – URL: <https://patriotfest.ru/>.

Чумиков Александр Николаевич – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры коммуникационных технологий Института международных отношений и социально-политических наук, Московский государственный лингвистический университет (Москва), e-mail: chumikov@pr-club.com. ORCID 0000-0002-7208-9783

Поступила в редакцию 16 апреля 2024 г.

DOI: 10.14529/ssh240313

STATE MEDIA CONTESTS AS A FORM OF PROMOTING PATRIOTIC VALUES

A. N. Chumikov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

This paper considers Russian state policy and the actions of the media in the formation and promotion of patriotic values. Media contests are highlighted as a key form of implementing such values. The contests are understood as the voluntary and mass involvement of journalists in the cause of patriotic education.

The media in general, and media contests in particular, in federal programs of patriotic education adopted in 2001–2024 and the practice of holding contests by state, public, and commercial organizations are analyzed.

The paper describes a consistently formed national model of such contests, which reached the peak of their popularity in 2020, including the federal and interregional media contests “Patriot of Russia”, “Glory of Russia”, “My Small Homeland”, “Challenge of the 21st Century”. Guidelines for the further development of the media as conduit of patriotic education were presented at the conference “The contribution of the media to the implementation of the state program of patriotic education of Russian citizens”. The conference adopted a “Memorandum on Patriotism”, which functions as an information standard – an ethical guide for the compilation and evaluation of media texts.

Since 2020, patriotic policy, its media components, and media contests have largely moved from federal strategies to federal departmental programs. The number of federal-scale media contests has significantly decreased.

This situation requires correction with a return to the experience and models of the previous period discussed in the article.

Keywords: state policy, patriotic values, patriotic education programs, media contests, organizational and financial support, voluntary involvement, information standard.

References

1. Kontseptsiya patrioticheskogo vospitaniya grazhdan Rossiyskoy Federatsii [The Concept of Patriotic Education of Citizens of the Russian Federation]. 2003. URL: <https://base.garant.ru/6148105/?ysclid=luqpedr0lr572397266>.

2. Makarova L.S. Patriotizm i tolerantnost' kak tsnostnye ustanovki budushchego zhurnalista [Patriotism and Tolerance as the Values of a Future Journalist] // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 2010. № 4 (2). S. 889–892. URL: <http://www.vestnik.unn.ru/ru/nomera?anum=3587>.

3. Ivanov V.K. Gosudarstvennaya politika v sfere sredstv massovoy informatsii [State Policy in the Field of Media] // *Politbook*. 2015. № 3. S. 152–179. URL: https://politbook.online/images/pdf/PolitBook2015_Issue_3.pdf.

4. Gureeva A.N., Kireeva P.A. Formirovanie mediaobraza gosudarstva v kontekste mediatizatsii politicheskoy kommunikatsii [Formation of the Media Image of the State in the Context of Mediatization of Political Communication] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. «Zhurnalistska»*. 2022. № 6. S. 28–55.
5. Galumov E.A. Mezhdunarodnyy imidzh sovremennoy Rossii [International Image of Modern Russia]: dis. ... d-ra polit. nauk. M., 2004. S. 36–43.
6. Vozzhenikov A.V., Kuznetsov A.N. SMI kak sub"ekt formirovaniya patriotizma i grazhdanstvennosti: istoricheskiy opyt i perspektivy [The Media as a Subject of the Formation of Patriotism and Citizenship: Historical Experience and Prospects] // *Kommunikologiya*. 2022. № 10 (1). S. 107–118.
7. Kruchevskaya G.V. Professional'nye tsennosti zhurnalistski v sfere politicheskoy kommunikatsii [Professional Values of Journalism in the Field of Political Communication] // *Zhurnalistskiy ezhegodnik*. 2014. № 3. S. 56–59. URL: https://journals.tsu.ru/uploads/import/1120/files/3_056.pdf.
8. Smirnova O.V., Steblovskaya S.B. Tsennostnye orientatsii zhurnalistov Rossii i Kitaya: sravnitel'nyy analiz professional'no-eticheskikh kodeksov [Value Orientations of Journalists in Russia and China: Comparative Analysis of Professional Ethical Codes] // *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistski*. 2022. T. 11, № 3. S. 453–472.
9. Tairov A.R. Gazetnye konkursy kak sredstvo prodvizheniya pechatnykh izdaniy na regional'nykh rynkakh SMI [Newspaper Competitions as a Means of Promoting Printed Publications in Regional Media Markets] // *Vestnik Universiteta Rossiyskoy akademii obrazovaniya*. 2008. № 3. S. 19–22. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?edn=nrckod&ysclid=lv0r3b37wb383850065>.
10. Polozhenie o provedenii Vserossiyskogo konkursa na luchshee zhurnalistskoe proizvedenie 2024 goda [Regulations on the All-Russian Competition for the Best Journalistic Work in 2024]. Sayt Soyuzha zhurnalistov Rossii. URL: <https://ruj.ru/contests/szhr-nachinaet-priem-zayavok-na-vserossiiskii-konkurs-na-luchshee-zhurnalistskoe-proizvedenie-2024-goda-21000>.
11. Polozhenie o Vserossiyskom festivale po tematike bezopasnosti i spaseniya lyudey «Sozvezdie muzhestva» [Regulations on the All-Russian Festival on the Theme of Safety and Rescue of People “Constellation of Courage”]. Sayt MChS Rossii. URL: <https://mchs.gov.ru/ministerstvo/meropriyatiya-mchs-rossii/vserossiyskiy-festival-po-tematike-bezopasnosti-i-spaseniya-lyudey-sozvezdie-muzhestva>.
12. Vserossiyskiy konkurs zhurnalistov «Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii» [All-Russian Competition of Journalists “Economic revival of Russia”]. Sayt Torgovo-promyshlennoy palaty RF. URL: <https://jurec.tpprf.ru/usloviya/?ysclid=lue3n12ta310176804>.
13. Gosudarstvennaya programma «Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossiyskoy Federatsii na 2001–2005 gody» [State Program “Patriotic Education of Citizens of the Russian Federation for 2001–2005”]. URL: https://base.garant.ru/1584972/#block_1000.
14. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 11 iyulya 2005 g. № 422 «O gosudarstvennoy programme “Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossiyskoy Federatsii na 2006-2010 gody”» [Decree of the Government of the Russian Federation of July 11, 2005 № 422 “On the state program "Patriotic education of citizens of the Russian Federation for 2006–2010"”]. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=5&nd=102098946&ysclid=luqlxvtlnw338206929.
15. Gosudarstvennaya programma «Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossiyskoy Federatsii na 2011–2015 gody» [State Program “Patriotic Education of Citizens of the Russian Federation for 201–2015”]. URL: <https://base.garant.ru/199483/?ysclid=luqm9cwh5676511326>.
16. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 30 dekabrya 2015 g. № 1493 «O gosudarstvennoy programme “Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossiyskoy Federatsii na 2016-2020 gody”» [Decree of the Government of the Russian Federation of December 30, 2015 № 1493 “On the state program "Patriotic education of citizens of the Russian Federation for 2016-2020"”]. URL: <https://base.garant.ru/71296398/?ysclid=luxs87x8227202506>.
17. Tvorcheskie konkursy [Creative Competitions]. Arkhiv Rospechati. URL: <https://web.archive.org/web/20211111091448/https://fapmc.gov.ru/rospechat/newsandevents/contest.html>.
18. Patriotizm v aktual'nykh traktovkakh, otechestvennykh SMI i soznanii rossiyan [Patriotism in Current Interpretations, Domestic Media and the Consciousness of Russians] / pod red. A.N. Chumikova, Y.P. Kvyatkovskogo. M.: Maska, 2009. 96 s.
19. Plan meropriyatiy po realizatsii v 2021–2025 godakh Strategii razvitiya vospitaniya v Rossiyskoy Federatsii [Action Plan for the Implementation in 2021–2025 of the Strategy for the Development of Education in the Russian Federation]. Sayt Pravitel'stva RF. URL: <http://static.government.ru/media/files/LkiAgAELFrIG0oAFgKCjKdAWdi6jbZU5.pdf>
20. Federal'nyy proekt «Patrioticheskoe vospitanie grazhdan RF» [Federal Project “Patriotic Education of Russian Citizens”]. Sayt Minprosveshcheniya RF. URL: <https://edu.gov.ru/national-project/projects/patriot/>.
21. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 29 maya 2015 g. № 996-«Strategiya razvitiya vospitaniya v Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda» [Order of the Government of the Russian Federation of May 29, 2015 № 996-r “Strategy for the development of education in the Russian Federation for the period until 2025”] // *Rossiyskaya gazeta*. 8.06.2015. URL: <https://rg.ru/documents/2015/06/08/vospitanie-dok.html>.

22. Itogi Vserossiyskogo konkursa «SMIrotvoret» [Results of the All-Russian Competition “Media Creator”]. Sayt Rosmolodezhi. URL: <https://fadm.gov.ru/news/35-smi-i-blogov-stali-pobeditelyami-vserossiyskogo-konkursa-smirotvoret-2023-/?ysclid=lue462z1fq87619756>.

23. Polozhenie o Vserossiyskom konkurse SMI «Kul'tura Slova» – 2023 [Regulations on the All-Russian Media Competition “Culture of the Word”]. Sayt konkursa. URL: <https://kulturaslova.ru/polozhenie.html?ysclid=luf6heq8uz382494744>.

24. Vserossiyskiy konkurs molodykh zhurnalistov «Vyzov 21 vek» [All-Russian Competition for Young Journalists “Challenge of the 21st Century”]. Sayt Mezhdunarodnogo press-kluba. URL: https://pr-club.com/actual/xix-vserossiyskiy_konkurs.

25. Vserossiyskiy patrioticheskiy festival' SMI «Shehit Rossii» [All-Russian Patriotic Media Festival “Shield of Russia”]. Sayt festivalya. URL: <https://patriotfest.ru/>.

Alexander N. Chumikov – D. Sc. (Philology), Professor of the Department of Communication Technologies at the Institute of International Relations and Socio-Political Sciences, Moscow State Linguistic University (Moscow), e-mail: chumikov@pr-club.com

Received April 16, 2024

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Чумиков, А. Н. Государственные медийные конкурсы как форма продвижения патриотических ценностей / А. Н. Чумиков // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2024. – Т. 24, № 3. – С. 111–120. DOI: 10.14529/ssh240313

FOR CITATION

Chumikov A. N. State media contests as a form of promoting patriotic values. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2024, vol. 24, no. 3, pp. 111–120. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh240313

СВЕДЕНИЯ ОБ ИЗДАНИИ

Журнал основан в 2001 году. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-57373 выдано 24 марта 2014 г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный университет» (национальный исследовательский университет).

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования Российской Федерации журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки), 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки), 5.6.3. Археология (исторические науки), 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки), 5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации, 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика, 5.10.1. Теория и история культуры, искусства, 5.10.3. Виды искусства (с указанием конкретного искусства).

Журнал включен в Реферативный журнал и базы данных ВИНТИ. Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory».

Подписной индекс 29076 в объединенном каталоге «Пресса России».

Периодичность выхода — 4 номера в год.

Адрес редакции, издателя: 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76, Издательский центр ЮУрГУ, каб. 32.

ТРЕБОВАНИЯ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ МАТЕРИАЛОВ

1. В редакцию предоставляется электронная (документ Microsoft Word) версия работы, экспертное заключение о возможности опубликования работы в открытой печати, сведения об авторах (Ф.И.О., место работы, звание и должность для всех авторов работы, сроки обучения в аспирантуре для аспирантов), контактная информация ответственного за подготовку рукописи (адрес, телефон, e-mail).

2. Структура статьи: УДК, название, список авторов, ORCID (Open Researcher and Contributor ID) каждого автора, аннотация (200—250 слов), список ключевых слов, текст работы, литература (в порядке упоминания, ГОСТ 7.1-2003), сведения об авторах. После текста работы следует название, аннотация, список ключевых слов, список литературы и сведения об авторах на английском языке.

3. Параметры набора. Поля: верхнее — 30, нижнее — 30, левое — 30, правое — 30 мм. Шрифт — Times New Roman, кегль — 14. Отступ красной строки 0,7 см, интервал между абзацами 0 пт, межстрочный интервал — полуторный. Рисунки и схемы должны быть сгруппированы и иметь названия.

4. Адрес редакционной коллегии научного журнала «Вестник ЮУрГУ» серия «Социально-гуманитарные науки»: Россия, 454080, г. Челябинск, пр. им. В. И. Ленина, 76, главный корпус, Южно-Уральский государственный университет, Институт медиа и социально-гуманитарных наук, дирекция ИМСГН, 435/1. Тел./факс (351) 267-90-29. E-mail: shesterkinalp@susu.ru, главный редактор — профессор Шестеркина Людмила Петровна, ответственный секретарь — доцент Салганова Елена Ивановна.

5. Полную версию правил подготовки рукописей и пример оформления можно загрузить с сайта журнала <http://vestnik.susu.ru/humanities>.

6. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

ВЕСТНИК
ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия
«СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»
2024 Том 24, № 3

16+

Главный редактор *Шестеркина Л. П.*
Компьютерная верстка: *Выборнова Л. В.*

Издательский центр Южно-Уральского государственного университета

Подписано в печать 16.07.2024. Дата выхода в свет 23.07.2024. Формат 60×84 1/8.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 14,41. Тираж 500 экз. Заказ 236/295. Цена свободная.

Отпечатано в типографии Издательского центра ЮУрГУ.
454080, г. Челябинск, проспект Ленина, 76.